ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2000

УДК 08

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2000, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. Сануков (главный редактор)
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора)
В. Е. Владикин
Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь)
А. Г. Иванов
М. Г. Иванова
А. Д. Каксин
В. К. Кельмаков
Г. М. Керт
Н. Д. Конаков
В. Г. Кудрявцев
Т. Л. Молотова
В. В. Напольских
Т. Б. Никитина
А. Н. Ракин
В. В. Седов
В. С. Соловьев
Д. В. Цыганкин

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Сакуков К. Национальная государственность финно-угров России..... 3
Иванов И. Литературный язык как одна из форм функционирования языка..... 17
Плосков И. Образы коми сказок и преданий (к проблеме взаимодействия сказки и несказочной прозы)..... 35
Григорьева Л. Этапы изучения восточного наречия марийского языка..... 48

СООБЩЕНИЯ

Аксёнов В. Этнические процессы в бассейнах Мокши и Вада в VIII-XI веках..... 59
Соловар В., Стирякова Л. Имя числительное в хантыйском языке..... 66
Белова Е. Вторичные аффрикаты в удмуртском языке..... 73
Соколова Г. Морфолого-синтаксические виды связи слов между компонентами определительных конструкций марийского языка..... 82
Ромбаноева Е. Этимология названий деревьев, кустарников, ягод и некоторых географических терминов в мансийском языке..... 86
Васинкин А. Национальные особенности современной марийской прозы..... 91
Йоарова И. Жанр очерка в творчестве Н. Игнатьева..... 98
Бояринова Г. Внутренний драматизм характеров в драме К. Коршунова «Грозовое зарево»..... 105
Шабоарова Л. Символическое многообразие образа липы в фольклоре марийского народа..... 110

ПЕРСОНАЛИИ

Китиков А. Профессору И.С. Галкину – 70 лет..... 116
Куликов К. К55-летию Маргариты Григорьевны Ивановой..... 120

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Никитин В. Рец.: Ставицкий В. В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999. 196 с..... 133
Смирнов К. Рец.: Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. 388 с..... 138
Зеленеев Ю. Рец.: Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. 132 с..... 143
Галкин И. Рец.: Казанцев Д. Е. Республика Марий Эл. Сернурский район. Прошлое и настоящее. Историко-лингвистический очерк. Йошкар-Ола, 1999. 190 с..... 148

ХРОНИКА

Садовин И. Финно-угорский календарь культурной и научной жизни 2000 года..... 150
Сведения об авторах..... 158

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

СТАТЬИ

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ФИННО-УГРОВ РОССИИ

2000-2001 годы знаменательны для финно-угорских народов России: исполнилось или исполняется 80-летие создания автономных государственных образований карел, марийцев, удмуртов, коми, 75-летие автономии коми-пермяков, 70-летие автономии мордвы, ханты и манси, а также ненцев. С этого рубежа полезно оглянуться на пройденный путь, особенно с учетом некоторых складывающихся в России тенденций в общественно-политической жизни и гуманитарных науках.

Проблемы национальных отношений, особенно национально-государственного устройства народов России, вызывают в современных условиях повышенное внимание общественности. На фоне резкого обострения межнациональных взаимоотношений в качестве определенной реакции на это состояние стало широко распространяться негативное отношение к самому принципу территориально-национальной государственности народов. Особенно популярной стала пропаганда лозунга "Единой и неделимой России", напрямую возвращающего нашу историческую память к имперскому прошлому, выдвигаются требования вернуться к губернскому делению страны и соответственно - ликвидировать национальную государственность народов. В связи с этим большой интерес представляет ретроспективный взгляд на исторический опыт финно-угорских народов России, обобщение их исторического опыта - как позитивного, так и негативного, как в обобщенном виде, так и относительно конкретных народов и территорий.

Историография проблемы национальной государственности финно-угорских народов России, исторического опыта их автономного национально-государственного строительства весьма богата. Первыми публикациями на эту тему были статьи активных участников тех событий. Они опублико-

ваны в 1920-1930-х годах в юбилейных сборниках, посвященных 5-ой, 10-ой, 15-ой годовщинам автономий, в различных краеведческих журналах и сборниках. В них содержится довольно богатый фактический материал, рассказывается о конкретных делах национальных организаций и крупных общественно-политических деятелей, события описывались в целом близко к исторической правде, хотя уже с начала 30-х годов в такие публикации проникли партийно-политические оценки в духе своего времени. Более того, представители передовой демократической интеллигенции финно-угорских народов были обвинены в том, что они хотели создать "буржуазно-демократические государства" своих народов, отделить их от СССР и присоединить к Финляндии или - как минимум - образовать Федерацию финно-угорских республик под протекторатом Финляндии ("дело федералистов" 1931 года, "дело СОФИН" 1932 года) (1, 2). В период массовых репрессий 1937-1938 годов были репрессированы не только они, но практически все активные участники создания автономий финно-угорских народов. После этого описание становления автономий этих народов стало безымянным, схематичным. А об исследовании исторических корней их государственности не могло быть и речи.

После XX съезда КПСС, с реабилитацией многих активных национальных деятелей, стало возможным писать более правдивую историю, с возвращением в историческую канву многих имен. В работах 1960-1980-х годов в значительной мере восстановлена объективная картина образования автономных областей и республик. Но всё же это был только этап полуправды. С конца 80-х годов начался новый этап историографии государственности финно-угорских народов России, основанный на новом историческом мышлении, освобождении от многих идеологических штампов предшествующего времени (3,4). Но и до настоящего времени в освещении данной проблемы осталось немало "белых пятен" и имеется большой налет идеологизации и идеализации большевистской политики.

Для правильного понимания современных этнополитических процессов необходимо не только освободиться от этого, но и посмотреть на проблему на широком историческом фоне. Ибо на сегодняшнюю ситуацию большое влияние оказывает как недавнее прошлое, так и давно минувшее время.

Финно-угры, не успев создать своей государственности, еще на заре своей истории, на стадии выхода из первобытнообщинного состояния и завершения этногенеза, оказались в орбите геополитических интересов более сильных и многочисленных, лучше вооруженных и лучше в военном отношении организованных соседей: германцев, славян, тюрков, и были вовлечены в систему их государственности. Ранее занимавшие значительную

территорию и довольно многочисленные, они сокращались численно и сжимались территориально, теснимые с запада русскими, с юго-востока тюрками. Имманентное, внутреннее социально-политическое развитие было перекрыто внешним фактором, связанным с включением этих народов в государственные образования других народов, переживавших (по Л. Н. Гумилеву) пассионарный подъем, в то время как сами продолжали пребывать в состоянии обскурации и стагнации. Важные последствия для исторических судеб финно-угров имело то, что пассионарная энергия их соседей была направлена вовне, на военные завоевания и колонизацию новых чужих земель, а не на благоустройство и облагораживание своей исконной родины.

Вепсы, карелы, коми, "пермь", ижора, водь, частично эсты, саами, мордва, удмурты, "черемисы" (мари), "югра" (ханты и манси), "самоеды" (ненцы) еще со времен Киевской и Новгородской Руси были вовлечены в русло славяно-русской военно-торгово-колонизационной экспансии и складывания русской государственности. В этом движении славяно-русов на север и северо-восток исчезли известные по древнерусским летописям Меря, Мурома, Мещера, Чудь Заволочская, сохранились только осколки племен "Весь" (вепсы), ижоры, води. В это же время западные финно-угорские племена (финны, эсты, ливы, частично карелы, саами) испытали на себе захватнические устремления немецких, шведских и датских завоевателей. При этом финны и эстонцы, даже потеряв независимость, смогли отстоять и сохранить свою этничность и себя как народы, а ливы разделили судьбу, схожую с ижорой, водью, вепсами.

А на юго-восточной окраине финно-угорского ареала находился и наступал воинственный тюркский мир - хазары, волжско-камские булгары, татаро-монголы, и восточные угро-финны (большая часть мордвы, черемис, удмуртов, хантов и манси) попали в зону складывания государственности тюркских завоевателей, оказались в сфере влияния и воздействия тюркского Востока. Но всё же здесь даже под так называемым "татаро-монгольским игом" они сохранились.

Во время стремительного завоевания Батыем Болгарии и затем русских земель лесные районы финно-угров остались в стороне от продвижения монгольской конницы, но затем они тоже подверглись нашествию и разорению. Венгерский монах-путешественник Юлиан сообщал: "они (татаро-монголы) напали на Вадин, Меровию, Пойдовию и царство морданов" (5, с. 85-86). Эти земли вместе с волжско-камскими булгарами, предками чувашей непосредственно вошли в состав Золотой Орды, составляя там крайнюю северную периферию. Северные границы Золотой Орды не фиксировались точно, и поэтому можно полагать, что лесные финно-угры имели

возможность пользоваться некоторой полусвободой, своеобразной "автономией". Золотоордынское "иго" ограничивалось в основном сбором дани руками местной феодализирующейся родоплеменной верхушки. Это было обусловлено не только удаленностью от центральных районов Золотой Орды, но, прежде всего географическими условиями лесной зоны, не пригодной не только для постоянного проживания кочевников, но даже для размещения каких-либо более или менее крупных постоянных воинских контингентов. Для удобства сбора дани и выполнения других повинностей эти периферийные улусы были разделены на даруги и беляки, а население стало делиться на десятки и сотни. Так появились новые социальные категории - тарханы, туруны, десятники, сотники, то есть зачатки феодального класса, способные в более благоприятных условиях стать консолидирующей силой в создании национальной государственности.

Представители местной феодализирующейся знати, кроме сбора дани (ясака), обязаны были участвовать в грабительских военных походах золотоордынских правителей.

Параллельно этому тоже в течение длительного исторического периода происходило вовлечение западных групп поволжских финнов в зону русского влияния и владычества. Еще во времена Киевской Руси начался этот процесс. В "Слове о погибели Русской земли" сообщалось: "Буртаси, черемиси, вяда и мордва бортничаху на князя великого Володимера..." (т.е. поставляли дань медом). Еще в 1221 году на месте мордовского поселения в устье Оки был поставлен Нижний Новгород, при этом разгромлены зачатки древнемордовской государственности ("Пургасова волость"). Великий Новгород осуществлял свой натиск на северо-восток, при этом в зону его господства попали "чудские", карельские, коми-зырянские, северные марийские и удмуртские, пермяцкие, "югорские" земли.

Продвижение русских на восток и северо-восток продолжалось и в период феодальной раздробленности Руси, и в период господства Золотой Орды. Костромское, Галичское, Нижегородское, Рязанское княжество включали в свой состав и земли, населенные марийцами и мордвой; в Вятскую "землю" входили северные марийские и удмуртские земли.

Известны, например, летописные свидетельства о распространении власти Галичского княжества на ветлужских марийцев и присоединении Ветлужского черемисского княжества ("кугузства") во главе с "кугузом" (*кугуза* - старший мужчина в роду, аналогично этому и слово *кугыжа* - "большой хозяин", т.е. царь, государь) и что галичские князья в свое войско привлекали "чудь и луговую черемису". История этого "черемисского княжества" интересна в связи с тем, что она возникла на территории, равно удаленной как от русских княжеств, так и татарских владений, на землях,

где власть тех и других была номинальной и лишь эпизодической, куда по-настоящему "не доходили руки" как тех, так и этих завоевателей. Марийские "кугузы" Ходжа-Яралтем, Кай, Бай-Борода в течение длительного времени лавировали между русскими и татарами. "Ветлужский черемисский князь" Кельдебек в начале XУ века в союзе с казанцами и вятскими правителями боролся против проводников московской политики на Северной Двине и Великом Устюге, успешно соперничая с Галичем и Костромой. Но к середине XV века княжество было ослаблено засухой, моровой язвой, эпидемией чумы, внутренними распрями, предательством части родоплеменной верхушки, принявшей христианство (6).

Подобные "княжества" (протогосударства) по русским летописям известны также у мордвы, коми-пермяков, хантов и манси. Это показывает, что внутренние этносоциальные силы восточных финно-угорских народов созрели для создания собственной национальной государственности с четкой этнической идентификацией, но они не могли реализовать эту возможность из-за внешних условий.

На Волге и Суре, на Ветлуге и Вятке коренное мордовское, марийское, удмуртское население становилось объектом военно-политического соперничества Руси и Золотой Орды. Сохранились многочисленные известия об опустошительных взаимных военных походах русских и татар, от которых в первую очередь терпело большой урон местное коренное население, находившееся между двумя крупными феодальными государствами, как между молотом и наковальней.

В процессе объединения русских княжеств и "земель" вокруг Москвы в состав формировавшегося Русского государства вошли ижора, карелы, коми-зыряне, коми-пермяки, частично саами, ненцы, ханты, манси и некоторые мордовские, марийские, удмуртские земли. Конкретно в данном случае речь идет о тех территориях, которые до этого уже входили в Новгородскую землю, Рязанское, Галичское, Костромское, Нижегородское княжества, в Вятскую землю. Так Россия изначально стала формироваться как полиэтничное государство. И первой неславянской составляющей русской государственности был финно-угорский компонент.

"Собирание золотоордынского наследия" (7) завершилось в XVI веке, когда русский колонизационный поток с преобладанием военных методов устремился в Поволжье и на Урал, а затем перевалил за Уральские горы, на сибирские просторы.

В середине - второй половине XVI века Московской Русью полностью были завоеваны и включены в систему русской государственности восточные финно-угорские народы, находившиеся до этого под властью татарских ханств - Казанского (удмурты, мари, мордва) и Сибирского (ханты и ман-

си). Завоевание сопровождалось жестокостями, равными синхронным "подвигам" испанцев в Америке, португальцев в Африке. Сопротивление завоевателям жестоко подавлялось карательными экспедициями, значительная часть коренного населения (в первую очередь "лучшие люди", т.е. феодализировавшаяся родоплеменная верхушка) была уничтожена во время подавления национально-освободительной борьбы. С точки зрения развития идеи национальной государственности интерес представляет попытка вождя лугово-марийских "мятежников" Мамич-Бердея образовать "Черемисское царство" с приглашением ногайского царевича (8).

После включения в состав Российского государства насилие в сочетании с более тонкими формами порабощения сопровождало финно-угров и в установлении нового административного управления и в политике христианизации, т.е. в насаждении чуждой государственной религии. В начале XVIII века по Ништадтскому миру к России от Швеции были присоединены эстонцы, ливы, ижора, водь, ингерманландские финны, оставшаяся часть карел, а еще через столетие Россия отобрала у Швеции Финляндию.

В Российской империи, несмотря на многонациональный состав ее населения, административное устройство совершенно не учитывало расселение народов, этнический состав населения регионов. Районы их компактного проживания были искусственно разорваны между разными административными единицами. Только финны среди всех подданных империи имели автономную государственность.

Обращает внимание синхронность исторического процесса. Именно в эту же эпоху потеряли независимость венгры, попав под турецкую, а затем под австрийскую зависимость.

Общественные процессы у финно-угорских народностей в Российской империи развивались замедленно. Им не разрешалось жить в городах, и у них не имелось городского населения; не допускалось формирование феодального класса, а потомки имевшихся к моменту присоединения к России и сохранившихся от физического истребления небольших групп феодализировавшейся родоплеменной верхушки ("служилые инородцы") в начале XVIII века были слиты с государственными крестьянами. Таким образом, эти народы оказались этносами с неполной социальной структурой - чисто крестьянскими народностями, что крайне отрицательно сказывалось на этническом развитии, ибо у таких народов не имеется социальной силы, способной поднимать общественно-политические проблемы, тем более вопросы национального самоопределения, автономии, государственности.

Начало разрушения патриархальных устоев, зарождение товарно-рыночных отношений, ведущих к складыванию буржуазной общественной структуры, у финно-угров России относится к концу XIX - началу XX века.

В это время произошло и зарождение новой социальной силы - немногочисленной национальной интеллигенции, выдвинувшей задачу самоопределения и достижения автономии.

После Февральской революции получили развитие национальные движения. При этом финны и эстонцы ставили задачу образования независимых государств, что им удалось осуществить после Октябрьского переворота, пройдя через горнило гражданской войны и попытки советской интервенции. Падение царизма породило у активной, образованной части и других финно-угорских народов большие надежды на демократическое обновление жизни, на национальное возрождение. Просветительская интеллигенция стала вести активную общественную работу, наметила обширную программу национального развития родного народа, стала катализатором народного самосознания. Она получила надежду и возможность начать претворять в жизнь свои демократические взгляды и устремления, направленные на социально-культурное возрождение родных народов на основе строительства в обновленной России демократического общества.

Оформились национальные движения у некоторых народов ("Мари ушем" у мари). Кроме организаций и обществ отдельных народов, возникли и региональные объединения, свидетельствуя об общности задач и путей их решения. В Казани было учреждено "Общество мелких народностей "Поволжья", в котором образовались вотяцкая (удмуртская) и черемисская (марийская) секции. В его работе принимали участие представители мордвы. В мае 1917 года состоялся первый съезд этого объединения. В докладах и выступлениях делегатов, в решениях съезда содержались требования и планы создания условий для возрождения языка, культуры, в целом народной традиционной, духовной жизни, расширения национальной школы.

В повестке дня первого съезда мелких народностей Поволжья был и вопрос "О местном самоуправлении". Характерно, что тогда прозвучали предложения об "осуществлении в России Федеративной республики" с последовательной организацией "особых национальных штатов", но они не получили поддержки большинства, так как, мол, поволжские народы "до этого недоразвились". В частности, таким было выступление представителя мари В. М. Васильева, в то время как представитель удмуртов Борисов поддержал идею "национальных штатов", но оказался в числе меньшинства. Активные национальные силы у удмуртов, мари, коми, мордвы ограничивались требованиями культурной автономии, национальная идея среди них не поднялась до уровня требований территориально-политической автономии, тем более до политического "сепаратизма".

После Октябрьского переворота, в ходе которого большевики провозгласили право на самоопределение всех народов России, национальные

движения и организации высказались в поддержку Советской власти, но при этом вопросы автономии не сразу оказались в фокусе внимания. Впервые эта проблема для марийцев, удмуртов, мордвы оказалась значимой в связи с провозглашением Татаро-Башкирской Советской республики весной 1918 года, но события гражданской войны отодвинули ее решение. Только на завершающем этапе гражданской войны вопрос вновь стал актуальным.

Осуществление права на автономию отдельных финно-угорских народов имело свои особенности. Часть карельского национального движения, например, выступала за независимость ("Карелия сама должна решать свои дела и отделиться от России"), в конечном счете, имея в виду создание совместного с финнами независимого государства. Чтобы предотвратить это, 8 июня 1920 года был принят декрет ВЦИК об образовании Карельской Трудовой Коммуны. Затем в июле был созван "Всекарельский съезд представителей трудящихся карел", образован Карельский ревком. А территория Карельской Трудовой Коммуны была определена только 4 августа того же года.

Другой порядок мер был проведен в отношении марийской и удмуртской автономии. 4 ноября 1920 года они были провозглашены (это были пропагандистские акты, приуроченные к 3-ей годовщине Октября), позже определены территории и лишь потом созданы ревкомы. У коми был третий вариант: сначала в январе 1921 года образован ревком, а сама автономная область провозглашена 22 августа.

Декретами "сверху" были образованы автономии в усеченной форме автономных областей карельского, марийского, удмуртского, коми народов. У мордвы вопрос об автономном устройстве вообще был поставлен только в мае 1921 года на Всероссийском съезде мордовских коммунистов в Самаре (9, с.245), но в начале 20-х годов он не был решен, потому что тогда соответствующие органы придерживались ориентации на выделение территории с не менее 50 % коренной национальности. И только в 1928 году был образован Мордовский округ, преобразованный в 1930 году в автономную область.

При образовании Коми АО была искусственно раздута коми-пермяцкая проблема, и ее суррогатное решение было проведено в 1925 году в форме национального округа. В 1930 году подобную автономию получили ханты и манси, а также ненцы.

Какова была политико-правовая основа автономных областей? Она определялась тем, что РСФСР была организована на конституционной основе, а не на договорной (исключение составляло положение только Башкирской АССР). Власти Советской России вели себя как правопреемники Российской империи, смотрели на земли нерусских народов как на неотъ-

емлемые части своей территории. Поэтому никакой речи о договорах между Россией и ее частями не могло быть.

Автономия была "дарована" финно-угорским народам как бы в обмен на поддержку Советской власти, политики большевиков. Эти народы были слабо организованы, демократические национальные организации на волне демократического этапа революции у большинства из них не были образованы, а где имелись (как, например, "мари ушем"), они были новой властью запрещены. Имевшиеся в период создания автономии органы (национальные отделы при Наркомнаце, национальные секции при коммунистических партийных комитетах и исполкомах Советов) были полностью под большевистским партийным контролем. Выступая от имени своих народов, они в качестве просителей соглашались с той формой автономии, которой удостоил их Центр. Во всяком случае, в архивах не обнаружено документов о том, что Центральный отдел мари при Наркомнаце, Центральное марийское бюро при ЦК РКП/б/ ставили в 1920 году вопрос о республике. Активные работники из коми и удмуртов поднимали вопрос об автономной республике, но эти попытки были пресечены.

Самостоятельность автономных областей была весьма ограниченной. В Положении о них устанавливалась правовая норма, по которой их исполкомы были объявлены "на правах губисполкомов". Между тем местные деятели стремились к расширительному толкованию автономии, в то время как для Центра была присуща суженная ее трактовка. В июле 1921 года от имени Марийской, Коми, Удмуртской автономных областей во ВЦИК был представлен проект постановления. В нём предлагалось из соответствующего Положения вычеркнуть слова "на правах губерний", исполнительный орган именовать не "исполком", а "ЦИК автономной области", в нем иметь комиссариаты, которые "автономны в своих действиях и ответственны непосредственно перед ЦИК области". И даже предлагалось: "Все распоряжения центральных Наркоматов РСФСР соответствующим комиссариатам областей... могут быть приостановлены или отменены"(9). Но никаких изменений в соответствии с этими предложениями не было произведено.

Статус автономных республик считался выше статуса автономных областей. Поэтому их руководители стали ставить вопрос об их преобразовании в республики. В апреле 1923 года такое предложение было внесено от имени нескольких АО, в том числе финно-угорских, с объяснением: "институт автономных областей с правами губисполкомов изжил свое время и в настоящих условиях не отвечает интересам национальностей"(10). Если в отношении Карельской Трудовой Коммуны в 1923 году, Чувашской АО в 1925 году такое предложение было реализовано, то в отношении других - нет.

В конце 1928 года в стране была перекроена территориально-административная система, губернии были отменены, образованы области и края. Автономная марийская область и Удмуртская автономная область (вместе с Чувашской АССР) включались в состав Нижегородского края. Коми АО включался в состав Северного, Мордовский округ (с 1930 года - автономная область) - в состав Средне-Волжского края, что вело к значительному сокращению и без того урезанных прав и полномочий автономных областей, особенно в вопросах финансирования.

Исторический опыт 20-х - первой половины 30-х годов, когда автономия, несмотря на указанные выше обстоятельства, была наполнена определенным реальным содержанием, привлекает большое внимание, ибо тогда довольно успешно были решены многие задачи хозяйственного и особенно культурного развития финно-угорских народов России.

Особенностью 20-х - первой половины 30-х годов было сочетание территориальной автономии с экстерриториальной культурно-национальной автономией, что было ликвидировано в 1937 году. Положительным было и административное самоопределение народов, не имевших автономии (Винницкий вепсский район в Ленинградской области). А также создание для оторванных от основной этнической массы групп образований, в форме национальных районов и сельсоветов (карелы в Тверской области, марийцы в Башкирии, мордва в Оренбургской области, эстонцы в Псковской области и в Сибири, финны в Ленинградской области и т.д.). Такая форма самоопределения сыграла позитивную роль и в развитии ижоры, ингерманландских финнов, кольских саами. Но и она после 1937 года была ликвидирована.

В середине 30-х годов автономные области как формы самоопределения финно-угорских народов были преобразованы в автономные республики (в 1934 году Мордовская и Удмуртская, в 1936 году - Коми и Марийская, а Карельская - еще в 1923 году). Считается, что это более высокая ступень автономии. Но фактически в 20-х годах автономные области имели определенную самостоятельность в решении некоторых вопросов (в частности, в сфере культуры и образования), чего лишились, превратившись в республики (ибо это было время окончательного утверждения командно-административной системы с жесткой централизацией). Новшество ограничилось лишь внешними декорациями. Такими новшествами были, принятие формальных Конституций, слово в слово повторявших Основные Законы СССР и РСФСР. Переименование руководящих органов (облисполкомов) в Верховные Советы и Советы Народных Комиссаров, утверждение флагов, в качестве каковых был определен государственный флаг РСФСР. Дополнительно на нём вышивалось наименование соответствующей автономной республики и т. д. Конституция 1936 года превратила в общие фра-

зы даже те автономные минимальные права, которые до этого имелись. Преобразование автономных областей в автономные республики было чисто формальным актом (простым переименованием), потому что именно с этого времени автономия лишилась реального содержания.

В последующем при советской системе менялся статус только карельской государственности. В 1940 году в контексте политики, обусловленной советско-германским сговором, в результате советской агрессии против Финляндии и отторжения части ее территории, Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР. В 1956 году в соответствии с общим курсом на укрепление добрососедских отношений с Финляндией, эта республика была возвращена к прежнему статусу, т.е. вновь стала Карельской АССР в составе РСФСР.

В послевоенные годы советская индустриальная, миграционная, демографическая политика привела к сокращению удельного веса финно-угров России в "своих" национально-государственных образованиях. Они там оказались национальным меньшинством. По материалам переписи 1989 года: мари - 43,3 %, мордва - 32,5 %, удмурты - 30,9 %, коми - 23,3 %, карелы - 9,9 %, ханты и манси вместе - 1,4 % . Только коми-пермяки составляют исключение из этого, занимая в населении округа 60,2 %. При этом для большинства финно-угорских народов характерна большая разбросанность: 72,8 % мордвы, 51,7 % марийцев, 47,2 % хантов, 39,7 % карел, 37,3 % коми-пермяков, 33,5 % удмуртов, 22,4 % манси, 15,4 % коми проживают за пределами "своих" республик и округов (11, с. 433-435).

Всё больше в связи с этим нарастали неблагоприятные условия для этнокультурного развития коренного населения не только в разрозненных частях национальных диаспор, но и в "собственных" республиках и автономных округах.

В 1990-1991 годах на волне модной "суверенизации" из названий республик было изъято дискредитировавшее себя слово "автономная", заявлены претензии на суверенитет (в Мордовии формально суверенитет не провозглашался, но слово "автономная" из названия республики все равно было выброшено). Процесс суверенизации был довольно противоречивым. В автономных финно-угорских республиках он внешне больше выглядел как следование моде. Но на деле он содержал серьезный глубинный смысл. Он был использован местной правящей партийно-военно-хозяйственной номенклатурой, заседавшей под официальной вывеской "Верховный Совет", для сохранения власти в республиках в своих руках. Правящая элита под прикрытием "суверенитета" стремилась к отрыву республик от пытавшейся демократизироваться России. Это был своего рода консервативный регионализм, в большинстве случаев не связанный с интересами и потребностя-

ми коренных ("титульных") национальностей.

Республики Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Карелия, Коми, теперь даже формально юридически сами добровольно отказавшись от статуса автономии, не приобрели (да и не могли приобрести) суверенитета. Республики при подписании Федеративного договора и по новой российской Конституции в своем реальном положении уравнялись с обычными административными единицами России - областями. В новой Конституции Российской Федерации нет упоминания слова "суверенитет" применительно к республикам в составе России. А положение автономных округов (Ханты-Мансийского, Коми-Пермяцкого, Ненецкого и других) стало вообще двусмысленным, неопределенным: они объявлены "равными" субъектами Федерации, но остались по-прежнему в составе областей.

Российское законодательство теперь стало допускать, как и в 20-е годы, административно-территориальное самоопределение малых этнических групп в форме национальных районов, сельсоветов, сельских самоуправляющихся общин. Начало реализации этого новшества было предпринято в Карелии: Шелтозерский район был провозглашен Вепсской национальной волостью.

Когда мы говорим применительно о перспективах развития государственности у российских финно-угров, необходимо иметь в виду нахождение этих народов в составе Российского государства. Это - объективное обстоятельство, без учета которого вообще невозможно говорить о будущем. В данном случае принципиально важно иметь в виду, что ни один из финно-угорских народов в лице как своей политической элиты, органов представительной и исполнительной власти, так и в лице общественных движений не видит свое будущее вне России, не ставит вопроса об отделении от Российского государства. (Говоря об этом, можно не воспринимать всерьез заявления некоторых организаций, насчитывающих с десяток человек среди коми, мари, удмуртов - Коми национальной партии "Доръям Асьнымос", марийской общественно-политической организации "Кугезе Мланде", Удмуртской национальной партии - о полной независимости).

В связи с тем, что свое будущее финно-угорские народы связывают с Россией, то главным для них становится вопрос: а какой будет в XX1 веке сама Россия? Россия провозглашена демократическим правовым федеративным государством. Но ее становление как подлинно федеративного государства, где финно-угорские республики, округа и иные регионы обладали бы широкой автономией (т.е. широким внутренним самоуправлением, имея исторический пример и опыт Финляндии), идет с большими трудностями, противоречиями, зигзагами. А между тем это (а не псевдосуверенитет) - магистральный путь развития. Говоря об этом, нужно иметь в виду

обязательное сочетание территориально-политической и национально-культурной автономии.

Будущее государственности и всего существования финно-угорских народов России усложняется всё усиливающимися тенденциями унитаризма, возврата к жесткой централизации под имперским лозунгом "Единой и неделимой России".

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сануков К.Н.* "Финно-угорские федералисты" и "финские шпионы" // Финно-угроведение. 1996, № 3.

2. *Куликов К.И.* Дело "СОФИН". Ижевск, 1997.

3. Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар. 1989.

4. *Куликов К.И.* Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг. Ижевск. 1993.

5. *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе// Исторический архив. М.-Л., 1940. Т.3.

6. Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях. М., 1992.

7. *Каппелер А.* Россия - многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1996.

8. *Курбский А.* История о великом князе Московском// Русская историческая библиотека. Т.31. СПб, 1914.

9. *Абрамов В.К.* Мордовский народ (1897-1939). Саранск. 1996.

10. *Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф.* В начале пути (Очерки становления и развития Коми автономии). Сыктывкар, 1996.

11. Народы России. М., 1993.

X. N. Sanukov

STATE SYSTEM OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES IN RUSSIA

Finno-Ugric peoples except for the Hungarians on the stage of completing their ethnic genesis couldn't form their own state system and were involved into states of other people (Sweden, German crusaders, Russian princedoms, Tatar khanates). In the XVI-XVIII centuries they were joined to Russia. In the Russian Empire administrative organization didn't take their settling into consideration. Only Finland had its autonomy.

During the period of the Russian revolution 1917-1918 among the Finno-Ugric people the self-determination movement to autonomy developed itself, first in the sphere of culture then this movement began to demand the territorial political autonomy. By the decrees from the ruling party the following autonomous regions were formed: Karelian (June, 1920), Mari and Udmurt (November, 1920), Komi (August, 1921), Komi-Permiac (1925), Khanty-Mansy and Nenets (1930). Mordovia gained its autonomy in 1928 in the form of okrug (area), in 1930 in the form of autonomous region.

Autonomous regions of Finno-Ugric people were transformed into autonomous republics: Karelian in 1923, Udmurt and Mordvinian in 1934, Mari and Komi in 1936. But with the command-administrative system in the USSR autonomy became formal.

On the "wave of sovereignty" 1990-1991 autonomous republics declared sovereignty, the word "autonomous" was excluded from their names. According to the new Russian constitution that was canceled. The republics are equal to common administrative units – regions. Sources of state system of Finno-Ugric people have no perspective of development due to the tendency of the Russian government to unitary state under the slogan of "One and indivisible Russia".

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Иван Иванов
Йошкар-Ола

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

Исторически сложилось так, что марийский литературный язык в современном его состоянии функционирует в двух вариантах, базирующихся на различных диалектах: луговом и горном, т.е. единый марийский народ в настоящее время не имеет единого общенационального литературного языка. Данное обстоятельство создает почву для возникновения различных толкований относительно функционирования современного марийского языка. Некоторые "исследователи" дошли до того, что вообще стали отрицать марийский язык как общенародное средство общения народа, называющего себя одним именем – мари. Они начинают всерьез выдвигать "теорию о двух марийских языках". На подобные "теории" можно было бы не обращать внимания, ибо это не что иное, как проявление обыкновенных эмоций. Но они далеко не безобидны, т.к. таят в себе некое подстрекательное начало, призывающее к расколу марийского общества, наносят ущерб общенациональным интересам марийцев. Марийскому народу на современном этапе его развития это непозволительно. Почему возникают рассуждения подобного рода, попытаемся разобраться в данной статье.

Говоря о литературном языке, многие, в том числе иногда и лингвисты, отождествляют несколько лингвистических понятий. Во-первых, очень часто не делается никакого различия между понятиями "язык" и "диалект". Два понятия, в общем-то, тесно взаимосвязанные друг с другом, отнюдь не тождественны, и находятся они в отношении общего и частного. На бытовом уровне почти всегда диалект понимается как язык. В этом нет ничего удивительного, диалект для его носителей – это то же средство общения. Во-вторых, очень часто не проводится четкой границы между понятиями

"общенародный язык" и "литературный язык". Между тем, это также далеко не однородные понятия, они – две разновидности функционирования языка, находящиеся на разных ступенях развития.

Из смешения названных лингвистических понятий возникают различные суждения относительно функционирования языка. В частности, на подобных ошибках в представлении о языке как средстве общения народа появились утверждения о двух марийских языках. Особенно настойчиво подобное ненаучное понимание процессов развития языка, его сущности как одного из важнейших признаков существования нации, как средства общения ее стало внушаться марийской общественности в период перестройки в связи с началом процесса возрождения марийского языка (1). В большинстве своем эти выступления были дилетантскими и основывались лишь на эмоциях. Поэтому для науки они ничего не могли дать. Научный подход к проблемам функционирования языка как признака народа в них полностью отсутствует. Лишь специалисты-языковеды, беспристрастно анализирующие языковые реалии, могли представить объективное понимание о языковых отношениях, сложившихся между марийскими диалектами (2).

Поэтому есть необходимость подробнее рассмотреть суть соотношений между этими понятиями.

Общенародный язык и диалект. Границы литературного языка наиболее отчетливо вычерчиваются в сравнительном анализе различных форм существования языка. Важным в этом отношении является выявление отношений между общенародным языком и территориальными диалектами.

Говоря об этом, необходимо, прежде всего, четко уяснить соотношение между понятиями "общенародный язык" и "диалекты". Эти два понятия находятся в отношении общего к частному. Общенародный язык своими присущими для него фонетическими и лексико-грамматическими особенностями, являющимися однотипными для всех диалектов, объединяет их в единое целое. Общенародный язык – это фундамент, остов, на котором формируется тот или иной язык. Для обозначения его исследователи используют различные термины: система, структура, схема языка. Но язык этот может иметь некоторые отличительные особенности в отдельных территориях своего распространения, т.е. в общей системе языка могут быть определенные различия в ее подсистемах и, в первую очередь, в фонетической и лексической системе, как наиболее подверженным изменениям частях языка. Но незначительные расхождения могут проявляться на всех языковых уровнях. Однако, следует особо подчеркнуть, что между диалектами общих, одинаковых явлений значительно больше, нежели отличительных. Именно по этой причине они объединяются в один общий язык для всех, называющих себя тем или иным народом.

Имеются ли такие одинаковые объединяющие моменты в системе диалектов марийского языка, и, прежде всего, восточного и западного типов, к последнему из которых относится и горное наречие? Попытаемся рассмотреть их.

Прежде всего, это единый грамматический строй. Это выражается в следующем.

Одинаковая падежная система. И тут, и там одинаковое количество падежей, те же значения их, кроме одного – значения "кем или чем является лицо или предмет" (луг. *директорлан ышта* ~ горн. *директореш ышта* "работает директором"), однотипное склонение, одинаковые суффиксы падежей. В обеих группах диалектов одинаково распространено употребление т.н. бессуффиксных падежных форм.

Одинаковая словообразовательная система. В обеих диалектных группах употребляются одни и те же словообразующие суффиксы. Так, из 42 словообразовательных суффиксов существительных 40 - общие, из 25 суффиксов прилагательных - 21, из 35 глагольных – 34, из 21 наречного суффикса - 18 общие для всех диалектов, причем суффиксы не соответствующие в луговом и горном наречиях встречаются буквально в нескольких единичных словах.

Одинаковая система спряжения. В обоих наречиях два спряжения, их выступление совпадает полностью, вплоть до каждого слова. Изменение глаголов по лицам и временам осуществляется как в единственном, так и во множественном числах по общей схеме. Несущественная разница имеется в образовании отрицательных форм: горн. *моделам, моделат, молде* ~ луг. *молын омыл, молын отыл, молын огыл*, и форм прошедшего длительного II /горн. *молам ылын* ~ луг. *молам улмаш/*, предпрошедшего II /горн. *молынам ылын* ~ луг. *молынам улмаш/* времен. Причем в левобережных говорах горного наречия нет даже этих расхождений.

Одинаковы структуры образований и функционирование числительных, наречий, служебных частей речи, употребление т.н. категориально недифференцированных слов.

Полностью совпадает в обоих наречиях /так же как и во всех марийских диалектах/ функционирование категории притяжательности, одной из древнейших черт грамматики марийского языка.

Во всех отношениях совпадают синтаксические структуры лугового и горного наречий. Та же структура предложений, способы образования сложных конструкций, употребление в функции определения существительных, образование типов сказуемых и т.д.

Как видно, говоря о грамматической структуре марийского языка, легче приводить примеры различия, чем идентичности. Грамматическая

структура марийских диалектов, включая сюда и синтаксис, абсолютно однотипна. Но главное здесь, на что особо следует обратить внимание, рассматривая проблему общенародного марийского языка, - это полное тождество системы склонения и спряжения. Как известно, названные языковые категории составляют основу грамматической системы языка, на что указывали многие исследователи, "язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко или, вернее, никогда не принимает форм склонения и спряжения у этого языка, но наоборот, скорее теряет свои собственные" (3, с. 37). Исследования убедительно показывают, что единая грамматическая основа у марийского языка налицо. Следовательно, имеются все основания утверждать об общенародном едином марийском языке, исходя даже из перечисленных фактов.

Следующий момент, что позволяет говорить о существовании общенародного марийского языка, - это общность основной части лексического состава его. Отличающиеся моменты в лексике марийского языка традиционно пытаются находить только между луговым и горным наречиями. Подобный подход нельзя назвать объективным. В определенной степени отличия имеются в словарном составе всех диалектов марийского языка. Они, пожалуй, не менее заметны, чем в горном наречии и в диалектной основе лугового варианта литературного языка. Более того, в самих говорах, составляющих луговое наречие, лексические расхождения проявляются довольно отчетливо. Поэтому несправедливо подчеркивать этот факт только по отношению к горному наречию.

Вопрос о степени расхождения лексики диалектов марийского языка, и особенно горного наречия, дискутировался в марийском языкознании не однажды. Еще в 20-х годах в период интенсивного развития движения за единый общенациональный марийский язык проводился количественный подсчет общих и различающихся слов между луговым и горным наречиями. По подсчетам, проводимым, например, языковой комиссией, выявилась следующая картина: из 1817 взятых для сравнения слов оказалось сходных – 19 %, близко сходных – 36 %, отдаленно сходных – 15,4 %, совершенно несходных – 22,2 % (4; 5, л. 339). Давая оценку результатам данного подсчета, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства:

1) сравнительный анализ проводился на весьма ограниченном материале – это всего лишь чуть больше 5 % словарного состава, зафиксированного в настоящее время в литературном языке;

2) необходимо обратить внимание на термины. Под "сходными" имелись в виду слова, фонетически и семантически абсолютно тождественные, идентичные, под "близко сходными" – орфографически оформленные (подчас далеко неточные) по-разному или имеющие некоторые фон

различия, слова типа *корно~корны* 'дорога', *вуйышт~вуйышты* 'их головы'. В группу "отдаленно сходных" включались слова, имеющие закономерные фонетические соответствия типа *ава~ӓвӓ* 'мать', *паша~пӓшӓ* 'работа', *серыште~сирӹшты* 'на берегу'. Только под "совершенно несходными" понимались действительно лексические расхождения, т.е. лексические диалектизмы, абсолютно разные слова. Простой подсчет показывает, что лексически одинаковых слов в обоих наречиях почти 80 %. Этого больше чем достаточно для взаимного понимания.

Фонетические диалектизмы, как известно, не могут всерьез приниматься при определении степени расхождения словарного состава. Такие различия имеются в диалектах всех языков. В марийском языке отличительными особенностями диалектов являются также некоторые фонетические явления. Это – закономерные соответствия звуков, причем встречающиеся в основном только в области гласных, гармония гласных.

Общность лексического богатства была предметом обсуждения и в последующие годы. В частности, в период подготовки и проведения второй языковедческой сессии, состоявшейся в декабре 1953 года и посвященной проблемам создания общенационального марийского литературного языка. И вновь возник вопрос о расхождениях в лексике, и вновь было констатировано, что чисто лексические расхождения незначительны, и словарный запас марийского языка в целом един, расхождения в отдельных группах проявляются только в пределах диалектных различий, и не более (6, л. 13-53).

Объективность приведенных данных в общем-то не подвергается сомнению. Однако, для большей убедительности был сделан подсчет процента расхождений по словарю А.А. Саватковой. Обнаружилась следующая картина: абсолютное фонетическое и семантическое совпадение – 23 % (1835 слов), закономерные фонетические соответствия – 37 % (2943 слова), отличающихся орфографически – 18 % (около 1480 слов), во всех отношениях отличающихся – 22 % (1809 слов). Всего подвергнуто анализу 8225 слов (7, с. 30-33). Как видно, результаты такие же, т.е. около 80 % словарного состава - одни и те же слова.

Выводы: взаимное понимание носителей лугового и горного наречий при первоначальном знакомстве может быть несколько затруднено, но не является невозможным. Утверждение о взаимном непонимании не соответствует действительности. После некоторой взаимной адаптации понимание смысла полное. Это подтверждает также практика работы со студентами вузов. Носители горного наречия, никогда ранее не говорившие на луговом наречии, уже в течение первых двух месяцев хорошо осваивают не только разговорную речь, но и, как правило, нормально начинают воспринимать

лекции – более высокую форму устного общения. Некоторые лексические расхождения, обычные во взаимоотношениях диалектов, не создают каких-либо серьезных препятствий для общения между луговыми и горными марийцами. Все дело только в психологическом барьере, который мы создаем сами себе искусственно. Отсюда вывод: лексический материал наречий не является препятствием для взаимного понимания, а следовательно, и для создания общенационального литературного языка. Об этом писали исследователи еще в XIX веке, в период становления современных норм марийского литературного языка. Ф. Васильев, автор третьей грамматики марийского языка, например, отмечал, что луговые и горные марийцы очень быстро начинают понимать друг друга (8, с. 5).

Фонетическая система. Несмотря на утверждение некоторых исследователей (9, з. 11), фонетическая система марийского языка едина. Как и во всех других языках, в марийских диалектах, естественно, имеются некоторые отличительные особенности в фонетике. Более того, марийские диалекты в основном отличаются только своей фонетикой. Фонетика, таким образом, является основным критерием при определении диалектной принадлежности слов. Но, несмотря на это, цементирующей основой всего марийского языка все-таки является общность и однотипность основных фонетических явлений. Она выражается в следующем:

а) наличие во всех диалектах 8 основных гласных (*а, э, и, о, ӧ, у, ӱ, ы*) и 19 согласных (*в, г, д, ж, з, й, к, л, л′, м, н, н′, ӈ, п, р, с, т, ч, ш*) фонем. Наибольшее отличие между диалектами наблюдается в области гласных. Количество их колеблется в диалектах от 8 до 12 фонем. В одних диалектах (горный, волжский, йошкар-олинский) их 10 (кроме названных, в них имеются еще две лабиализованных фонемы *λ* и *λ̣*, а в горном – *ӓ, ӹ*), в других (в северо-западном, мензелинском, малмыжском) максимальное количество – 12 (*а, ӹ, λ, λ̣*). Если исходить из теоретической предпосылки сторонников самостоятельного горномарийского языка, то нужно выделить в особые языки также северо-западное наречие, малмыжский, мензелинский говоры, поскольку они отличаются от лугового наречия четырьмя фонемами (*ӓ, ӹ, λ, λ̣*), следовало бы считать самостоятельными языками также йошкар-олинский и волжский говоры – они тоже имеют по две отличающиеся фонемы (*λ, λ̣*). В них имеется также довольно значительное количество лексических расхождений с диалектной основой литературного языка.

Имеются в диалектах некоторые отличия в области согласных. Их намного меньше, чем в системе вокализма. Горное наречие, например, отличается от диалектной основы лугового варианта литературного языка только наличием фонем *т′, х, ц*, которые встречаются лишь в заимствованных словах. Но эти же фонемы имеются в других луговых говорах, например, в йошкар-олинском.

Незначительные отклонения обнаруживаются в проявлении отдельных фонетических явлений. Основное отличие в этом отношении – выступление гармонии гласных. Для диалектов западного типа характерна палатальная гармония гласных, для диалектов восточного типа – лабиальная гармония. Однако и в тех, и в других диалектах имеются рудименты обоих типов гармонии. Они выступают в определенной взаимосвязи, но по-разному. В диалектах восточного типа явно обнаруживаются следы палатальной гармонии, они проявляются в гармонизации по ряду при лабиальном уподоблении конечных безударных гласных. В словах типа *пӧртыштӧ* 'в доме', *тӱнӧ* 'на улице' в абсолютном конце может быть только *ӧ*, огубленный переднерядный звук. Палатальное уподобление может быть в луговых диалектах также в середине слова, которое выступает в сочетании с лабиальной гармонизацией, ср., например, *пӱчкӧдыктӧм* 'заставляю разрезать', *ӧпкӧлӧм* 'обижаюсь', *тӧрӧш* 'на краю', *пӱкӧн* 'стул' и т.д.(10, с. 313-315). В диалектах западного типа, в том числе и в горном наречии, отчетливо проступает выступление и лабиальной гармонии, но в силу закономерного междиалектного чередования луг. *о* ~ горн. *а* происходит сужение границ ее употребления. В словах типа *корно* 'дорога', *тоно* 'дома', *тӱнӧ* 'на улице', *институтышто* 'в институте', *пӧртыштӧ* 'в доме' в безударном конце слова и в горном наречии появляется лабиальная гласная фонема, хотя в орфографии это не отражается.

Таким образом, вопреки утверждениям, даже превалирование одного из видов гармонии гласных в отдельных диалектах не разрушает единство фонетической основы марийского языка.

Исходя из всего вышесказанного, опираясь на конкретный языковой материал, без всякого сомнения, можно утверждать, что марийцы, несмотря на ряд территориальных диалектов, имеют свой общенародный язык, имеющий единую основу. Он зиждется на общности подавляющего большинства грамматических категорий, и в первую очередь – системы склонения и спряжения – основ грамматического построения языка, общности основной части лексик и общности фонетической системы. Фонетические явления диалектов марийского языка, имеющие некоторые отличия, регулируются общими закономерностями. Поэтому с точки зрения языковой теории не имеется никакого основания утверждать о двух марийских языках. Марийский язык с точки зрения языка как системы определенных языковых уровней един. Сказанное подтверждается, как мы убедились, лингвистическими данными.

При рассмотрении вопроса о единстве языка мы опирались только на факты языка и ограничились лишь языковыми аспектами проблемы. Если к этому добавить еще такие важные моменты определения народа, как един-

ство одноязычных индивидов, как самоназвание и самосознание, то говорить о двух марийских языках, а, следовательно, и народах, просто неприлично.

Итак, соотношение общенародного марийского языка и его территориальных диалектов вполне укладываются в рамки научного понимания языка как системы фонетических, лексических и грамматических средств, являющейся орудием выражения мыслей, чувств, волеизъявлений и служащей средством общения людей (11, с. 493).

Следующий аспект, требующий рассмотрения с точки зрения проблем марийского литературного языка – это вопрос **о соотношении общенародного и литературного языка**. В марийском языкознании он не нашел удовлетворительного объяснения до сих пор. Особо стал он запутываться в последнее время в связи со стихийным возникновением дискуссии о двух марийских языках. Дискуссия показала, что дилетантский подход к объяснению сложных лингвистических процессов не решает научные вопросы, а наоборот, лишь усугубляет их. В марийском языкознании вопрос остается до настоящего времени проблемным. Продолжается смешение и даже противопоставление этих двух форм языка. В результате вновь возникло утверждение о двух марийских литературных языках. А некоторые исследователи, используя терминологические неточности в характеристике лингвистических процессов, пошли еще дальше и стали утверждать вообще о двух самостоятельных языках (12). О том, что не имеется совершенно никакого научного основания говорить о двух марийских языках, мы уже говорили. Утверждение о двух марийских языках – это следствие смешения политики и науки, основанное на чистых эмоциях, фанатическое желание некоторых исследователей. О соотношении же общенародного и литературного языков есть необходимость поразмыслить.

Языковеды XIX и начала XX веков рассматривали литературный язык как явление искусственное, не достойное внимания исследователей младограмматики (Бодуэн де Куртене, Ф. Соссюр, А.М. Пешковский). Например, А.М. Пешковский считал, что "народные наречия и говоры составляют главный объект исследования лингвиста..., подобно тому, как ботаник всегда предпочитает изучение луга изучению оранжереи" (13, с. 111). С точки зрения сравнительно-исторического изучения к подобному противопоставлению можно отнестись с пониманием, ибо изучение народных говоров, составных частей общенародного языка, действительно важнее для истории языка. Однако, это обстоятельство не дает еще основания противопоставлять литературный язык общенародному языку, хотя они понятия отнюдь не одинаковые. Эти два понятия нельзя ни противопоставлять, ни тем более смешивать.

Общенародный язык – это живой разговорный язык какого-либо наро-

да со всеми его диалектными разновидностями. Литературный язык – более высокая форма общения народа, составляющая за пределами своих границ диалекты, просторечия и другие формы проявления языка. Но у них одна общая основа – совокупность одинаковых фонетических, грамматических и лексических структур. Общенародный и литературный язык связывает общность их грамматических структур, основного словарного фонда, основных фонетических явлений. Литературный язык зарождается в недрах общенародного языка, в дальнейшем своем развитии подвергается еще большей демократизации.

Любой язык имеет две основные функциональные разновидности – живую разговорную речь, которую называют еще общенародным языком, и литературный язык. Живой разговорной речью человек овладевает с детских лет, а с литературным языком он знакомится уже в процессе своего становления: при обучении в детских садах, школе, вузе, при чтении книг и т.д. Как справедливо заметил Р.А. Будагов, литературный язык – это обработанная форма того же общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закрепленными нормами. Поэтому литературный язык в отличие от оранжерейного цветка тесно связан с общенародным языком и питается на общей с ним почве (14, с. 6).

Но литературный язык в то же время существенно отличается от общенародного языка (живой разговорной речи). Отличия эти просматриваются в следующих аспектах.

Один из основных признаков литературного языка – нормативность. Он всегда предполагает определенную степень нормированности. Собственно, на фоне такой нормированности вычерчиваются сами контуры его. У общенародного языка нет такой нормированности, хотя отдельные его формы (диалекты, жаргоны) также имеют свои нормы, нормированностью в определенной степени характеризуются все формы языковых проявлений. Но в отличие от форм литературного языка они определяются только узусом. Литературный язык по сравнению с ними подвержен более четкой нормализации, определяемой сознательным вмешательством коллектива. Нормы литературного языка – явление более сложного порядка. Они обладают многосторонней функциональной и стилистической дифференциацией, отличаются сознательностью и обязательностью, в их становлении принимают участие не только узус, но и целенаправленное вмешательство коллектива (15, с. 22).

Общенародный язык включает в себя и такие разновидности языка, как диалекты, жаргоны, просторечие и т.д. Литературный язык находится в отношении противопоставления к ним.

Общенародный язык иначе можно квалифицировать и как живую на-

родную речь. В его основе, говоря словами Л.В. Щербы, лежит **диалог**. Литературный язык в сущности также общенародный язык. Но в основу его ложится **монолог**. Диалог – это ряд реплик, речь отдельных людей, сообщающих друг другу информацию. А монолог – организованная речь, направленная на многих слушателей, она дает обобщенную информацию. Монолог – это небольшое литературное произведение.

Отсюда следующее отличие между общенародным языком и литературным языком. Оно связано с особенностями их структуры. В диалогах мы имеем дело с короткими, часто неполными простыми предложениями. В монологах же, наоборот, наблюдаем сложные предложения с совершенно иной структурой. К тому же в диалогах занимают значительное место различные сокращения, необычное употребление слов, нарушение синтаксических норм, чего лишены монологи. В монологе (в литературном языке) язык обрабатывается, нормируется. Это свидетельствует о том, что литературный язык принимает характер общенародности.

Отличает эти две формы языка также расхождение в функциях. Если живая разговорная речь используется только в повседневном разговоре, беседе, то литературный язык употребляется в письменной речи, в выступлениях отдельных людей и в других монологических речах.

Таким образом, живая разговорная речь и литературный язык отнюдь не одно и то же, они отличаются друг от друга главным образом в двух отношениях: по структуре и по функциям. Однако, это не должно вводить в заблуждение, поэтому их нельзя ни смешивать, ни противопоставлять. Данное обстоятельство хотя и разводит их по разным полям, но в то же время и объединяет на одной общей почве – на основе общенародного языка. Создается впечатление, что две формы языка противостоят друг другу. Но это только на первый взгляд, потому что живая разговорная речь и литературный язык противопоставляются друг другу только как две формы одного общенародного языка. Таким образом, общенародный язык – это некая абстракция, имеющая одну общую структуру. Поэтому нельзя смешивать его с литературным языком, по сущности своей являющимся также общим для всего народа явлением.

В свете сказанного может возникнуть вопрос: существует ли в таком случае разговорный литературный язык? Вопрос, надо полагать, возникает потому, что в разговорном языке нет диалектных различий, все мы вроде бы говорим на нормированном языке. Но понятие "разговорный язык" шире понятия "диалект", поэтому речь не на диалекте – это еще не речь на литературном языке. Обычная разговорная речь знающих литературный язык еще не является литературным языком. Исследователи считают, что разговорная речь – не форма литературного, кодифицированного языка, их сис-

темы, особенности употребления совершенно разные.

Обо всем этом следует помнить, когда мы говорим об общенародном марийском языке и марийском литературном языке, когда некоторые исследователи пытаются утверждать, что нет единого общенародного марийского языка, используя в качестве аргумента отсутствие единого общенародного литературного языка.

Литературный язык и территориальные диалекты. Выявление взаимоотношений диалектов и литературного языка выливается в особую проблему у марийцев. Как и у многих народов, марийский письменный язык начал свой путь с издания книг на диалектах. В первоначальный период становления письменного языка книги издавались на двух наречиях, на луговом и горном, а с конца 70-х годов XIX в. даже на трех наречиях: к числу письменных диалектов присоединилось восточное наречие. В последующем развитии две диалектных письменности – луговая и восточная – объединились, а на горном наречии по традиции книги продолжали издаваться.

Многие языки в последующем своем развитии достигали единства. Марийский письменный язык не смог сделать этого. Причины раздвоения развития его носили в основном субъективный характер. В период возникновения марийской письменности проблемы диалектов не было. Книги готовились и издавались на основе какого-либо одного диалекта, в некоторых случаях с использованием данных и других диалектов. Такие книги предполагалось распространять среди всего марийскоязычного населения. Так были изданы обе первые грамматики марийского языка (1775 и 1837 годов), правда, диалектные базы у них были разные, грамматика 1775 г. базировалась на луговом, грамматика 1837 г. – на горном наречиях. Таким же образом вышли и первые книги на марийском языке: в 1804 г. – на луговом, в 1808 г. – на горном диалектах. Диалекты в них не указывались. Указание на диалект в изданиях на марийском языке впервые появилось лишь в 1832 году. Это – факт, заслуживающий внимания, и следует на него обратить особое внимание исследователей. При этом необходимо также помнить, что до 70-х годов XIX в. указание на диалекты в марийских изданиях носило лишь стихийный характер. Поэтому можно утверждать, что в первоначальный период развития письменности деления письменного марийского языка на две разновидности не было. Была лишь борьба за диалектную основу литературного языка. Сознательное деление письменного марийского языка началось только с 70-х годов XIX в. в связи с усилением миссионерской деятельности. Оно возникло как результат официальной политики самодержавия по недопущению единения "инородческих" народов.

Границы и особенности функционирования литературного языка наи-

более отчетливо проявляются в противопоставлении его территориальным диалектам. Литературный язык и диалекты как две формы общенародного языка находятся между собой в двоякой связи. С одной стороны, они находятся друг к другу в отношении оппозиции, взаимоисключают друг друга. С другой стороны, они имеют общие корни происхождения. Они являются детьми одной матери. Говоря о генетических связях между литературным языком и диалектами, следует подчеркнуть прежде всего то, что литературный язык, как правило, формируется на базе какого-либо одного диалекта. Таковым, например, у лугового варианта марийского литературного языка является моркинско-сернурский говор. Следовательно, любой литературный язык рождается из одной из диалектных разновидностей общенародного языка.

Но литературный язык не есть полное совпадение со своей диалектной основой, если даже этот диалектный источник литературного формирования является главным. Диалект, послуживший основой для литературного языка, является лишь базой, предоставляя ему фундамент, остов, на котором воздвигается его каркас, а затем и само здание, где будет происходить формирование его характерных особенностей. В идеале литературный язык всегда рассчитан на общенародное употребление, поэтому его категории, если даже их источники диалектные, генерализируются до уровня общеупотребительных. В действительности же всякий литературный язык представляет собой синтез категорий и форм разных диалектов. Между диалектами и литературным языком образуется, таким образом, сложная цепь взаимоотношений, которую некоторые исследователи марийского языка пытаются сознательно игнорировать.

Сложность взаимоотношений диалектов и литературного языка четко просматривается и на примере возникновения и развития марийского литературного языка.

В основе всякого литературного языка обыкновенно лежит диалект главного экономического, политического и культурного центра. Так происходило у всех ныне развитых литературных языков, в том числе и русского, под сильным влиянием которого развивался марийский литературный язык. Но у марийцев формирование литературного языка происходило несколько иным путем, отличающимся от традиционного. В период возникновения литературного языка марийский народ не имел своей государственности. Поэтому, естественно, у него не было ни политического, ни экономического, ни даже культурного центра. Это обстоятельство не могло не отразиться и на особенностях формирования его литературного языка. На первоначальном этапе на развитие литературного языка оказывали влияние факторы чисто случайного характера. Оно наблюдалось в течение всего первого

этапа его становления (последняя четверть XVIII и первая половина XIX веков). Диалектная база изданий этого периода находилась в прямой зависимости от диалектной принадлежности их авторов. По существу такой же характер имело развитие литературного языка во втором периоде (70-е годы XIX в. – 1917 г.). Таким образом, наибольшее влияние на формирование литературного языка мог иметь тот диалект, представители которых имели количественное преобладание среди деятелей книгоиздательского дела. Собственно так и происходило становление литературного языка в борьбе диалектов. Но если две диалектные базы – луговое и восточное наречия – сумели найти общую точку соприкосновения в создании литературного языка, то представители третьей базы – горного наречия – из побуждений чисто субъективного характера не могли присоединиться к общей тенденции развития письменного языка у марийцев и, апеллируя на некоторые закономерные диалектные различия, отошли от участия в создании общенационального литературного языка, тем самым внесли раскол в начавшееся движение языкового объединения.

Тенденция развития марийского литературного языка на основе моркинско-сернурского говора тем не менее наметилась еще до революции. Она была обусловлена следующими причинами:

1) территориальная близость моркинско-сернурского говора к тогдашнему культурному центру нерусских народностей Поволжья, к Казани. Это обстоятельство создавало более благоприятные возможности для получения образования носителям данного диалекта. Получив образование, они стали заниматься просветительской деятельностью, переводами религиозных книг на марийский язык. Близость Казани создавала большую возможность для роста интеллигенции из данной среды. Поэтому было издано на этом диалекте большое количество книг еще в дореволюционное время;

2) особенности моркинско-сернурского говора, являющегося так называемым серединным диалектом между двумя крупными диалектными группами – западными и восточными, – благоприятствовали ему закрепиться в качестве основы общего языка для всех этнических групп марийцев.

После революции эти предпосылки получили логическое завершение. Марийский край, в географическом центре которого оказался также моркинско-сернурский говор, в годы Советской власти превратился также в политический и экономический центр основной части марийского народа. Луговое наречие, имеющее относительно большую однородность и широкое распространение, оказавшись языковой особенностью большинства населения новой административно-территориальной единицы, окончательно закрепило моркинско-сернурский говор в качестве диалектной основы литературного языка.

Об этом здесь приходится рассуждать потому, что, даже будучи в одной административно-территориальной единице, имея общие культурные политические и экономические цели, отдельные представители горного наречия в 20-х годах заняли недружелюбную позицию по отношению к наметившейся тенденции создания общенационального языка.

Развитие диалекта в общенациональный язык происходит в форме распространения, а не слияния. Поэтому при образовании литературного языка отдельные диалекты должны пожертвовать своими диалектными особенностями ради создания общего языка на более высоком уровне. Распространение диалекта должно происходить в условиях всеобщего молчаливого признания его, оно стимулируется обусловленной экономической жизнью центростремительной силой нации. Развитие диалектов в национальный язык происходит не в форме взаимного слияния, не в форме враждебности и борьбы, оно осуществляется в третьей форме – в форме мирного распространения среди всех носителей данного языка. В свое время. К. Маркс утверждал о "концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией. Отсюда вытекает, что экономическая и политическая концентрация нуждается также в единстве и концентрации языка. Это требование выдвигается внутри одной общей политической группировки – нации. Оно есть желание всей нации, а отнюдь не особое требование, выдвигаемое только районом одного диалекта. Это и создает мирные условия для участия диалектов в формировании литературного языка. Но это не означает, конечно, слияния диалектов или их скрещивания на равных условиях. Общенациональный язык создается на основе диалекта политической и экономической концентрации. Этот диалект постепенно впитывает в себя элементы других диалектов. Но не все, а только те, которые приемлемы для общенародного пользования. В то же время и сам диалект, легший в основу национального языка, должен отказаться от чересчур специфических элементов. Но роль базового диалекта, в этом процессе, разумеется, совершенно отлична от других диалектов, которые в процессе образования общенационального литературного языка должны исчезнуть совершенно. На всех уровнях в фонетике, грамматике, лексике – костяком складывающегося общенационального языка является диалект, легший в его основу. Таким костяком не способен стать ни один другой диалект, не могут стать им, конечно; и прочие диалекты в совокупности. Поэтому остается только признать, что прочие диалекты должны раствориться в общенациональном языке, но не в форме слияния, а распространения.

Таков механизм формирования общенационального литературного языка. Этот закон мирного распространения исключительно подходил для

начавшегося складываться в первом десятилетии послереволюционного времени марийского национального языка. Моркинско-сернурский говор, сконцентрировавший в себе основные черты всего лугового наречия, оказался в самом центре политической, экономической и культурной жизни Марийской области, объединяющей большую часть этнического состава марийского населения. К тому же новые возможности развития, появившиеся после революции, создали еще более благоприятные условия для роста из представителей этого диалекта деятелей культуры и литературы. Таким образом, моркинско-сернурский говор благодаря широте своей территориальной распространенности (он охватывает почти половину населения республики) и большого количества своих представителей среди деятелей культуры, литературы и науки, прочно закрепляет свое положение как диалектная база литературного языка. В таких условиях всем прочим диалектам марийского языка оставалось принять положение исчезающей формы общенародного языка. Такое отнюдь неравноправное положение диалектов создается совсем не по той причине, что одни диалекты, в данном случае моркинско-сернурский говор, лучше, богаче других, а по требованиям политической и экономической жизни всей нации. Если нация хочет выжить как самостоятельный этнос, условия эти она должна принять. Слияние диалектов в единый общенациональный язык развивается не мгновенно, а постепенно в течение длительного периода, продолжительность которого зависит от конкретных общественно-политических и исторических условий. Расширение одного диалекта в масштабах всей нации является непременным средством складывания и роста национального языка, является самой рациональной тенденцией в развитии диалектов.

Эту закономерность не смогли до конца уяснить себе некоторые представители марийской интеллигенции в 20-х годах, когда активно приступили к созданию общенационального языка. Основной ошибкой языкового строительства этого периода было допущение дальнейшего развития письменности на диалектах. Письменность только укрепляет позицию диалектов. Поэтому на стадии активного формирования литературного языка нужно решительнее отстаивать общенациональные интересы и отказаться от иллюзии равноправности диалектов в процессе образования литературного языка. Поддерживание особой письменности на диалектах, которые в результате формирования общенационального литературного языка должны отойти на второй план и в перспективе исчезнуть, создает весьма неблагоприятные условия для развития языка как средства общения всей нации, оно лишь укрепляет диалекты, замедляет темпы их естественного исчезновения и тем самым будет тормозить диалектическое развитие языка по пути дальнейшего развития в объединяющую силу нации. Поэтому является со-

вершенно несостоятельной попытка применять к диалектам принцип: "Различаются говоры – надо создавать на нем письменность", который был основным аргументом в представлении некоторых представителей тогдашней марийской интеллигенции о судьбах родного языка. Эта абсурдная идея в то время захватила умы у значительной части марийской общественности, в особенности у тех, кто о проблемах развития языка имел весьма отдаленное представление. Для марийцев она представляла особую опасность, потому что общенародный марийский язык в силу исторических условий был расчленен на многочисленные диалектные разновидности. В настоящее время только местных разновидностей, обозначаемых термином "говор", в марийском языке наберется более двух десятков. Если следовать вышеназванному принципу, то для каждой из них нужно создавать письменность. К чему это может привести, доказывать нет необходимости. Это обстоятельство представляет опасность для марийского народа еще потому, что он относительно немногочислен и его язык в общественно-политической и экономической жизни занимает второстепенное место, что не дает ему закрепиться в качестве универсального средства общения нации.

Итак, между общенародным языком и диалектами в процессе формирования литературного языка складываются особые отношения. Это нельзя не принимать во внимание, когда мы говорим о путях создания общенационального письменного языка. Правильное понимание нетождественности общенационального и литературного языков – вот та точка, от которой необходимо начать движение при строительстве литературного языка.

Необходимо помнить, что общенародный язык включает в себя все диалекты, в то время как литературный язык вбирает в себя только один из них, легший в его диалектную основу. В то же время, как мы уже говорили, он не совпадает с ним. Диалект для него является отправной точкой для дальнейшего развития. В той или иной степени литературный язык вбирает в себя отдельные особенности и других диалектов. Всякий литературный язык в действительности представляет собой синтез категорий и форм разных диалектов. Между диалектами и формирующимся литературным языком устанавливается сложная цепь взаимоотношений. Особенно рельефно это проявилось на формировании марийского литературного языка. Обо всем этом необходимо помнить сейчас, когда марийское общество приступило к активной деятельности по возрождению своей национальной культуры, одной из важнейших составных частей которой является единый общенациональный литературный язык.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васикова Л.* За образец беру Эстонию // Республика. 1992, 23 октября; Равенство подлинное и мнимое // Марийская правда. 1992, 30 октября; Кудо корныжо чын? // Марий Эл. 1992, 3 ноября; *Егоров Н.* Не расколоть бы нацию // Республика. 1992, 1 октября; Кӱ техень "мызыри" марыжы? // Кугарня. 1993, 26 ноября; Двуязычие или два диалекта? // Кугарня. 1994, 10 июня; *Липатов А.* Язык есть исповедь народа // Марийская правда. 1992, 3 сентября.

2. *Казанцев Д.* Каким будет закон о языках // Марийская правда. 1992, 22 сентября; Тушыжым арава деч эрыкташ // Марий Эл. 1992, 25 сентября; Марий йылме кокытак мо вара? // Марий Эл. 1994, 4, 15, 18, 24 февраля; Еще раз о двух марийских языках // Кугарня. 1994, 4 февраля; *Галкин И.* Кӧлан кок йылме кӱлеш? // Кугарня. 1992,30 октября; *Сибатрова С.* "Мары" йылмы кокты вӓл? // Кугарня. 1994, 7 января.

3. *Раск Р.* Исследования в области древнесеверного языка или происхождение исландского языка // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1960.

4. "Марийская деревня". 1927, 17 декабря.

5. ЦГА РМЭ. Ф.1, ед. хр. 491.

6. Научный фонд МарНИИ, т. 2, д. 119.

7. *Никитина Л.Г.* Олыкмарла да курыкмарла кутырымаште икгайлык да ойыртем. Диплом паша. Йошкар-Ола, 1997.

8. *Васильев Ф.* Пособие к изучению черемисского языка. Казань, 1882.

9. Ленинский путь. 1992, 3 ноября.

10. *Иванов И.Г.* О некоторых особенностях выступления гармонии гласных в моркинско-сернурском говоре марийского языка // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995.

11. Словарь лингвистических терминов. М., 1972.

12. *Васильева Л.* Шкыланна шкеок корным тошкымыла // Ленин корны. 1992, 29 октября.

13. *Пешковский А.М.* Сборник статей. Л., 1925.

14. *Будагов Р.А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967.

15. *Горбачевич К.С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

Ivan Ivanov

LITERARY LANGUAGE AS A FORM OF LANGUAGE FUNCTIONING

The questions of interrelation of the national language and dialects, of the national language and the literary language and of the literary language and territorial dialects are considered in the article. Their place and role in the process of formation of the literary language are analyzed.

One of the main reasons of formation of two forms of the Mari writing language is that of the vague idea on the role of dialects in the formation of the literary language. Even now some Mari linguists adhere to the wrong opinion on the existence of the two Mari languages.

In the article some specific linguistic data are given to prove that two main variants of the Mari language – Lowland and Highland – are not separate languages but dialects of one national language. The author admits that there are some differences between the languages, mainly in phonetics, which is natural of any dialect of any language. Approximately 20% of the word-stock of Highland Mari dialect is different from that of Lowland Mari dialect.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Иван Плосков
Сыктывкар

ОБРАЗЫ КОМИ СКАЗОК И ПРЕДАНИЙ
(к проблеме взаимодействия сказки и несказочной прозы)

В коми фольклоре известны произведения, повествующие о колдунах, путешествовавших под водой (подобные описания и мотивы известны в различных приуральских, финно-угорских традициях), повествуется о "злом божестве", *васа* (водяном), огромной рыбе (щуке) и др. (1, с. 40; 2, с. 94-95; 3, с. 128-130). Как известно, в фольклоре различных народов предания, сказки о водяных чудовищах сохранились в большом количестве.

В коми фольклоре бытуют фантастические чудовища, имеющие весьма сложную обрисовку. Обращает внимание архаический "зооморфный" образ глота (вариант – глöт), при этом образование слова - наименования *глот* самими сказителями обычно связывается с русским глаголом "глотать" (глот – глотающий животных и людей), что раскрывает и функциональную особенность персонажа. В последних, современных записях преданий о глоте также содержатся попытки обрисовать его вид путем сравнения с реально существующими (иногда – экзотическими) обитателями вод. Описательное название персонажа даже через определение его основной функции могло быть связано с древними табу. В коми преданиях, к примеру, говорится: "В старые времена была, говорят, какая-то рыба, то ли крокодил, то ли бегемот…; был какой-то зверь, думают, что акула; ...27 пудов весил глот. Был похож на зверя. Голова большая, хвост рыбий, как у налима, длинный и тонкий..." (4, л. 92, 260-261).

Отсутствие идеи комбинирования вида чудовища в последних записях преданий, однако, не означает, что раньше в традиции она вообще не имела места. Отдельные попытки комбинирования вида персонажей оставались в несказочной прозе (в быличках) и т.д. Различные исследователи отмечают в

древних изображениях наличие подобной идеи (5, с. 252-253; 6, с. 24-31; 7, с. 5-7; 8, с. 39-46). Исследователь изображений "пермско-уральского звериного стиля" Л.С. Грибова отмечала: "...классическое изображение (ящера – авт.): удлиненное гибкое тело с острой (щучьей?) пастью, с трехпалыми ластами вместо ног и широким тупым хвостом (плавником?). По всему туловищу "ящера", как бы внутри тела его, изображены семь рыб... "Ящер" держит в пасти человеческую голову, как бы собираясь ее проглотить. Птицы, вырастающие из лосиных голов, заглатывают маленькие лосиные головы... Все существа и их части взаимно связаны, как бы вырастают или переходят друг в друга..." (9, с. 57-58).

Представления о глоте, надо полагать, восходят к тотемическим воззрениям. Этим в основном, очевидно, объясняются некоторые сходные черты ящера и глота. У нас нет достаточных оснований говорить о тождественности данных древних образов. Однако, как мы увидим в дальнейшем, определенные черты указывают на какие-то сходные представления, лежащие в основе этих образов. Мотив проглатывания человека запечатлен в изображениях пермского звериного стиля. Данный мотив, естественно, по-своему заявлен во всех фольклорных произведениях о глоте. Ящер изображен с рыбами внутри, и глот имеет какую-то связь с рыбами; по всей вероятности, глот - рыбообразное чудовище и (по фольклорным произведениям) стоит в ряду с такими плавающими и проглатывающими существами, как речной бобер с широкой пастью, "большой медведь, живущий в воде" (10, с. 16). Исследователи подчеркивают, что "сложность определения образа "ящера" в том и состоит, что древний ваятель отливал не определенное животное, а такой же собирательный образ представителей нижнего мира, как и сложный образ представителей наземного мира..."; "... все исследователи сходятся в одном: "ящер" – воплощение нижнего (загробного) мира, его хозяин" (9, с. 12-13). А.К. Микушев также отмечал, что "следы древних тотемных взглядов сохранились и в балладах на сюжет о девушке, проглоченной "большой щукой...". Образ враждебной человеку "большой щуки", глотающей девушек, сближает балладу с вымским эпосом о Шомвукве, о водяном чудовище (васа ыджыд глöт), проглотившем охотников. Образ "большой щуки" является также одним из центральных в искусстве пермского звериного стиля и наиболее архаических жанрах коми фольклора – заговорах, пословицах, преданиях о Кадомском озере" (3, с. 128-129).

Образ "большой щуки" есть, разумеется, во многих северных традициях. Например, В.Г. Богораз упоминает (по чукотским материалам) о гигантской щуке-людоеде, обитавшей в неизвестных тундровых озерах (11, с. 288-289; 12, с.39). Персонаж глот также, несомненно, имеет отношение к смерти, к гибели (об этом свидетельствуют приведенные далее фольклорные

произведения). В фольклоре сохранились отголоски некоего собирательного чудовищного образа-персонажа.

Топонимическое предание села Глотово (Удорского района) имеет варианты. Однако общими мотивами во всех записях предания являются глотание животных чудовищем, глотание юноши, его победа над глотом. В одном из вариантов предания, записанном в с. Глотово, говорится, что отец-знахарь посылает сына убить глота: "Парня с ножом зашили в сырую шкуру, и отец опустил его в воду. Глот проглотил сына одним махом..., проглотил – и парня как не бывало. Парень же там не спит, порет брюхо глота. Потом глот издох, парень вылез наружу. "Чуть не умер от жары в утробе глота, еле живой выбрался", - говорит сын..." (13, с. 237).

Подобные мотивы (вхождение в животное) были известны в мифологии многих народов. Исследователи указывают, что мотив проглатывания человека чудовищем был связан с обрядом инициации: "Одна из форм обряда состояла в том, что посвященный как бы проглатывался чудовищем и вновь им извергался. Мифов о проглоченных и извергнутых имеется чрезвычайно много"; "В индейском мифе два брата проглочены китом. Кит переносит их в другую страну. В брюхе кита так жарко, что они теряют волосы"; "...есть миф о мальчике, который удит рыбу. Рыба его проглатывает. Его учитель ловит рыбу и вырезает его оттуда... В данном случае связь с обрядом доказывается тем, что юношу вырезает и возвращает к жизни его учитель"(14, с. 184).

Кит как персонаж фигурирует в мифологии, фольклоре северных народов, в ближайшем регионе – у ненцев и др. (15, с. 76). "Кит-рыба" (кит-поглотитель) встречается и в севернорусских сказках. Например, в сборнике Н.Е. Ончукова приводится произведение, повествующее о соответствующем мотиве поглощения: кит-рыбина мужика "подхватила", он резал, резал ту рыбу и дырину прорезал в ней (сказителем сообщается, что у мужика ножичек был в кармане); потом рыбину бросило на берег, и мужик из нее вышел (16, с. 229). Очевидно, что соответствующие мотивы фактически восходят к одному типу.

Юноша (по коми преданиям) побеждает чудовище, будучи проглоченным, распоров его брюхо. В одном из преданий говорится, что юноша выходит из глота белой пеной (?) - "еджыд чигйӧн", но отец не берет то, что вышло, и сын погибает; юноша "сам выходит из брюха", и т.д. (4, л. 92, 261). Присутствие отца (учителя?) здесь, вероятно, далеко не случайно. Он упоминается во всех коми преданиях о глоте.

Как уже упоминалось, в коми преданиях персонаж называется "зверем" с рыбьим хвостом ("как у налима"), рыбой, акулой и т.д. Вероятно, это – рыба-чудовище или рыбообразное чудовище. В.Я. Пропп отмечал, что рыба, как то-

темное животное была распространена, и это "видно по очень многим материалам"; "...Боас в своей книге о социальной организации племени квакиутл показал, какое большое распространение имеет рыба в качестве тотемного животного; фасады многих домов расписаны огромными рыбами, так что вступающий в дом как бы вступает в рыбу..." (14, с. 227-228).

Е.М. Мелетинский писал о соответствующих корякских мифах: "Корякская фантастика имеет своеобразный "анатомический" уклон: люди и звери проникают в тела друг друга и находятся там, как в отдельном мире... Ворон и его дочери путешествуют в теле кита, как в корабле..." (17, с. 94).

Рыба (налим?), очевидно, была также тотемом у предков коми. Упоминание об этой рыбе есть в описаниях глота, в преданиях о подводных путешествиях древних чародеев-колдунов и т.д. (1, с. 40). "Глот-рыба" могла быть тотемом древнего коренного населения, исследуемого региона, а затем эти представления освоились мигрировавшими предками коми или, по крайней мере, отразились в их фольклоре и дошли до нас в виде "упоминаний" в отдельных трансформировавшихся мотивах. Полагают, что "тотемы медведь, ... налим и др. были первоначальными... на обширных просторах сибирской тайги и лесостепи" (18, с. 78).

В коми преданиях о глоте человек выступает против чудовища, при этом он не борется с "глотом-рыбой" в чужой для себя стихии, в воде, а убивает его "изнутри". В преданиях говорится, что "сын завернулся в сырую шкуру, а отец зашил", "парня (с ножом) зашили в сырую шкуру"; "человека зашьют в теленка"; "тӧдысь (кудесник) превратился в нечто мохнатое – с шерстью" (из предания, записанного в с. Глотово Удорского района Ю.Г. Рочевым) (4, л. 92, 261; 13, с. 237; 19, с. 81-82).

Также в сказке о хитреце Микулине появляется подобный мотив: при подготовке хитреца к казни, до того, как утопить его в проруби, забили корову и зашили Никулина в шкуру. Хитреца как бы приносили в жертву (4, л. 4). На наш взгляд, в коми варианте сказки в известной степени даже пародируются древние (и отжившие) представления о возможности проглатывания тотемным животным и извергания-возвращения. Хитрец "возвращается" целым и невредимым, не побывав в воде. Остальные мужчины, перебившие коров, чтобы зашить себя в свежие шкуры, прежде чем прыгать в прорубь, одураченные им, тонут. Зашивание в шкуру, а также превращение кудесника "в нечто мохнатое" предполагают, в конечном счете, одно и то же явление. И в том, и в другом случае имеет место мотив превращения в животное; к примеру, для того, чтобы "привлечь" глота, нужно было, по преданию, превратиться в теленка. "Переход от животной ипостаси к человеческой, - писал Е.М. Мелетинский, - совершается путем перемены одежды, внешней оболочки" (17, с. 94). В приведенных примерах шкура

животного (теленка), конечно, выполняла определенную функцию в процессе превращения.

В одном из вариантов сказки о "Шомвукве" (записал Ф.В. Плесовский в Железнодорожном – ныне Княжпогостском районе) наряду с медведем-чудовищем появляется владыка вод – глот (4, л. 412-420). Мир "Шомвуквы" в сказке как бы разделен на "лесной" и "водяной" ("речной"). Каждый из них имеет своего владыку-чудовище. Медведь и большой водяной глот, который поднялся с глубины, проглатывают всех охотников и рыболовов – двенадцать человек (отца и одиннадцать сыновей). Женой двенадцатого сына (и брата), родившегося после ухода отца и сыновей в "Шомвукву" и по истечении определенного времени пришедшего сюда охотиться и ловить рыбу, а также искать пропавших, становится дочь огнедышащего медведя и водяного глота. В этой сказке нет мотива борьбы с чудовищами. В вымском песенном варианте фольклорного произведения младший брат борется с большими медведями. Он освобождает отца и братьев, распоров животы у побежденных чудовищ, предварительно сняв с них шкуры (20, с. 25-26). Л.С. Грибова утверждала (в связи с "песнями-импровизациями о Ведэ и сказками об охотнике и его сыновьях, съеденных зверем"), что "чудесное освобождение" членов рода есть не что иное, как восстановление рода; женщина, взятая из чужого рода, пополняет род мужа новыми членами…; убиение же зверей (родовая месть) являлось… актом поедания тотемов….";
по мнению исследователей, "эти предания восходят к каким-то далеким архаическим эпохам" (9, с. 31).

В угро-самодийском сказании, имеющем сходные с коми фольклорными произведениями мотивы, отца, мать и детей проглатывает "злой дух". Освободитель кует себе железные крылья и нож. Он нагоняет "злого духа" "на середине моря", вызывает его на поединок, ударяет ножом в брюхо, и люди выпадают оттуда (10, с. 20-21). Появление выкованных крыльев у освободителя из угро-самодийских сказаний, несомненно, имеет особый смысл, связано с превращением. Возможно, в данном случае мотивы также восходят к тотемическим воззрениям древних.

Владыки водной стихии и дремучего леса – глот и медведь – (в определенных чертах образа) восходят к общим представлениям упоминаемых народов. В некоторых коми произведениях, как отмечают исследователи, "вместо великана-медведя действует "дух" – водяной великан и лесной великан" (10, с. 20).

Расправа с бывшими (мифологическими) "кумирами" в коми фольклоре нашла яркое отображение в мотивах спасения богатырем человека, предназначенного для многоголового змея-гундыра, многоголового озерного чудовища (4, л. 153, 483). Юноша борется со злым духом в угро-само-

дийском сказании, с большими медведями – в вымском (песенном) варианте.

В коми (удорской) сказке появляется "тит-рыба" – "морской глот". Здесь также имеет место названный мотив. "Давай... проглоти меня...," - говорит юноша-богатырь "тит-рыбе" ("глоту") (4, л. 207). Мотив побежденного глота – "тит-рыбы" тоже появляется в удорской сказке.

Образ глота в современных фольклорных записях – не тождественный образу сказочного морского многоголового змея (мотив змееборства), или змея-гундыра, появляющегося, по коми сказке, "в середине моря" (4, л. 153-154). Чудовища отличаются в обрисовке образа, что связано с их неоднородностью. В известных нам записях подчеркивается основной признак глота – глотание животных, людей, лодок с людьми и т.д. Сложный мотив змееборства нельзя, очевидно, отождествлять с известным мотивом убиения глота. Юноша не борется с глотом. Чудовище побеждено, как уже отмечалось, "изнутри". Как известно, чудовище – в коми преданиях – было побеждено более древним способом. В обоих вариантах сказки о "Шомвукве" (первый записан Т.И. Фроловой также в Железнодорожном - ныне Княжпогостском - районе, о втором уже упоминалось выше) двенадцатый брат, растущий не по дням, а по часам, рано проявляет богатырские качества - в играх, уходит в "Шомвукву", но удача ему "предопределена", и борьбы с глотом нет (21, л.77-85). В другой – удорской – сказке, как отмечалось, появляется морской глот. Появляется и новая функция глота – служение "морскому владыке". Сказочное название глота – "тит-рыба" – является заимствованным (ср. русское - кит-рыбина, рыба-кит).

Морскому глоту также свойственна, в числе прочих, древняя функция-поглощение жертвы. В сказке, как и в преданиях, есть упоминания о победе юного богатыря над морским глотом, но здесь она обретает совершенно иной вид. Появляется новая ситуация. После того, как богатырь спасает девушку, предназначенную для чудовища, последний лишается возможности питаться людьми, а впоследствии и морской царь (царица) по просьбе юноши запрещает ему глотать людей.

В преданиях говорится: "А глот будто бы сразу может проглотить. Ножом сын-то изранит изнутри брюхо, и глот погибнет… А кости его, говорят, поплыли; ... видели его ребра" (4, л. 261). В тексте также указывается: "Из его ребер потом сделали столбы для ворот…" (13, с. 237). В сказке юный богатырь говорит "глоту": "А меня не проглатывай, я ... в желудке все равно не умру, между твоих ребер выйду..." Далее – в той же сказке: "Давай... проглоти меня и отнеси в водяное царство к царю" (4, л. 202, 207).

В преданиях и сказках есть общие черты в обрисовке образа, характерные ситуации.

В отличие от персонажа "тит-рыбы" – морского глота, чудовище глот в

сказочном мире "Шомвуквы" (в упоминаемой сказке о "Шомвукве") как бы сохраняет свой первозданный вид, и – в известной мере – сохраняется досказочное осмысление образа. Персонаж просто был назван, проявляет себя как некая "чистая функция" (в тексте о проглатывании чудовищем людей в лодке упоминается неоднократно; в первый раз мотив гибели, как указывалось, был "предсказан" во сне одной из будущих жертв).

Глоту (или подобному фантастическому существу), очевидно, когда-то приносились жертвы. По крайней мере, упоминания об этом сохранились как в преданиях, так и в некоторых сказках коми. Трансформации здесь закономерны. Появление глота (рыбообразного чудовища) в сказках и преданиях, как отмечалось, всегда связывается с возможностью гибели героя. Интересно, что в сказке о "Шомвукве" в случае "предопределенной" неудачи появляется чудовище глот, а "предопределенная" удача описывается так: "рыба сама идет" к рыболову – двенадцатому брату (21, л. 82). В.Я. Пропп, в частности, писал: "Рыба... очень часто имеет какую-то связь с миром умерших, с мертвецами, независимо от наличности или отсутствия у данного народа тотемизма..."; "В Буине некогда существовал обычай бросать кости сожженных трупов рыбам..."; у некоторых народов были известны "священные рыбы", которые также имели отношение к умершим (14, с. 230). Как отмечалось, архаичны и коми фольклорные произведения о зооморфном поглотителе (глоте).

Наименование "глот", некогда заимствованное или образованное от русского "глотать", как указывалось, имеет значение, которое непосредственно указывает на функциональную особенность фантастического существа. Функция поглощения жертвы является и для других чудовищ характерной, определяющей (в приведенных фольклорных произведениях). На наш взгляд, подобное (табуированное) название, пусть даже заимствованное из другого языка, могло быть в какой-то период общим для перечисленных выше существ, и лишь позднее осталось у водяного чудовищного образа, закрепилось за одним архаическим рыбообразным персонажем. Отголоски старых представлений сохранились в фольклоре. Отсюда – многообразие и легкая "замена" персонажей в фольклорных произведениях, если иметь в виду даже только упоминаемые вымские варианты.

В фольклорных произведениях (преданиях, сказках) разных народов известны мотивы, связанные с водой. Некоторые из них приведены в работе. В наших примерах есть прямые или косвенные упоминания о воде, в одном случае – несущей гибель, а в другом – "возрождающей", очищающей. Гибель людей связана, по сказкам, преданиям и сказаниям, с появлением многоголового змея-гундыра, чудовища глота, злого духа и др. В то же время зеленоволосая дочь водяного глота "возрождает" (восстанавливает)

род охотника-мужа. Живая вода оживляет спасенных (по вымскому песенному варианту). В угро-самодийском сказании освободитель "отмывает" (очищает) в море спасенных. Так же водяная стихия "дарует" младшему - двенадцатому брату большую добычу (рыбу) и т.д.

Уже упоминался сложный сказочный образ рыбы-поглотителя (кита), известный в северном регионе. В данном контексте интересны русские и коми сказки, повествующие об огромном ките, удерживающем корабли. В подобной коми-зырянской сказке также имеется мотив поглощения. Соответственно упоминаемой коми сказке, после церковного обряда бывшие на корабле поп и дьяк отвели "обещанного" солдата (впрочем, получившего также несколько советов от доброжелателя) к киту-рыбе; солдат перекрестился и прыгнул в пасть кита. Рыба тут же ушла на дно, и корабли снова поплыли. Далее в сказке говорится: "А та рыба, что проглотила солдата, быстро поплыла по морю. Несла месяца три или четыре, и выпустила (солдата) неподалеку от берега, на котором был красивый луг. А сама рыба ушла на дно, уплыла..."; далее по сказке, старик-даритель "протрубил" рыбе (киту). Кит явился обратно. Солдат попрощался с дарителями чудесных предметов, вновь перекрестился и прыгнул киту-рыбе в пасть. Тогда старик наказал рыбе отвезти солдата и оставить у пристани. Кит-рыба выполнила желание старика (22, с. 187-189). Очевидно, что в коми традиции была основа для подобной разработки сюжета.

Соответствующие сказочные функции были присущи упоминаемому "морскому глоту" – "тит-рыбе" (кит-рыбе) удорской коми сказки, а также "киту-рыбине" севернорусской сказки (из сб. Н.Е. Ончукова). Как уже указывалось, в некоторых вариантах коми топонимических преданий о глоте происхождение чудовища также связывалось с морем. Имеются и другие вариации древнейшего мифологического (сказочно-мифологического) образа, сохранившие, впрочем, его обрисовку. Существует позднее (христианское) прочтение образа упоминаемого коми предания. П. Савваитов, в частности, отмечал: "В версте от церкви (Глотовской - *И.П.*) на реке Мезени, вниз по ее течению, есть часовня, построенная в память истребления рыбы глота св. Стефаном, который обратил жителей в христианство..." (23, л. 11). Христианские элементы, как известно, наличествуют и в различных сказочных повествованиях (дополнительные сведения будут приведены).

Уже упоминалось о коми фольклорных произведениях, содержащих различные мотивы состязания, противоборства (борьбы) героя и чудовища и т.д. В ряде случаев имеет место состязание несколько иного рода.

В старинной коми сказке, повествующей о серебряной, золотой и жемчужной березах, героиня рассказывает (поет) о своеобразной игре (состязании) братьев – "кар дзӧлльон дзоллясьӧны, шӧлк мачӧн мачасьӧны ("между

собой... играют, шелковым мячом перекидываются"); в частности, выдвигалась версия – "игра в городки" (24, л. 204). Исследователи в то же время отмечали, к примеру, наличие коми преданий "о чудских богатырях, которые... с городища на городище палицы, топоры кидали..."; также в коми сказках о сыновьях ӧксы (князя) говорится о двух, пяти городищах, через которые они кидали мячи и т.д. (25, с.116-117; 26, с. 25).

А.А. Спицын писал, в частности, о народах Прикамья, упоминая о соответствующем фольклорном материале: "...местные инородцы, а за ними и русские, на вопрос, кому принадлежит то или иное городище, всюду с замечательным единодушием ответят, что на городищах жили великаны... Вам расскажут, что эти великаны перебрасывались с одного городища на другое дубинками, гирями, камнями, передавали друг другу разные предметы домашнего быта, например, топоры и гребни, а на вопрос, какого рода образ жизни великаны эти вели, ответят, что они жили не то разбоем, не то торговлей. Такое предание вы встретите и на Пижме, и на Чепце, и на Каме, у русских и у инородцев" (27, с. 65-66).

В зауральском коми фольклоре упоминается сказочный мотив – "вичко вывті шыбласеныс" (через церковь перекидываются) (28, л. 53). Интересно, что упоминание о них также имеет место в "песенных" компонентах произведения.

Различные мотивы состязания, как отмечалось, встречаются в коми мифологическом материале, в легендах, в "сказках-бывальщинах" и пр.

В коми-пермяцких преданиях, к примеру, повествуется о "чучкарских богатырях", устраивавших состязания – на конях перепрыгивали, в частности, через городскую стену. В различных произведениях коми-пермяков упоминаются своеобразные игры и состязания в прыжках (с камня на камень и др.) (29, с. 245-275). Подобные мотивы состязаний, как известно, были отображены в коми сказочном творчестве.

Возможно, упоминаемые выше предметы в свое время были принадлежностью (атрибутикой) какого-то обряда и позже проявились (были отражены) в сказочном фольклоре, отобразились в известных мотивах состязаний и т.д.

В данном контексте также интересно следующее упоминание о чуди: "Чудь приедет..., копье воткнут в пол, и кроме них никто не мог вытащить. Потом заночуют. Если их никто не трогает, и они никого не тронут. Поспят и уедут" (19, с. 29).

Интересны и другие представления о "древних богатырях", о "могуществе предков", бытовавшие, в частности, у различных финно-угорских народов (30, с. 190; 31, с. 7). Последние, как отмечалось, прослеживаются в вариантах коми сказки "Шомвуква", в сказочных повествованиях со "змее-

борчеством".

В коми фольклоре известны предания о Пере-богатыре. П.Г. Доронин приводил несколько преданий о Пере (32, л.160-161, 167). Среди подвигов Перы им упоминаются следующие: "...побеждает в единоборстве водяного властителя Васа...; убивает трех братьев-колдунов,... при этом, спасаясь от преследования душ убитых колдунов, Ош-Перя всю ночь должен был стоять на лезвии своего топора" и т.д. Перя впоследствии под Орлецом (Ӧрлеч) совершает пятый подвиг, но этот подвиг окончился для него трагически. Под Орлецом он обнаружил огромный амбар, оттуда были слышны человеческие голоса с призывами об освобождении их. Перя три дня рубит двери амбара, но без успеха. Из зарубин сочится кровь, а ночью зарубины зарубцовываются. ...Перя продолжает рубить двери, прихвастнув при этом: "Против моей силы никто не может противостоять. Если бы у земли была ручка (вуг), я ее бы перевернул, если бы у неба была ручка, то и его бы я перевернул другой стороной". В наказание за это хвастовство бог наказал Перю-богатыря, превратив его в каменную статую" (32, л. 160-161). Последний мотив (превращение в камень) широко известен; он, в частности, фигурирует в несказочной прозе южных коми. Троекратное действие (наличествующее в этом предании) характерно для сказочного фольклора.

П.Г. Доронин упоминает в разговоре со сказителем А.С. Тарабукиным (из Яренского уезда, Прокопьевской волости): "На мой вопрос, что это за амбар и кто в нем были замурованы, сказочник Тарабукин пояснил: "После победы над нечистыми силами бог замуровал в этот амбар побежденных...чертей и дьяволов, а Перя-богатырь против божьей воли хотел освободить дьяволов из заключения, прихвастнув даже перевернуть небо и землю. За хвастовство и был наказан Перя-богатырь" (32, л. 160-161, 167). Как уже отмечалось, христианские мотивы вводились и в несказочную прозу, и достаточно широко в сказочное повествование.

Связь со сказочными мотивами также имеется в упоминаемом варианте произведения о Пере: "...Отцом Перы был медведь. Мачеха, невзлюбившая свою падчерицу, уговаривает своего мужа извести...дочь. После долгих колебаний отец уводит свою дочь (мать Перы) в лес, привязывает к дереву и оставляет ее в лесу на верную гибель.

Увидев привязанную к дереву красивую девушку, над ней сжалился Ош (медведь), (который) уводит (ее) в свою берлогу и становится ее покровителем-мужем. От сожительства с медведем у девушки рождается сын-первенец - Перя, по отчеству Ош-Перя (Пера). Он растет не по дням, а по часам..." и т.д. (32, л. 160-161).

В коми региональных традициях (в частности, южных), как известно, разрабатывался сказочный сюжет о мачехе и падчерице (включающий

упоминаемые выше мотивы, связанные с оставлением героини в лесу, и т.д.).

Выражение "растет не по дням, а по часам", как известно, также употребляется в коми сказках.

Коми исследователями зафиксированы и предания "Ош бабаöс видзöма" (Медведь женщину содержал), "Ош төвйöдлöма бабаöс" (Медведь заставил перезимовать у себя женщину), "Ошкöд сёрнитöм" (Обращение к медведю) и др. (19, с. 98, 101-102). Фольклорист Ю.Г. Рочев, в частности, обратил внимание и на интерпретацию известного сказочного сюжета "Медведь (волк, колдун) и три сестры" (33, с. 142-149). Указанный персонаж (медведь) встречается в различных жанрах детского фольклора коми (34, с. 195, 203, 214). Исследователи также выделяли различные проявления персонажа, рассматривали медведя как прообраз дракона в волшебных сказках коми и т.д. (2, с. 95-100; 35, с. 109-117).

В сборник "Великорусские сказки Вятской губернии" Д.К. Зелениным была включена "вятская" сказка об Иване Златоустом (с сюжетом "Поди туда, не знаю куда"), записанная в свое время в Глазовском уезде священником Н. Блиновым. Составителем фактически указано, что сказка финно-угорская. Д.К. Зеленин также указал, что в подобных произведениях "народной поэзии" видны "довольно ясно... некоторые стороны мировоззрения Глазовских пермяков и вотяков..." (36, с. 432).

Интересен образ основного антагониста в сказке (образ "Чучка"): "...в лесу стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит Иван: "Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом!" Избушка повернулась. А тут жил Чучка... Вот и говорит он: "Фу, фу, русским духом пахнет... Кто там?" – "Я, Иван Золотоустый. Пусти в избу". – "Пустить пущу, только съем!" – "Ладно! Напой, накорми, постель постели, в головы садись – хоть слушай, хошь ешь меня..." (36, с. 432-434).

Как полагают исследователи, в данном контексте интересны предания о чуди (19, с. 23). В "примечаниях" к вятскому сборнику отмечается: "Чучка – представитель вымершей народности, жившей прежде, по народным преданиям, на северо-востоке... Вятской губернии", и далее: "Между прочим, в...Кайском крае... многие жители считают себя потомками этого народа (Чуди?), и в родительские субботы молятся так: "Помяни, Господи, дедушку Чучка, бабушку Чучиху" (36, с. 546). Образ "Чучки" в данном случае, очевидно, является заменой классических сказочных образов, известных коми, таких, как Яга, Ёма.

Как видим, в материалах обнаруживаются соответствующие истоки (подчас – архаические элементы) образов, проявившихся в произведениях различных жанров, а также результаты известного взаимовлияния (в рам-

ках более поздней повествовательной традиции).

Упоминаемые здесь коми фольклорные образы, мотивы, так или иначе, связаны с несказочной прозой и со сказкой. Рассматриваемое взаимодействие сказки и несказочной прозы при этом – одна из характерных черт коми повествовательной традиции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов С.* Предание о Шипице // Коми му. Устьсысольск, 1927. № 1-2.
2. *Плесовский Ф.В.* Сказки. Предания // История коми литературы. Фольклор. Т. I. Сыктывкар, 1979.
3. *Микушев А.К.* Эпические песни и баллады // История коми литературы. Фольклор. Т. I. Сыктывкар, 1979.
4. Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, д. 187.
5. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
6. *Грибова Л.С.* Сложный образ пермского звериного стиля // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972.
7. *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль как часть тотемической социально-идеологической системы. Его стадиальный характер (Серия препринтов "Научные доклады"). Вып. 62. Сыктывкар, 1960.
8. *Грибова Л.С.* Стилистические особенности древнепермской бронзовой пластики // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов. Ижевск. 1984.
9. *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. М., 1975.
10. *Микушев А.К.* Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.
11. *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 1. СПб., 1900.
12. *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 2. Л., 1939.
13. Образцы коми-зырянской речи /Сост. *Т.И. Жилина, В.А. Сорвачева*. Сыктывкар, 1971.
14. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.
15. Огонь-камень. Сказки народов Тюменского Севера. Свердловск, 1981.
16. Северные сказки /Сост. *Н.Е. Ончуков*. СПб., 1909.
17. *Мелетинский Е.М.* Структурно-типологический анализ мифов северо-восточных палеоазиатов (Вороний цикл) // Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
18. *Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980.
19. Коми легенды и предания /Сост. *Ю.Г. Рочев*. Сыктывкар, 1984.
20. *Микушев А.К., Чисталев П.И., Рочев Ю.Г.* Коми народные песни. Т. 3. Сыктывкар, 1971.
21. Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. I, оп. 11. д. 120.
22. Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс /Сост. *И.А. Осипов*. Сыктывкар, 1941.
23. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F. XVII, № 68.
24. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F. XVII, № 111.
25. Ипатьдорса фольклор /Сост. *А.К. Микушев*. Сыктывкар, 1980.
26. *Микушев А.К.* Легенды и сказания народа коми // Дыхание пармы. Сыктывкар, 1991.
27. *Спицын А.А.* Местное и областное управление на Вятке до XVIII в. К истории вятских инородцев. Вятка, 1888.
28. Архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, д. 218.
29. Оласӧ да вӧласӧ /Сост. *В.В. Климов*. Кудымкар, 1990.
30. *Смирнов И.Н.* Вотяки. Казань, 1890.
31. *Грибова Л.С.* Культ "древних" у коми-пермяков. М., 1964.

32. ЦГА Республики Коми. Ф. 1346, оп. 1, ед. хр. 41.

33. *Рочев Ю.Г.* Влияние национальной сказочной традиции на интерпретацию сюжета сказки "Медведь (волк, колдун) и три сестры" // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). Ижевск, 1981.

34. *Рочев Ю.Г.* Детский фольклор // История коми литературы. Фольклор. Т. I. Сыктывкар, 1979.

35. *Плесовский Е.В.* Медведь как прообраз дракона в волшебных сказках коми // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972.

36. Великорусские сказки Вятской губернии /Сост. *Д.К. Зеленин*. Петроград, 1915.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Людмила Григорьева
Йошкар-Ола

ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Изучение диалектов любого языка для лингвистики имеет особо важное значение, так как диалектные данные являются ценным источником истории языка и обогащения его литературной нормы, а выявление в них фонетических, морфологических, лексических и синтаксических особенностей способствует углубленному изучению языка. Несмотря на то, что по изучению восточного наречия марийского языка проведена довольно большая работа, к сегодняшнему дню нельзя сказать, что оно изучено достаточно полно.

Восточный диалект марийского языка распространен на весьма обширной территории. На нем говорят марийцы, проживающие в Мари-Турекском районе Республики Марий Эл (сардаяльско-арборский говор), Республике Татарстан, Республике Удмуртия, Республике Башкортостан, Кировской, Екатеринбургской и Пермской областях. Границы говоров восточного наречия, а также деление его на говоры довольно точно определил Н.И. Исанбаев, который продолжительное время кропотливо изучал восточное наречие. Он выделяет следующие говоры данного наречия: 1*) балтачевский* (распространен в Балтачевском, Бураевском, Караидельском районах Республики Башкортостан); 2) *белебеевский* (распространен в Белебеевском, Бакалинском, Шаранском районах Республики Башкортостан); 3) *бирский* (распространен в Мишкинском, Нуримановском, Благовещенском районах и части Бирского района Республики Башкортостан); 4) *елабужский* (распространен в Елабужском, Агрызском районах Республики Татарстан, Алнашском, Граховском и Каракулинском районах Республики Удмуртия); 5) *калтасинский* (распространен в Калтасинском, Краснокам-

ском, Янаульском районах Республики Башкортостан); 6) *кильмезский* (распространен в Кильмезском районе Кировской области); 7) *красноуфимский* (распространен в Красноуфимском и Артинском районах Свердловской области); 8) *кукморский* (распространен в Кукморском районе Республики Татарстан); 9) *кунгурский* (распространен в Суксунском районе Пермской области и Ачитском районе Свердловской области); 10) *малмыжский* (распространен в Малмыжском районе Кировской области); 11) *мензелинский* (распространен в Мензелинском, Муслюмовском, Актанышском районах Республики Татарстан); 12) *прибельский* (распространен на территориях Дюртюлинского, Илишевского районов и части Бирского, Краснокамского районов Республики Башкортостан) (1, с. 31).

В марийском языкознании восточное наречие как отдельная диалектная разновидность выделена в 70-х гг. XIX в. Н.И. Ильминским. Он писал: «Черемисскій языкъ раздѣляется на два нарѣчия: горное, которымъ повидимому говорятъ не болѣе 20-30 тысячъ человѣкъ, и луговое, распространенное на большое пространство въ Казанской и Вятской губерніяхъ; отъ послѣдняго подраздѣлился особой говоръ, назову его восточнымъ, который начинается съ Мамадышскаго и Малмыжскаго уѣздовъ Казанской и Вятской губерній и идетъ все на востокъ по Вятской губерніи въ Пермскую и Уфимскую» (2, с.323). Здесь же отмечено об отличии лексики и показателя множественности имен восточного диалекта от лугового наречия. Об этом Н.И.Ильминский писал: «Был вот такой случай: один из горных черемис Казанской губернии был вызван Пермским Епархиальным Комитетом и определен учителем среди черемисского населения Красноуфимского уезда. Он имел с собою священную историю на луговом наречии. Для чтения его восточным черемисам только пришлось в книжке карандашом надписать окончание множественного числа, которым главным образом отличается восточное наречие от лугового да еще два-три слова» (2, с. 324). Впервые слова восточных марийцев были проиллюстрированы в работе «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775), например: *минь* 'я' (с. 48), *шорокмашъ* 'плачь' (с. 56), *саська* 'цветок' (с. 61), *пюндчжо* 'сосна' (с. 64), *ондчжемъ* 'смотрю' (с. 125), *лецъ* 'от' (с. 131). Интересно отметить, кроме всего прочего, что в ней дается сравнение слов разных диалектов, например: *мюндеръ* (вост.) и *кюпцюкъ* (й.-ол.) 'подушка' (с. 70).

Вся книгоиздательская деятельность на марийском языке во II половине XIX в. находилась в ведении братства святителя Гурия, образованного в 1867 году, и созданной при нем переводческой комиссии. Церковники издавали религиозную литературу на различных диалектах марийского языка. На горном и луговом наречии печатались книги. Оставалось в стороне восточное наречие. Миссионеры знали, что среди восточных марийцев языче-

ство было распространено широко. Один из способов борьбы с язычеством они видели в издании христианско-религиозной литературы и на их наречии (3, с.30). Так, в 1879 году были опубликованы «Краткий катехизис» и «Священная история Ветхого завета» на восточном наречии. Переводы этих книг сделаны, по-видимому, Гавриилом Яковлевым, священником-учителем черемисской школы Царевококшайского уезда (2, с. 324). В 1887 году на этом диалекте выходит букварь, который считается одним из лучших учебных пособий XIX в. Его автором, по всей вероятности, был учитель инородческого училища Иван Удюрминский, работавший долгое время среди восточных марийцев (3, с. 31). Букварь впервые совершенно точно передал марийские слова даже с точки зрения современного состояния восточного наречия, например: *минь муам* 'я найду'; *пасеш киндым Юмо шочыкта* 'в поле хлеба растут от Бога'. В книге приводятся параллели отдельных слов восточного диалекта и лугового наречия: *пагыт* (*жап*) 'время', *кожлаште* (*чодраште*) 'в лесу' (3, с.31). Изданием учебных пособий для восточных марийцев занимались просветители - восточные марийцы П.П. Ерусланов, П.П. Глезденев, В.М. Васильев и Г.Г. Кармазин. «Первая учебная книжка для совместного обучения черемис и русских» (1892) П.П. Ерусланова была предназначена учащимся марийских и русско-марийских школ Уфимского края. В 1907 году В.М. Васильев и П.П. Глезденев издали книги под названиями «Тӱналтыш марла книга» и «Вэсь марла книга», а в 1908 году была опубликована их книга «Марла чот (шот)» на восточном наречии. Г.Г. Кармазину и В.М. Васильеву принадлежит авторство издания «Наглядный черемисский букварь и первая книга для чтения на восточном наречии» (1914). П.П. Ерусланов более 10 лет собирал материалы по восточному диалекту, и в 1896 году им была написана рукопись под названием «Черемисско-русский словарь восточного наречия», содержащая исключительно богатый материал. Эта работа хранится в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения Российской Академии наук (разряд II, опись 5, ед. хран. № 3). В Марийском научно-исследовательском институте им. В.М. Васильева имеется микрофильм этого словаря. А.Т. Аптриев собранный им материал издал отдельной книгой «Сборник черемисских песен, записанных в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905-1907 гг.» (1908). До революции 1917 года было опубликовано на восточном наречии марийского языка около 50 книг.

Исследованием марийских диалектов занимались также зарубежные ученые. Известный эстонский ученый М. Веске написал работу «Исследования о наречиях черемисского языка» (4), где наряду с другими говорами характеризует язык малмыжских, елабужских, уржумских и уфимских марийцев. Он довольно точно передал фонетические особенности марийского

языка и впервые указал на наличие в восточном наречии гласной гармонии. Его работа представляет собой первое исследование по фонетике диалектов марийского языка.

В конце XIX в. к изучению марийских диалектов приступили финны. Финно-угорское общество, созданное в Хельсинки в 1883 г., организовывало длительные поездки ученых в Россию для записи диалектологических текстов непосредственно от носителей языка. В числе первых объектов их исследований оказалось восточное наречие. Так, в 1887- 1888 гг. у восточных марийцев побывал А. Генец. Собранный материал он издал отдельной книгой, названной «Ost-tscheremissische Sprachstudien» (5). В работе представлены сказки, загадки, заговоры, языческие молитвы, песни, частушки с переводами на немецкий язык. Материалы собраны им в д. Нижний Потам (по современному административному делению она относится к Ачитскому району Свердловской области). В 1900 г. Х. Паасонен посетил Бирский уезд (ныне Мишкинский район). Собранный им материал издан двумя книгами: «Tscheremissische Texte» (6) и «Ost-tscheremissisches Wörterbuch» (7). В книге Ю. Вихмана «Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichniss und grammati-kalichem Abriss» (8) представлены тексты по уржумскому и малмыжскому говорам. Кроме того, в книге помещены народные песни, записанные со слов известного марийского ученого Г.Г. Кармазина, носителя бирского говора. К этой же серии относятся книги Э. Леви: «Tscheremissische Grammatik» (9) и «Tscheremissische Texte» (10), которые содержат материалы, собранные среди малмыжских и кильмезских марийцев.

Крупнейшим зарубежным исследователем диалектов марийского языка XX в. является венгерский ученый Э.Беке. Собранные им диалектные тексты опубликованы в 4-х томах под названием «Mari szövegek». Из них II, III и IV тома представляют материалы по уржумскому, малмыжскому, бирскому и кунгурскому говорам (11). Кроме того, Э. Беке принадлежит собрание фольклорных текстов «Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen» (12).

После революции 1917 г. значительная работа по изучению восточного наречия была проделана марийскими учеными В.М. Васильевым и Г.Г. Кармазиным. В «Записках по грамматике языка народа мари» (13) и в «Элементарной грамматике марийского языка» (14) В.М. Васильевым отмечены общие черты лугового и восточного наречий. Большую ценность представляет его свод марийской диалектной лексики, вышедший из печати в 1928 г. под названием «Марий мутэр» (15). Словарь содержит более 12 тысяч словарных статей, в числе которых немало слов из восточного наречия. В «Сборнике статей по марийскому языку» Г.Г. Кармазин впервые рассматривает природу ударения восточного и лугового наречий (16).

После открытия Марийского научно-исследовательского института стали организовываться фольклорные и диалектологические экспедиции в места компактного проживания марийцев. Так, один из отрядов I лингвистической экспедиции посетил марийские населенные пункты Республики Татарстан и Кировской области. В.А. Мухин в «Предварительном отчете о работе марийской лингвистической экспедиции ВЦКНА и МарНИИ 1934 г.» выделил 12 языковых характеристик различения говоров лугового и восточного наречий марийского языка. При этом он учитывает фонетические, грамматические и лексические особенности говоров данных наречий (17, с. 125). В 1935 г. II лингвистическая экспедиция по марийскому языку была направлена к марийцам, проживающим в Республике Башкортостан и на Урале. Исследования велись под руководством научного сотрудника Марийского научно-исследовательского института И.И. Капитонова. В статье «Особенности языка восточных мари» (18) он представил фонетические, морфологические и синтаксические особенности восточного наречия. Несмотря на то, что в работе имеются некоторые неточности в определении синтаксических особенностей указанного диалекта, она ценна тем, что является началом научного исследования синтаксических особенностей наречий марийского языка. В 1939 г. Марийским научно-исследовательским институтом была организована следующая экспедиция к восточным марийцам под научным руководством К.Ф. Смирнова. Она охватила Бирский, Мишкинский и Калтасинский районы Республики Башкортостан. Экспедиция указывает на наличие в изучаемом наречии аффрикат, редуцированных звуков и переднерядней фонемы *ä*. В области морфологии исследовались личные местоимения, формы глаголов, показатели множественности имен и некоторые имена числительные (19, с. 111-117). В 1953 г. аспирантка Тартуского государственного университета Л.П. Васикова проводила работу в Шаранском, Мишкинском и Калтасинском районах Республики Башкортостан и отметила некоторые особенности в произношении и употреблении слов белебеевского, бирского и калтасинского говоров восточного наречия (20, с. 229-236). Н.Т. Пенгитов в работе «Итоги марийской диалектологической экспедиции МарНИИ 1957 г.» указал основные особенности уржумского и сардаяльско-арборского говоров (21, с. 177-178).

В качестве примеров немало фактов из восточного наречия марийского языка приведены в работе М.П. Чхаидзе «Синтаксис лугово-восточного марийского языка» (22).

С 60-х гг. работа по изучению марийских диалектов принимает организованный и планомерный характер. К этому важному делу привлекаются не только сотрудники Марийского научно-исследовательского института, но и преподаватели, студенты Марийского государственного педагогического

института им. Н.К. Крупской. С открытием Марийского государственного университета в 1971 г. под руководством специалистов-преподавателей студенты ежегодно проходят полевую учебную практику, как по диалектологии, так и марийскому фольклору, во время которой они занимаются сбором фактического материала, в том числе материала по восточному наречию. До настоящего времени в научных фондах Марийского научно-исследовательского института им. В.М. Васильева, Марийского государственного университета, Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской хранятся материалы более 80 диалектологических экспедиций, организованных в разные районы проживания восточных марийцев.

Работы по изучению восточного наречия марийского языка выполнены Ю.В. Андугановым (23, 24), С.И. Апсатаровой (25, 26, 27, 28, 29), Л.Ш. Арслановым (30, 31, 32, 33,34), В.И. Вершининым (35, 36, 37, 38), И.С. Галкиным (39, 40), Ф.И. Гордеевым (41), Л.П. Грузовым (42, 43, 44, 45, 46), П.Е. Емельяновым (47), Н.И. Исанбаевым (48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62), Д.Е. Казанцевым (63, 64), М.М. Калямшиным (65), Е.И. Коведяевой (66, 67, 68, 69), А.Н. Куклиным (70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78), Н.Т. Пенгитовым (21, 79), Б.А. Серебренниковым (80), З.В. Учаевым (20, 81, 82, 83, 84) и другими. Наиболее подробное освещение получили следующие говоры данного наречия: малмыжский (83), красноуфимский (76), кунгурский (69), мишкинский (29). Готовится кандидатская диссертация аспиранткой кафедры финно-угорских языков Марийского государственного университета А.А.Илиевой по лексической и фонетической характеристике балтачевского говора. Научные обобщения имеются по следующим говорам: елабужскому (31, 34, 35, 36, 37, 38), мензелинскому (49, 65), белебеевскому (30, 58, 60), прибельскому (55), кукморскому (36,37,38), калтасинскому (47,50,51), сардаяльско-арборскому (21, 42) и балтачевскому (85). Имеются несколько серьезных работ Н.И.Исанбаева по изучению марийских говоров Республики Башкортостан (52,53,57).

Таким образом, на наш взгляд, историю изучения восточного наречия можно делить на 3 этапа: 1) дореволюционный (1775-1917), когда осуществлялись переводы религиозных текстов с русского языка, отдельные слова, тексты, описание фонетических и лексических закономерностей восточного диалекта составляли главное содержание книг, опубликованных в этот период; 2) послереволюционный (довоенный) (1917-1941), который характеризовался активизацией изучения и описания особенностей лугового и восточного наречий, что главным образом было связано с проблемой выработки норм марийского литературного языка, когда издавались статьи, которые носили характер краткого отчета о диалектологической экспедиции к

восточным мари; 3) послевоенный (с 1953 г. по настоящее время), когда исследования принимали форму монографических описаний, серьезных научных обобщений по отдельным вопросам восточного наречия марийского языка.

Следует отметить, что фонетика, морфология, лексика говоров восточного наречия нашли значительное место в исследовательской литературе. Однако его синтаксис, несмотря на наличие определенных замечаний по нему, до сих пор не был объектом специального исследования. Изучение синтаксиса восточного наречия, как и синтаксического строя других наречий марийского языка, остается неотложной задачей марийского языкознания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Йошкар-Ола, 1989.
2. Приложения к отчету братства св. Гурия. Записка Н.И. Ильминского о переводческой комиссии // Известия по Казанской епархии. Казань, 1877, № 12.
3. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.
4. *Веске М.П.* Исследования о наречиях черемисского языка. Казань, 1889.
5. *Genetz A.* Ost-tscheremissische Sprachstudien // MSFOu, B. VII. Helsinki, 1889.
6. *Paasonen H.* Tscheremissische Texte. Helsinki, 1939.
7. *Paasonen H.* Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
8. *Wichmann V.* Tscheremissische Texte mit Wörterzeichniss und grammatikalichem Abriss. Helsinki, 1923.
9. *Levi E.* Tscheremissische Grammatik, Haessel, Verlag. Leipzig, 1922.
10. *Levi E.* Tscheremissische Texte. Hannover, 1926.
11. *Beke Ö.* Mari szövegek. Budapest, H. I, 1957, H.II,III,IV, 1961.
12. *Beke Ö.* Tscheremissische Märchen, Sagen und Erxählungen. Helsinki, 1938.
13. *Васильев В.М.* Записки по грамматике народа мари. Материалы для этимологии и синтаксиса. 2-ое изд. Казань, 1919.
14. *Васильев В.М.* Элементарная грамматика марийского языка. Краснококшайск, 1927.
15. *Васильев В.М.* Марий мутэр (сравнительный словарь наречий марийского языка). М., 1928.
16. *Кармазин Г.Г.* Сборник статей по марийскому языку. Йошкар-Ола, 1936.
17. *Мухин В.А.* Предварительный отчет о работе марийской лингвистической экспедиции ВЦКНА и МарНИИ 1934 г. // МАО. 1934, № 10-12.
18. *Каитонов И.И.* Особенности языка восточных мари // МАО. 1936, № 3.
19. *Андреев И.Ф., Смирнов К.Ф., Соловьев Д.* Итоги работы языковой группы экспедиции МарНИИСК // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1939.
20. *Учаев З.В.* Краткие итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1953 г. // Ученые записки МарНИИ. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1954.
21. *Пенгитов Н.Т.* Итоги марийской диалектологической экспедиции МарНИИ // Труды МарНИИ. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1960.
22. *Чхаидзе М.П.* Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М., 1941.
23. *Андуганов Ю.В.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. 1. Йошкар-Ола, 1991.
24. *Андуганов Ю.В., Александрова Л.Я.* Некоторые синтаксические особенности в сфере

словосочетания восточного наречия марийского языка // Тезисы докладов международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола, 1996.

25. *Апсатарова С.И.* Из истории изучения мишкинского говора марийского языка // Тезисы докладов Международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков». Йошкар-Ола, 1996.

26. *Апсатарова С.И.* Учет диалектных особенностей в преподавании родного языка (на материале мишкинского говора) // Психолого-педагогические проблемы совершенствования систем повышения квалификации (Материалы научно-практической конференции сотрудников МИО по итогам НИР за 1996 г.). Йошкар-Ола, 1997.

27. *Апсатарова С.И.* Работа с лингвокраеведческим материалом при обучении родному языку в школе (на материале мишкинского говора) // Марийское краеведение: опыт работы и перспективы его использования в школе (по итогам материала конференции 1997 г.). Йошкар-Ола, 1998.

28. *Апсатарова С.И.* Употребление форм множественности в мишкинском говоре марийского языка // Linguistica Uralica. 1998, № 1.

29. *Апсатарова С.И.* Мишкинский говор в системе диалектов марийского языка: Канд. дисс. Йошкар-Ола, 1999.

30. *Арсланов Л.Ш.* К вопросу о происхождении заднеязычных *к, г* у татароязычных марийцев д. Нарат-Чукур Бакалинского района БАССР // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974.

31. *Арсланов Л.* Марийский пласт в топонимии Елабужского района ТАССР // СФУ, 1987, № 2.

32. *Арсланов Л.Ш.* Топонимия финно-угорского происхождения в районах Западного и Восточного Закамья Татарской АССР // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1987.

33. *Арсланов Л.Ш.* Марийский пласт в топонимии Мамадышского района Татарской АССР // Вопросы марийской ономастики. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1990.

34. *Арсланов Л.Ш.* Финно-угорский пласт в топонимии Агрызского района Татарстана // Вопросы марийской ономастики. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1993.

35. *Вершинин В.И.* Этюды по фонетике елабужского говора // Вопросы марийской диалектологии. Труды, вып. 49. Йошкар-Ола, 1981.

36. *Вершинин В.И.* О происхождении прикамских мари по данным языка // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984-1985 гг. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986.

37. *Вершинин В.И.* Русские заимствования в прикамских говорах марийского языка // СФУ. 1988, № 3.

38. *Вершинин В.И.* Чувашские заимствования в прикамских говорах марийского языка // Fenno-ugristika. 16. Tartu, 1990.

39. *Галкин И.С.* Краткие итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1959 г. // Труды МарНИИ. Вып. 15. Йошкар-Ола, 1961.

40. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола, 1964. Ч. II. Йошкар-Ола,1966.

41. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. I. (А-Б), Йошкар-Ола, 1979, Т. II. (В-Д), Йошкар-Ола, 1983.

42. *Грузов Л.П.* О составе фонем сардаяльско-арборского говора // Труды МарНИИ. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1960.

43. *Грузов Л.П.* Следы финно-угорских аффрикат в диалектах марийского языка // СФУ. 1965, № 4.

44. *Грузов Л.П.* Диалекты и проблема происхождения марийцев (К научной сессии по этногенезу марийского народа) // Марийская правда, 1965, 21 декабря.

45. *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в связи с проблемой происхождения марийцев // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

46. *Грузов Л.П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969.

47. *Емельянов П.Е.* Башкирский АССР Калтасинский районын калмашевский говорышто *а* ден *ӹ* гласный йӱк-влакын кучылталтмышт // Сборник студенческих научных работ МГПИ им. Н.К. Крупской. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1962.

48. *Исанбаев Н.И.* Говор елабужских мари // Вопросы диалектологии и истории марийского языка. Йошкар-Ола, 1964.

49. *Исанбаев Н.И.* Из наблюдений над фонетикой говора мензелинских мари // Вопросы марийского языка. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1964.

50. *Исанбаев Н.И.* О происхождении гласного переднего ряда *ӹ* в калтасинском говоре марийского языка // Материалы Всесоюзного совещания по вопросам финно-угорской филологии. Петрозаводск, 1964.

51. *Исанбаев Н.И.* Фонетика русских заимствований в калтасинском говоре марийского языка // Тезисы докладов научной конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1966 г. Йошкар-Ола, 1967.

52. *Исанбаев Н.И.* Из истории лексики марийских говоров Башкирии // Вопросы финно-угроведения. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1970.

53. *Исанбаев Н.И.* Влияние татарского языка на падежную систему восточномарийских говоров // СФУ. 1978, № 4.

54. *Исанбаев Н.И.* Татарские термины родства в диалектах марийского языка // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978.

55. *Исанбаев Н.И* Некоторые фонетические особенности прибельского говора марийского языка // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1979.

56. *Исанбаев Н.И.* Структурно-словообразовательный анализ татарских заимствований в диалектах марийского языка (глагол) // Вопросы марийского языка: Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола, 1979.

57. *Исанбаев Н.И.* Особенности категорий множественности имен существительных в восточномарийских говорах // Вопросы грамматики и лексикологии. Вып. 43. Йошкар-Ола, 1980.

58. *Исанбаев Н.И.* Лексические особенности белебеевского говора // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола. 1986.

59. *Исанбаев Н.И.* Межэтнические связи восточных марийцев по данным языка // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984-1985 гг.: Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986.

60. *Исанбаев Н.И.* Вокализм белебеевского говора // Материалы и исследования по марийской диалектологии. Йошкар-Ола, 1987.

61. *Исанбаев Н.И.* К истории марийско-татарских языковых контактов // Fenno-ugristika. № 14. Tartu, 1987.

62. *Исанбаев Н.И.* Башкирские заимствования в марийском языке и проблема отграниченности их от татаризмов // СФУ. 1988, № 3.

63. *Казанцев Д.Е.* Формирование диалектов марийского языка. Йошкар-Ола, 1985.

64. *Казанцев Д.Е.* Историческая диалектология марийского языка (образование диалектов и описание их фонетики). Автореф. дисс. докт. филол. наук. Тарту, 1989.

65. *Калямшин М.М.* Ботаническая терминология в мензелинском говоре марийского языка // Вопросы марийской диалектологии. Вып. 49. Йошкар-Ола, 1981.

66. *Ковеляева Е.И.* Лугово-восточный язык // Языки народов СССР. Т. III. 1966.

67. *Ковеляева Е.И.* Суффикс *-len* в кунгурском говоре восточного наречия марийского языка // СФУ. Вып. 8. № 1. 1972.

68. *Ковеляева Е.И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Марийский язык /Отв. ред. *А.П. Феоктистов.* АНСССР, Институт языкознания. М, 1987.

69. *Ковеляева Е.И.* Кунгурский (пермский) диалект марийского языка // Унифицированное описание диалектов уральских языков. Вып. 12. Ч. 2. Москва-Гамбург, 1991.

70. *Куклин А.Н.* Из истории изучения красноуфимского говора марийского языка // Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола, 1979.

71. *Куклин А.Н.* Гласный *а* в красноуфимском говоре марийского языка // СФУ. № 3, 1979.

72. *Куклин А.Н.* О некоторых названиях болезней в марийском языке (на материале красноуфимского говора) // Вопросы марийского языка: Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола, 1979.

73. *Куклин А.Н.* К этимологии некоторых диалектных слов // Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола, 1980.

74. *Куклин А.Н.* Глухие щелевые согласные красноуфимского говора // Вопросы марийской диалектологии. Вып. 49. Йошкар-Ола, 1981.

75. *Куклин А.Н.* Звонкие щелевые согласные красноуфимского говора // Вопросы марийской диалектологии. Вып. 49. 1981.

76. *Куклин А.Н.* Фонетика красноуфимского говора марийского языка: Автореф. дисс. ... кандид. филол. наук. Тарту, 1983.

77. *Куклин А.Н.* Гласный *е* в красноуфимском говоре марийского языка // Fenno-ugristica. 13. Tartu, 1986.

78. *Куклин А.Н.* Сонанты красноуфимского говора // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола,1986.

79. *Пенгитов Н.Т.* Основные диалекты марийского языка // Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960.

80. *Серебренников Б.А.* О некоторых закономерностях употребления сокращенной и полной формы направительного падежа в лугово-восточном диалекте марийского языка // Вопросы диалектологии и истории марийского языка. Йошкар-Ола, 1964.

81. *Учаев З.В.* Гласные фонемы малмыжского диалекта марийского языка // Вопросы диалектологии и истории марийского языка. Йошкар-Ола, 1964.

82. *Учаев З.В.* Гласные *i,ə̂* в кильмезском говоре марийского языка // СФУ. 1966, № 4.

83. *Учаев З.В.* Малмыжский диалект марийского языка: Автореф. дисс. кандид. филол. наук. Тарту, 1969.

84. *Учаев З.В.* Согласные *s, s'* и *š* в малмыжском диалекте марийского языка // СФУ. Вып. 12. 1971, № 2.

85. *Илиева А.А.* Заимствованная лексика в балтачевском говоре восточного диалекта марийского языка // Финно-угристика на пороге III тысячелетия. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Саранск, 2000.

Сокращения

й.-ол. - йошкар-олинский говор лугового наречия марийского языка; *вост.* - восточное наречие марийского языка; ВЦКНА - Вопросы Центрального Комитета Нового Алфавита; MSFOu - Mémories de la Société Fenno-ougriene; СФУ - Советское финно-угроведение.

Ludmila Grigoryeva

STAGES IN STUDYING THE EASTERN DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

In Mari linguistics the eastern dialect was singled out as a dialectal variety by N.I. Ilminsky in 70 tis of the XIX century. First the words of the eastern Maris were introduced in "Сочиненія принадлежащія къ грамматикъ черемискаго языка" ("Works on Grammar of the Cheremis Language") (1775). The history of the eastern dialect study can be divided into 3 stages: 1) pre-revolutionary (1775-1917) when about 50 books were published, which mainly contained translate works of the Russian religious texts, separate words, texts, description of phonetic and lexical conformities of the eastern dialect; 2) post-revolutionary (pre-war) (1917-1941) when the research was held by foreign scientists M. Veske, A. Genetz, H. Paasonen, Y. Wiehmann, E. Levi and O. Beke, many works of V. M. Vailiev and G.G. Karamzin were devoted to the peculiarities of the Lowland and the eastern dialects what was mainly connected with the problem of working out the norms of the Mari literary language, articles were published which represented brief reports on dialectological expedition to the eastern Maris; 3) post-war (since 1953 up to the present time) when research works were of monographic description, grave scientific summaries on some questions of the eastern dialect of the Mari language. Such research works were done by Y.V. Anduganov, S.I. Apsatarova, L.S. Arslanov, V.I. Vershinin, I.S. Galkin,. F.I. Gordeev, L.P. Grusov, P.E. Emelianov, N.I. Isanbaev, D.E. Kazantsev, M.M. Kalamshin, E.I. Kovediaeva, A.N. Kuklin, N.T. Pengitov, B.A. Serebrennikov, Z.V. Uchaev and others. It should be mentioned that there are quite many works on phonetics, morphology and lexicology of the eastern dialects while syntax is not studied thoroughly.

"Финно-угроведение". 2000, № 2.

СООБЩЕНИЯ

Вячеслав Аксенов
Саранск

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БАССЕЙНАХ МОКШИ И ВАДА В VIII-XI вв.

Временем формирования мордовской культуры являются первые века нашей эры. На смену ранее известным городецким городищам и селищам появляются грунтовые могильники. Материал этих памятников позволяет проследить развитие мордовских племен вплоть до позднего средневековья.

Определение этнической принадлежности жителей, обитавших на территории среднего течения рек Мокша и Вад в VII–X вв., сводится к решению ряда задач. Попытаемся определить, к какой этнической группе принадлежит население, оставившее археологические памятники этого региона.

Сложность изучения вопроса об этнической истории края заключается в том, что самые первые письменные источники о мордве, а в частности о мокше дают очень скудные сведения.

Этноним *морденс* в исторической литературе впервые встречается с середины VI века в труде готского историка Иордана, где среди других племен упоминается и мордва. Иордан располагает её между реками Окой и Волгой, до верхнего течения Хопра (1, с. 21).

В X веке в сведениях Константина Багрянородного мы имеем совершенно четкие данные о некоторых славянских и окружающих их племенах, среди которых упоминается и племя Мордия. Это, несомненно, точное название мордвы.

В X–XIII вв. и последующее время очень часто мордва как название народа встречается в Русских летописях. Например, в "Повести временных лет" мордва упоминается четыре раза, трижды – в обширной вводной или недатированной части и один раз – в датированной (1103 год) (2, с. 226).

В летописях находим материал, определяющий территории мордвы "...на Белоозере седять Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же, а по Оце реце, где потече Волгу же Мурома язык свой, и Черемисы свой язык, Мордва свой язык" (3, с. 10, 11).

Если летописные данные о мордве дают некоторые сведения о территории, хозяйстве, поселениях и жилищах, общественных отношениях, то совершенно отсутствуют сведения о делении мордвы на эрзю и мокшу.

Отдельные упоминания об этнических группах эрзи и мокши даются в трудах Иосифа и Джозефа Барбаро (1, с. 24, 25, 182, 183), Гильома Рубрука (4, с. 98-111).

Отсутствие палеоантропологического материала с этой территории затрудняет выявление антропологических различий между мокшей и эрзей в VII–XI вв. Антропологические исследования позволяют выделить группы мордвы с большей или меньшей степенью выраженности признаков монголоидной расы. У мордвы-мокши на территории западной Мордовии по сравнению с эрзей более темная пигментация, сравнительно низкий рост, более долихокефальная голова. Узкое лицо является признаком монголоидной расы. Этот комплекс признаков следует отнести к урало–лапоноидной группе типов или уральской расе (5, с. 31).

Мордва – эрзя на востоке Мордовской АССР отличаются светлой пигментацией глаз и волос. Это позволяет отнести их к типу северных европеоидов (5, с. 32).

Приводя палеоантропологический материал из ряда мордовских могильников VIII–X; X–XVII вв. и материалы современного палеоантропологического исследования мордвы, К. Ю. Марк приходит к выводу, что среди мордовских племен конца I - начала II тысячелетия н.э. встречаются те же антропологические типы, что и в настоящее время (5, с. 35).

При изучении этнической истории мордвы большое значение имеют и этнографические данные. Здесь, прежде всего, следует отметить материалы этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР и Мордовского научно–исследовательского института в 1953–1969 годах, данные которой легли в основу работы, где рассмотрены некоторые вопросы этнической истории мордвы (6).

Вопросы этнической истории и религиозные верования мордвы исследуются в работах Н.Ф. Мокшина (7)

Особое место в изучении этнической истории мордвы занимают данные археологии. Исследования большого количества памятников, расположенных в нижнем течении Суры, на Мокше, Цне и Ваде, явилось началом систематического изучения истоков древнемокшанской культуры. Ее истоками, как полагает ряд исследователей, являются памятники пензенского

течения Суры III–IV веков. В это время здесь появляются памятники Ражкинского и Селиксенского типов. По мнению В.И. Вихляева, ранние погребения Селиксенского и древние захоронения Ражкинского могильника, как по вещевому материалу, так и по погребальному обряду отличаются друг от друга. В захоронениях Ражкинского могильника отсутствуют височные привески с грузиком, которые характерны для Старшего Селиксенского могильника. В Ражкинском могильнике покойников хоронили головой на север или восток, а в Старшем Селиксенском могильнике головой на запад. Некоторые различия имеются и в деталях погребального обряда этих памятников. Эти данные позволили автору предположить, что на этой территории существовали две группы погребений – Ражкинская и Селиксенская. Древнейшая группа ражкинских погребений обнаруживает много общего с захоронениями Кошибеевского типа (8, с. 59, 60).

Автор отрицает прямую генетическую связь между ражкинскими и селиксенскими погребениями, но указывает на близость их культур (8, с. 59). Подобное явление можно объяснить лишь наличием этнической близости населения, оставившего могильники ражкинского и селиксенского типов.

В IV веке на этой территории появляются памятники Селикса–Трофимовского типа. Как отмечают исследователи этих могильников, вещевой материал ранних погребений отличается от селиксенского типа (8, с. 62). По времени появление этих памятников на территории Посурья совпадает с началом "великого переселения народов".

По вопросу о появлении новых памятников на этой территории заслуживает внимания мнение М.Р. Полесских, считающего, что пришельцами явились поздние кошибеевские племена с их северо-восточной ориентировкой, выходцы с низовья рек Мокши и Средней Оки (9, с. 276). Этнический контакт кошибеевского и местного населения лег в основу появления памятников армиевского типа. Это смешение привело к тому, что в V веке на территории древней мордвы появляются памятники, которые по погребальному инвентарю становятся едиными. Это северная и южная группа мордовских памятников. Эти группы различаются только ориентировкой покойников. У южной мордвы покойники ориентированы головой на юг, у северной мордвы покойники лежат головой на север (10, с. 21). По этому признаку они и делятся на эрзянские и мокшанские могильники.

В этническом плане принадлежность могильников селиксенского и армиевского типов к древней мордве всеми исследователями общепризнана. Первоисследователь Армиевского могильника П.С. Рыков обратил внимание на своеобразие погребального обряда этого памятника и определил принадлежность его к мордовскому племени. "Будучи в основе финским,

точнее древнемокшанским, что утверждать мы имеем несомненное право на основании исторических сведений..." (10, с. 40).

К мокшанскому этносу относит Армиевский могильник и М.Р. Полесских. Он писал, что мокшанский этнос этого могильника легко проследить, в том числе ретроспективно, начиная с XIII века. Достаточно с этой целью указать на южную ориентировку умерших, на поразительную стойкость всех типов женских украшений (9, с. 53).

Таким образом, истоками древнемокшанского этноса является селиксенская культура III–IV веков, которая в свою очередь явилась основой формирования армиевской культуры. Принадлежность Армиевского могильника к мокшанскому этносу в настоящее время доказана.

К концу VII века Армиевский могильник перестает функционировать. Однако, в это время появляются памятники VII–XI вв., в бассейнах рек Цны, Мокши, Вада. Передвижение армиевского населения на запад и северо-запад связано не только с дальнейшим развитием производительных сил, но и внешними причинами. В VII веке на юге складывается Хазарское государство. Под давлением хазар, а также, возможно, булгар, часть южно - мордовского населения покидает бассейн верхней Суры и переселяется на новые места.

Это переселение ярко прослеживается на материалах Старобадиковского, Журавкинского, у посёлка Заря, Краснослободского ("Мещанский лес") могильников. Генетическая связь Армиевского населения с населением средней части реки Вад бесспорна. Эта связь наиболее отражена в погребальном обряде и вещевом материале указанных могильников.

Основу погребального обряда этих памятников составляет трупоположение без гробов, с лежащими вытянуто на спине покойниками. В женских захоронениях руки сложены на груди или на животе, или вытянуты вдоль туловища в мужских погребениях. Женские могилы в отличие от мужских выделяются наличием в них горшков. В засыпке встречались угли, обломки керамики, кости животных и птицы. На дне во всех могилах встречались остатки лубяной подстилки. Для памятников этой территории характерны: ориентировка умерших головой на юг с небольшим отклонением на запад или на восток, подавляющее преобладание трупоположения над трупосожжением, наличие в богатых мужских могилах женских вещей (дарственного комплекса). Эти черты погребального ритуала отмечены для поздних захоронений Армиевского могильника (9, с. 6).

Автор раскопок могильника у посёлка Заря М.Ф. Жиганов, анализируя погребальный обряд, отмечал, что по ориентировке головой на юг этот памятник сходен с могильниками армиевского, лядинского типов, относящихся к мордве-мокше (11, с. 161).

Одинаков и погребальный инвентарь. Почти во всех женских могилах встречаются височные привески с бипирамидальным грузиком на одном конце и спиралькой в несколько витков на другом. Она зародилась, по мнению М.Р. Полесских, в младшей переходной группе Ражкинского могильника (12, с. 180). В дальнейшем, как уже было сказано выше, эволюция этой формы шла по пути удлинения самого грузика и увеличения числа витков спирали. Это украшение становится в течение длительного времени этническим показателем мордвы-мокши. Височные привески характерны для Армиевского могильника (9, с. 13) . Они преобладают в памятниках VIII–XI вв., расположенных на Цне (13, табл. 8, рис. 1; 60, табл. XIV, рис. 1).

Много общего между этими памятниками и в наборе других украшений, например, встречаются идентичные дисковидные бляхи с прорезями и шестиугольной крышечкой, гривны с коробочкой с напускными бусинами, браслеты с расплющенными концами и др.

Сравнивая погребальный обряд и погребальный инвентарь Армиевского могильника и памятников среднего течения реки Вад, можно сделать вывод о том, что эти могильники оставлены одной этнической группой: мордвой-мокшей. В памятниках, расположенных в бассейне среднего течения Цны, преобладает юго-восточная ориентировка погребенных и трупоположение над трупосожжением. Идентичными являются конструкции могильных сооружений, набор погребального инвентаря и его расположение в могилах. Широко бытуют в захоронениях височные привески с грузиками и спиралькой на концах, нагрудные бляхи, браслеты, украшения обуви и головного убора. Сравнивая вещевой материал и погребальный обряд Средневадских и Среднецнинских могильников, следует отметить, что в VII–XI вв. в бассейнах рек Мокши, Вада, Цны проживала однородная группа мордвы-мокши. Позднее этим населением были оставлены могильники у сёл Ефаево, Калиновка, Кельгинино и др., расположенные на территории современной Мордовии.

Касаясь этнокультурной принадлежности памятников, следует отметить, что основными этномаркирующими признаками являются погребальный обряд и инвентарь. Для данных могильников характерными являются следующие признаки: одинаковое расположение могильников на небольших возвышенностях у левого берега рек; групповое расположение погребений на могильниках и наличие родовых кострищ; преобладание трупоположения над трупосожжением. Трупосожжение составляет в среднем 15-16 %; наличие лубяной и войлочной подстилки на дне могил, а также деревянных плашек; преобладание южной с небольшими отклонениями на запад или восток ориентировки покойников; наличие в засыпке погребений и на

площади могильников остатков поминального обряда в виде костей животных, птицы, битой керамики (для этих памятников характерным является единый погребальный инвентарь).

Погребальный инвентарь также имеет большое сходство с материалами Армиевского могильника. Можно предположить, что генезис памятников армиевского типа в более позднее время, а именно в конце VII–XI вв., прослеживается по материалам могильников у пос. Заря, колхоза "Красный Восток", Краснослободского, 2 Журавкинского, 2 Старобадиковского, Пановского, Елизавет–Михайловского, Крюковско–Кужновского, Лядинского, Темниковского и др., которые находились в Мокшанско–Вадском и Средне-Цнинском бассейнах. Появившиеся на этой территории могильники имеют полную аналогию как по погребальному обряду, так и инвентарю с памятниками, расположенными в бассейне среднего течения реки Цны. Общим для них является южная с небольшими отклонениями на запад и восток ориентировка покойников, преобладание трупоположения над трупосожжениями, конструкции могильных сооружений, расположения погребального инвентаря в могилах. Однородным является и погребальный инвентарь. Широко бытуют в захоронениях вышеописанных могильников налобные венчики, накосники и теменные шнуры, височные подвески с пирамидальным грузиком и спиралькой, лопастные, звездчатые, крестовидные подвески, а также нагрудные бляхи и застежки. Сопоставляя материалы 2 Старобадиковского и 2 Журавкинского могильников с памятниками, расположенными в среднем течении Цны, следует отметить лишь разницу в количестве привозного инвентаря. В цнинских могильниках чаще, чем на этой территории, встречаются изделия аланских мастеров. Подобное явление можно объяснить близостью территории алан Подонья. Хотя не обязательно все изделия аланских типов считать привозными. Очень многие изделия по южным образцам изготовлялись на месте.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т.1. Саранск, 1940.
2. *Дербенева А.М.* Этнографические сведения о мордве в русских летописях в XII-XIV вв. // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45. Саранск, 1974.
3. Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Л., 1925.
4. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
5. *Марк К.Ю.* Этногенез мордовского народа по данным антропологии // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1976.
6. Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960.
7. *Мокшин Н.Ф.* Этническая история мордвы. Саранск, 1977.
8. *Вихляев В.И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977
9. *Полесских М.Р.* Армиевский могильник // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63. Саранск, 1979.
10. *Рыков П.С.* Культура древних финнов в бассейне р. Узы. Саратов, 1930.

11. *Жиганов М.Ф.* Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша // *Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д.* Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
12. *Полесских М.Р.* Пензенские могильники мордвы IV-V вв. // СА. 1962. № 4.
13. Материальная культура средне-цнинской мордвы. Саранск, 1969.

Viacheslav Aksenov

ETHNIC PROCESSES IN THE BASIN OF THE MOKSHA AND THE VADA IN 8-11 CENTURIES

Ethnic groups of Erzya and Moksha are mentioned in some works of Iosif and Gosef Barbaro, Giliom Rubruk.

In the 3-4 centuries the monuments of Razhkino and Seliksa types appeared on the territory along the Sura and the Moksha. There are some differences, which are mainly in details of funeral rites of the monuments. The ancient group of Razhkino graveyards has much in common with those of Koshibeevo type. V. I. Vikhlyaev denies the straight genetic tie between Razhkino and Seliksa graveyards, but he points out the closeness of the cultures. Later the Seliksa culture grew into the Armiyovo one and the latter in its turn became the basis for the formation of the culture of the Mordvinians – Moksha in the basins of the Tsna, the Moksha and the Vada .

According to the peculiarities of the funeral rites graveyards of the 8-11centuries are divided into those of Erzya and Moksha. One of the peculiarities is in the position of a dead body. At the same time some elements of the rite are common both for Erzya and Moksha.

Graveyards of the 8-11 centuries in the basins of the Tsna, the Moksha and the Vada belong to one and the same ethnic group of the Morvinians – Moksha.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Валентина Соловар, Людмила Спирякова
Ханты-Мансийск

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На материале обско-угорских языков данная тема рассматривалась лишь в нескольких небольших по объему статьях, которые являются составляющими главами учебников по мансийскому и хантыйскому языкам (1; 2). Для анализа мы привлекаем материалы казымского и шурышкарского диалектов хантыйского языка. В данной работе мы рассмотрим разряды распределительных, приблизительных, неопределенно-количественных (нечисловых) и собирательных числительных, способы образования этих числительных, приведем некоторые примеры сочетаемости числительных с другими словами.

Распределительные числительные

К распределительным числительным мы относим числительные, обозначающие совокупность предметов при счете их группами, равными по количеству. Распределительные числительные образуются путем двукратного повторения одного и того же количественного числительного в местно-творительном падеже (2, с. 88-89). Они отвечают на вопросы: *муй аратн*? 'по сколько?'; *муй араттыйн* 'по сколько?'; *муй щирн*? 'как?', например: *итн-итн* 'по одному', *нялн-нялн* 'по четыре'.*

Образование распределительных числительных от числительных *кăт, кăтн* 'два' происходит несколькими способами:

---

* Помета шур. (шурышкарский диалект) в примерах дается только в случае расхождений в фонетическом облике слов казымского и шурышкарского диалектов. Отсутствие данной пометы обозначает, что различия в произношении между диалектами нет.

а) числительное *кăтн* присоединяет последовательно аффикс принадлежности *=ăң* и аффикс дательно-направительного падежа *=а*, например: *Оӆăң васэт мухты пирэсӆăт кăтң=ан=а* 'Первые утки сразу распределяются по два';

б) первое числительное *кăтн* остается без изменения, а ко второму числительному присоединяется добавочный аффикс местно-творительюго падежа *=н*, например: *Тăм ясӈăт кăтн кăт=ăн=ăн пириӆн* 'Эти слова по два распределите';

в) к первой части числительного *кăт* присоединяется аффикс двойственного числа *=ӈăн*, а ко второй части - *кăтн*, присоединяется аффикс *=ăң* и аффикс дательно-направительного падежа *=а*: *Вəнт вурӈайт кăт=ӈăн кăтн=ăң=а вəӆӆăт* 'Лесные вороны по два живут'.

В предложении распределительные числительные выступают в роли обстоятельств образа действия, например: *Нурӆ хӳват мӳӈ итн-итн шəшсӳв* 'По мосту мы по одному шли'; *Мӳӈ нялн-нялн хопăта ӆєӆсӳв* 'Мы по четыре в лодки сели'.

Приблизительные числительные

Приблизительные числительные - это числительные, которые обозначают приблизительное количество предметов, приблизительный возраст или приблизительное количество вообще. Приблизительные числительные отвечают на вопрос *муйкєм*? 'сколько приблизительно?'

Можно выделить несколько способов образования числительных приблизительного счета:

1) путем сочетания двух (реже трех) числительных, при этом числительные располагаются по возрастающей, например: *и-кат* 'один-два'; *кăт-хэӆум*, шур. *кăт-хулам* 'два-три'; *вет-хэт*, шур. *вет-хут* 'пять-шесть'; *ӆапăт-нивăл*, шур. *лапăт-нийл* 'семь-восемь'; *сот-кăтсот* 'сто-двести' и т.д. *Кăт-хэӆум ӆаӈки веӆăс* 'Двух-трех белок добыл'; шур. *Кăт-хулам хăтл рупитты питӆум* 'Два-три дня работать буду'; *Пухиеӆ ӈял-вет оӆ ӆуват* 'Сыночку ее четыре-пять лет'; шур. *Тăта сот-кăтсот мис улты питл* 'Здесь сто-двести коров находиться будет'; шур. *Вет-хут хатл манты юпийн шовар пушхат турн лэты питлат* 'После того, как пройдет пять-шесть дней, зайчата траву есть будут';

2) путем присоединения к количественным числительным аффикса *кєм* 'приблизительно, около', *веткєм* 'около пяти, приблизительно пять', *яӈкєм* 'около, приблизительно десять', *соткєм* 'около, приблизительно сто';

3) путем присоединения аффикса *=кєм* к сочетанию числительных (аффикс присоединяется ко второму числительному), например: *Мăнєм щурс кăтсот-хăдумсоткєм шойт мийдя* `Мне тысячу двести-триста приблизительно рублей дай на время`; *Яйн нивӈ-яртьяӈкєм хӯды хир тәтьӈяс* `Брат восемь-девять приблизительно мешков рыбы привозил`.

Аффикс *кєм* присоединяется ко всем числительным, начиная с числительного *кăтн*. Приведем еще примеры: *Кăтиєм хулна ай, веткєм тыӈăщ* `Котенок еще маленький, приблизительно пяти месяцев`; *Щăта па вәӈмел Помут ех, ӈыв хэтьяӈкєм вӯды тăймел* `Там еще жили, оказывается, помутские люди, у них было около шестидесяти оленей`; *Муйкєм велсăӈн, мосаӈ, хәскєм* `Сколько-то добыли, может, около двадцати`; *Ма соткєм кила воньщумут воньщсум* `Я около ста килограммов ягод собрала`; шур. *Ветьяӈкєм няврєм юлта яӈхăл* `Около пятидесяти ребят из дома ходят`. Если числительное сочетается с прилагательным *мултас* `лишний`, то аффикс **кєм** присоединяется к этому прилагательному: *Сот мултаскєм вӯды тăйс* `У него было приблизительно сто с лишним оленей`; *Яӈ мултаскєм ол щи мӯвн вэс* `Приблизительно десять с лишним лет он жил на той земле`;

4) путем сочетания количественного числительного с аффиксом *=ӈєм*, который также обозначает приблизительное количество, но присоединяется к числительным, начиная с одного. От аффикса **кєм** отличается дополнительным ограничительным оттенком. Примеры: *Идєм пэщка вӯдум* `Одну примерно (приблизительно) бочку возьму (но не больше)`; *Тэп шєӈк ищки хăтӈăтн кăтӈєм щос мăр яӈхăӈ* `Только в очень холодные дни в течение двух часов приблизительно (не больше) ходит`; *Хэлумлєм нянь вуя* `Возьми три булки хлеба приблизительно (но не больше)`;

5) путем вставки между двумя количественными числительными союза *муй* `или`, например: *Кăт муй хэлум*, шур. *Кăт-муй хулам* `два или три`; *нивăл муй яртьяӈ*, шур. *нийл муй яртъян* `восемь или девять`, *сот муй кăтсот* `сто или двести`.

Приведем примеры предложений: шур. *Макщум там талн нийл муй яртъяӈ охсар велс* `Максим в эту зиму восемь или девять лис добыл`; шур. *Хатала и хуята тэп сот муй катсот грамм нянь мийлясы* `В день на одного человека сто или двести грамм хлеба выдавали`; шур. *Вет муй хут солкова тын лойл* `Пять или шесть рублей стоит`; *Нивăӈ муй яртъяӈ хоп ноптăӈӈ* `Восемь или девять лодок плавает`.

В хантыйском языке приблизительные числительные часто называют приблизительное время, приблизительный возраст человека, например: шур. *Кат-хулам тал сыс кутн ар восху кема йис* `Приблизительно в течение двух-трех зим стал богатым человеком`; *Ма щатьщащєм нивăӈъяӈкєм*

ола йис `Моему дедушке примерно восемьдесят лет исполнилось`; *Эвел нялвет олдуват* `Возраст дочери=ее четыре-пять лет`.

В предложении приблизительные числительные могут выполнять роль: составной части именного сказуемого, например: *Веткем щоса йис* `Примерно пять часов стало`; *Пухл худна ай, веткем тăла йис* `Сын=его еще маленький, примерно пять лет стало (исполнилось)`; подлежащего: *Хэскем вӳлы пəшаса дунăс* `Приблизительно двадцать оленей в загон зашли`.

Неопределенно-количественные числительные

Под термином "неопределенно-количественные числительные" принято понимать слова или сочетания, которые обозначают неопределенное количество чего-либо. К неопределенно-количественным числительным относятся *ар* `много`, *аршăк* `побольше`, *ям арат* `достаточно много (букв. хорошее количество)`, *шимăл* `мало`, *ай тăхты* `немного`, *мултарат* `сколько-то` и др.

Неопределенно-количественные числительные могут сочетаться не только с названиями предметов, поддающихся счету, но и с отвлеченными и вещественными существительными, например: шур. *Ар ой тайл* Много счастья имеет`; *Саккар ай тăхты пуна* `Сахару немного положи`.

Существительные, сочетающиеся с неопределенно-количественными числительными, употребляются в единственном числе, например: *Етн тăта мир шимăл* `Вечером здесь народу мало`; *Хӳл ăй тăхты хăщăс* `Рыбы мало осталось`; *Дəматсух ям арат* `Одежды достаточное количество`.

В предложении неопределенно-количественные числительные выполняют роль именного сказуемого: *Тăм ехумн тулăх ар* `В этом бору грибов много`; определения или обстоятельства меры и степени: *Шимăл юх тəсăт* `Мало дров принесли`.

Собирательные числительные

Собирательные числительные обозначают определенное количество как единое целое, как совокупность. Собирательные числительные образуют аналитические и синтетические формы. Словообразовательный тип аналитических форм собирательных числительных соответствует модели: количественное числительное + *хуят* (*хоят*) `человек` (в данном случае слово *хуят/хоят* является грамматикализованным элементом), например: *Хотăлн хəдум хуят кăл*, шур. *Хотăлн хулам хоят кăл* `В доме трое (букв.: три человека) видно`.

Синтетические формы собирательных числительных образуются с помощью аффикса двойственного числа и лично-притяжательных аффиксов: *кăт=ӈăн* 'двое', *катӈадӳв* 'двое наших', *хэӆмев* 'трое наших', *ветэв* 'пятеро наших', *итэӆ* 'один их'. Примеры предложений: *Етн кăтӈадам юхăтсаӈăн* 'Вечером двое=моих пришли'; *Хэӆмев кэрта мăнсăт* 'Трое=наших в деревню уехали'; *Хэӆмăӆ-кирăс* 'Троих==своих запряг'.

Для выражения собирательной двойственности используется особое числительное: каз. *китумтак, китăнтак*, шур. *кинамтак* 'оба, двое, вдвоем', например: *Кинамтак ариман шушсаӈăн* 'Оба шли и пели'; *Китăнтак ат юхăтӆăӈн* 'Оба пусть придут'; *Дын китăнтак яма вэӈтыйӆӆаӈн* 'Они двое (оба) хорошо учатся'.

В предложении собирательные числительные чаще всего выступают в роли подлежащего и дополнения.

Рассмотрим сочетаемость количественных числительных с другими разрядами слов. Количественные числительные чаще всего сочетаются с именами существительными, в том числе с именами, называющими промежутки времени, то есть со словами типа: *ол, тăл* 'год'; *хатл* 'день'; *щос* 'час'. Имя существительное при этом может стоять в любом падеже или сочетаться с послелогом: *Кăтхӳщъян щос пєла щи кєрлумал* 'Двенадцатый час (букв. к двенадцати часам повернуло); *Нăн ян ол=а йисн* 'Тебе исполнилось десять лет'; *Хэт щоса йис* 'Шесть часов стало'; *Нăн ян ол мăр щăтіа рэпитсăн* 'Ты в течение десяти лет там работал'; *Кăт хăтл мăр лӳв рэпитăс* 'В течение двух дней он работал'; *Ма яюмн хэлум нел=н вэрсаюм* 'Брат мне три стрелы сделал (букв. Братом я тремя стрелами сделан)'; *Нял хот=н няврэмăт вэллăт* 'В четырех домах дети живут'; *Мун классэвн хэс вет хуят* 'В нашем классе двадцать пять человек'; *Кăт эви йилнăн* 'Двух дочерей имеют'; *Ов питăрн кăт амп уллăнн* 'Возле двери две собаки лежат'; *Кимăт кăт сотуп лальн китла* 'Во второй раз войско в две сотни (букв. две сотни имеющее войско) отправят'; *Хэс хотуп кэрт вэс* '(Это) двадцать домов имеющая деревня была'; *Нял сӳн=ӯп ут* 'Четыре угла имеющий предмет'.

Количественные числительные участвуют в образовании новых слов. Так, к числительному *и* 'один' присоединяются слова, обозначающие меру и степень, а также послелоги: *Лын и муртăн юхăтсăнн* 'Они одновременно пришли'; *и юпийн* 'друг за другом', *и муртн* 'как один'.

К любому количественному числительному (в основном первого десятка) может присоединяться формант *сыр*, имеющий, видимо, значение 'вид, разновидность', например: *исыр* 'одинаковый', *кăтсыр* 'разный', *хэлумсыр* 'трехцветный (букв. трехвидовой)'.

Имя числительное *кăтн*, присоединяя аффикс дательно-направительного падежа и сочетаясь с глаголом, становится подобием глагольного префикса, который меняет значение глагола, например: *кăтна тохнємăты* 'разорваться надвое', *кăтна мăншăты* 'разорвать надвое'; *кăтна лелушты* 'разъехаться в две разные стороны'; *кăтна сэвăрмăты* 'разрубить надвое', *катна хупитты* 'расщепить надвое'.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Баландин А.Н., Вахрушева М.Л.* Мансийский язык. Учебное пособие для педучилищ. Л., 1957.

2. Хантыйский язык. Учебник для учащихся педагогических училищ. Под редакцией *Е.А. Немысовой*. Л., 1988.

V.Solovar, I. Spiryakova

THE NUMERAL IN THE KHANTY LANGUAGE

The distributive numerals are formed by double repetition of the same quantitative numeral in the local-instrumental case. They answer the questions: *муй аратн*? "in how many? "; *муй араттыйн* "in how many? "; *муй щирн*? "How?", for example: *итн-итн* "in one", *нялн-нялн* "in fours".

The distributive numerals from the numerals *кăт, кăтн* "two" are formed in several ways:

a) the numeral *кăтн* joins successively the affix of belonging *=ăн* and the affix of the dative-directing case *=а*, for example: *Олăн васэт мухты пирэслăт кăтн=ан=а* "The first ducks are distributed in twos at once";

b) the first numeral *кăтн* remains unchanged, and the additional affix of the local-instrumental case *=н* joins the second numeral, for example: *Тăм яснăт кăтн кăт=ăн=ăн пириялн* "Distribute these words in twos";

c) the affix of the dual number *=нăн* joins the first part of the numeral *кăт*, and the affix *==ăн* and the affix of the dative-directing case *=а* join the second part - кăтн. *Вэнт вурнайт кăт=нăн кăтн=ăн=а вэллат* "Ravens in the forest live two years".

In a sentence the distributive numerals are adverbial modifiers of manner, for example: *Нурл хӯват мӯн итн-итн шэшсӯв* "We went along the bridge one by one"; *Мӯн нялн-нялн хопата лєлсӯв* "We seated ourselves in boats in fours".

The approximate numerals are the numerals, which denote approximate quantity of subjects, approximate age or approximate quantity in general. The affix кєм joins all the numerals, starting with the numeral кăтн. *Кăт-муй хулам* "two or three"; *нийл муй яртъян* "eight or nine", *сот муй кăтсот* "hundred or two hundred".

The collective numerals form the analytical and synthetic forms.

In a sentence the collective numerals can be a subject or an object.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Елена Белова
Ижевск

ВТОРИЧНЫЕ АФФРИКАТЫ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

По исследованию аффрикат финно-угорских языков, в том числе удмуртского, имеется ряд работ. Изучению истории аффрикат посвящены труды Ю. Вихмана, Ю. Тойвонена, Т. Уотилы, Д.В. Бубриха, В.К. Кельмакова. Частично касались данного вопроса многие другие ученые, изучавшие и описывавшие диалекты и говоры удмуртского языка, как-то: Т.И. Теплящина, И.В. Тараканов, Г.А. Архипов, С. К. Бушмакин, Р.Ш. Насибуллин, Б.Ш. Загуляева, А.А. Алашеева, Л.Л. Карпова и т.д.

Еще в 1933 году Т. Уотила отметил случаи вторичного характера употребления аффрикат в удмуртском языке (1). Исследователь удмуртского языка В.К. Кельмаков в своей работе, посвященной прапермским аффрикатам, подтверждает это, а также отмечает некоторые другие случаи вторичного употребления аффрикат (2, с. 34-44).

Прапермский язык, в отличие от финно-угорского языка-основы, был богат аффрикатами, которые состоят из четырех коррелятивных пар по глухости/звонкости (ӵ/ж и ч/з) и велярности/палатальности (ж/ӟ и ӵ/ч) (2, с. 34). Современные коми-зырянский, коми-пермяцкий и удмуртский языки унаследовали данные прапермские аффрикаты. Однако в удмуртском языке частотность употребления их возросла в результате появления вторичных аффрикат, одни из которых появились в праудмуртский период и имеют теперь общеудмуртский характер употребления (за исключением отдельных диалектов и говоров, в которых позднее произошла дезаффрикация), другие – в более позднее время и охватывают лишь некоторые диалекты, а иногда только говоры.

Источником исследования для данной статьи послужили материалы, собранные по программам В.К. Кельмакова (3) и Е.Б. Ветровой (4), а также

дипломные работы и материалы диалектологической экспедиции, собранные студентами факультета удмуртской филологии УдГУ (5).

Вторичные аффрикаты в удмуртском языке - это результат процесса аффрикатизации смычных и щелевых звуков в удмуртском языке.

Аффриката *ӟ* – звонкая палатальная аффриката. В современном удмуртском литературном языке употребляется в начале и середине слова.

В праудмуртский период увеличилась частотность употребления *з* за счет перехода общеудмуртского анлаутного **r-* в **ʒ́-* перед *-V́ʒ́(-)* и *-V́č(-)*, например, удм. *ӟиӟэг*, чаще *ӟэг* 'рожь' - к. *рудӟог*; удм. *ӟичы* 'лиса' - к. *руч*; удм. *ӟэз'ыны* 'распороть' - к. *рэз'овны* и др. (6, с. 29; 2, с. 38). В данной позиции аффриката *ӟ* имеет вторичный характер употребления во всех диалектах и говорах удмуртского языка, лишь за исключением тех, в которых позднее произошла дезаффрикация, т.е. потеря артикуляцией смычно-щелевого характера.

Сравнительно с удмуртским литературным языком, где произошла дезаффрикация *ӟ* середины и конца слова, в большинстве срединных говоров сохранилась прапермская **ʒ́*, например, *пӧзыны* 'вариться, кипеть' > лит. *пӧз'ыны*; *толэз'* 'луна, месяц' > лит. *толэз'* и др.

По мнению ученых, в этих говорах по аналогии произошла гиперкоррекция аффрикат в некоторых русских заимствованиях (7, с. 7-9; 2, с. 38), например, *ӟэркал* < рус. *зеркало*, *магаӟин* < *магазин*, *маӟ* < *мазь* и т.д.

Анализируя материалы, собранные по программам В.К. Кельмакова и Е.Б. Ветровой (далее в тексте - по материалам программ. – *Е.Б.*), нами установлено, что это явление распространено шире, в частности оно обнаруживается в говорах деревень Алнашского (К - *обэӟан*), Можгинского (П - *обэӟан*), Малопургинского (Кч, ПМ - *уӟым*), Селтинского (Г - *оӟим*) районов Удмуртии. В некоторых говорах северного и бесермянского наречий удмуртского языка это явление встречается несколько чаще, как и в срединных говорах, что подтверждается также устным сообщением С.А. Максимова по глазовскому говору и материалами диалектологической экспедиции 1993 г. в с. Большая Юнда Балезинского района (далее в тексте - БЮ. - *Е.Б.*) по говору бесермян и удмуртов данного сельсовета. Примеры: *ӟина* < рус. *Зина*, *корӟинка* < рус. *корзинка*, *бал'аӟино* < рус. с. *Балезино* и т.п.

В говорах бесермян *ӟ* вторично в таких словоформах, как *ворӟикъны* 'родиться' < лит. *вордскыны* (< *вордӥськыны*), *кылӟикъны* 'слушаться, прислушиваться' < лит. *кылӟӥськыны* (8, с. 81; материалы БЮ). По нашему мнению, здесь, скорее всего, произошло следующее замещение: *вордис'икъны* > *ворд"с'икъны* (ср. бес. *вэрас'ᵇкъны* < лит. *вераськыны* 'разговаривать') > *вордс'икъны* > *вордчикъны* > *ворӟикъны*.

В тех говорах, где отсутствуют велярные аффрикаты, *ӟ* замещает анлаутную *ӝ* перед *–Vж*(-) и *–Vш*(-): б-т., ттш., ташк. *ӝ́ужда*, лит. *ӝужда* `ростом с`; *ӝ́ожон*, лит. *ӝожон* `толокно`; *ӝ́уш*, лит. *жуш* `желудок` и т.д. (9, с. 87-88).

Звук *ӟ* в некоторых говорах бесермян, в частности, в ворцинском замещает анлаутную *ӝ-* во всех случаях (10, с. 118, 124). Происходит палатализация аффрикаты: *ӟуам* < *ӝуам* `сгорел`, *ӟог* < *ӝог* `быстро, спешно`, *ӟук* < *ӝук* `каша` и др.

За некоторым исключением это же явление обнаружено в говорах бесермян Юкаменского района (8, с. 83, 95). А в говоре бесермян Балезинского района (БЮ) это не подтверждается: заметно влияние говора соседствующих с ними удмуртов.

Диссимилятивная палатализация аффрикаты *ӝ* под влиянием дистантно следующих *ж* и *ш*, или вторичное появление аффрикаты *ӟ*, отмечается также в верхнеижских (11, с. 202-204), прикильмезских (12, с. 80-81), в татышлинском и закамских (2, с. 40) говорах удмуртского языка. Наряду с вышеприведенными говорами, данное явление по материалам программ отмечено и в других говорах (3л, Я, ПМ), например, *ӟыж* `истлевший, сопревший` < *ӝыж*, *ӟожон* `толокно` < *ӝожон*; *ӟуштэ* `стонет` < *ӝуштэ* и др.

В некоторых говорах бесермян наблюдаются единичные случаи замещения *д`* > *ӟ*: *ӟаӟай* `дядя (по отцу или матери)`, ср. юж. *д`ад`ай* `отец или старший брат`. В говоре д. Пирогово Алнашского района (13; далее - Пир.) подобное замещение произошло в заимствованном слове *ӟэл`анка* (< рус. делянка).

В буйско-таныпском говоре закамских удмуртов переход *д`* в *ӟ* часто наблюдается и в других позициях слова, например, *тӟ́і* `белый`, ср. лит. *тӧдьы*; *ӓ́дӓmi* `человек`, лит. *адями*; *ба́ӟ́ar* `клен`, лит. *бадяр* и т.д. (9, с. 66).

В дочерних периферийно-южных говорах (ттш., б-т., канл.) вторичная аффриката *ӟ* встречается на месте исконного удмуртского анлаутного *j-*. Замещение происходит во всех случаях, кроме анлаутного перед *–Vk*(-) и *-Vg*(-), где *j-* в большинстве удмуртских диалектов перешел в *l`-*, например, удм. лит. *йӧны*, ттш. *ӟӧ°нь*, б-т. *ӟӧны*, канл. *ӟоны* `осот полевой` и т.д. (9, с. 92-93).

Аффриката *ӟ* вместо *j* встречается в этих говорах и в середине слова "...после смычных *p, b, t, d, k, g*, а также после аффрикат *ӟ́, ć*, например, *gurtӟ́os* (< *gurtjos*) `деревни`, *šabӟ́aṇi* (*čabjaṇi*) `копать, рыться (о курах)`, *pučӟ́os* (< *pučjos*) `жерди` и т.п." (9, с. 81-82).

Аффриката *ӝ* - звонкая велярная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется в анлауте и инлауте (в начале второй части сложных слов).

Как и анлаутная *ӟ-*, вторичность общеудмуртского характера употребления *ӝ-* имеет за счет перехода прапермского анлаутного **r-* во всех (кроме вышеназванных, когда заместился *ӟ-)* случаях, например, удм. *ӝуй(ы)* 'мох' - к. *рой*; удм. *ӝог* 'быстрый' - к. *рэгыд*; удм. *ӝомыт* 'сумрак' - к. *рӧмыд* и т.д. (6, с. 81; 2, с. 38).

В некоторых срединных говорах, в частности средневосточных, сравнительно с удмуртским литературным языком, где произошла дезаффрикация, сохранилась прапермская аффриката **ʒ* середины и конца слова, например, *жаӝы* 'полка' > *жаӝы*; *выӝ* 'мост' > *выж* и др. Аффриката *ӝ* по аналогии вторично отмечается на месте щелевого *ж* как в русских заимствованиях, так и в исконной лексике, например, *abaʒur* < рус. абажур, *meʒa* < межа; *kirniʒ* < *кырныж* 'ворон' - к. *кырныш*; *kiriʒ* < *кырыж* 'косой, кривой' - к. *кырыш* и т.п. (7, с. 10-12; 2, с. 38).

Аффриката *ч* - глухая палатальная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется во всех позициях слова.

В удмуртском языке фонема *ч* вторично появляется в ранних русских заимствованиях вместо фонемы *ц*, например, *чэрк* < рус. церковь, *ул'ча* < улица, *купэч* < купец и др. Данное явление имеет общеудмуртский характер употребления.

В буйско-танып ском, татышлинском и канлинском говорах удмуртов, где происходит палатализация велярных аффрикат, *ч* замещает *ӵ*. Происходит диссимилятивная палатализация перед *-Vж*(-) и *–Vш*(-) как в начале слова (б-т. *ʲčašetini*, ттш., ташк *ʲčašetэnэ* < лит. *ӵашетыны* 'шуметь'; б-т. *ʲčeʒ*, ттш., ташк. *ʲčoʒ* < лит. *ӵӧж* 'утка'), так и в его середине (б-т. *kočiš*, ттш., ташк. *kočeš* < лит. *кочыш* 'кошка') (2, с. 40; 9, с. 86-87).

Замещение *ӵ* > *ч* под влиянием дистантно следующих *ш* и *ж* известно и другим говорам. Исследователи отмечают его в верхнеижских говорах удмуртского языка (11, с. 202-204; 12, с. 80-81).

По материалам программ, вторичное появление *ч* вместо *ч* имеет единичные случаи в говорах Граховского (НЮ - *чушйал* 'еж', *чӧжмэр* 'куница') и Малопургинского (ББ, Кап. – *чуж* 'желтый', Б. Кч. – *чуж* 'желтый', *чужэ* 'метет', *чыжиз* '(он) пнул') районов, а в говорах Увинского (У) и Селтинского (НЖ) районов данное замещение информантами соблюдается более последовательно.

В бавлинском говоре в инлауте между гласными и в начале слова [не перед *-ж*(-) и *–ш*(-)] аффриката *ʲč*(*ч*) регулярно замещает велярную *ʲč*(*ӵ*), например, *чэм* часто , *чог* 'кол', *кы чэ* 'какой' и т.д. (2, с. 41-42).

В некоторых срединных говорах ч вторично встречается в возвратных глаголах. За счет упрощения возвратного суффикса *-ис'к-*, *-с'к-* в *-к-*, согласный конца основы переходит в ч, например, *ӟэчкыны* < *ӟэз'ис'кыны* 'распороться', *лэчкыны* < *лэз'ис'кыны* 'спуститься, слезть', *дышэчкыны* < *дышетскыны* 'учиться', *кучкыны* < *кутскыны* (< *кутис'кыны*); 'начать; держаться' и т.д.

В верхнеижских говорах Т.И. Тепляшина описывает аналогичное оформление русских заимствованных глаголов, в которых также появляется вторичная ч: "...Основой для заимствования глаголов... послужила возвратная форма русского глагола с отпадением конечного глассного *-а*: *зан'имат'с'а* > *зан'имат'с'* (*т'с'* - ч) плюс суффикс удмуртского инфинитива *–ыны*: *инт'эрэсовачкыны* < 'интересоваться', *здоровачкыны* < 'здороваться' и др." (11, с. 210-211).

Возможно, вторичным является появление ч вместо анлаутного *с'* в таких словах как *чил'э* 'кукует', *чиг* 'чердак', *чик* 'лесок, подлесок', *чӧлтай* 'я стреножил (коня)', *чарччы* 'репа', *чиктан* 'кочедык', *чиктыны* 'починить лапти', *чумори* 'верхнее колено прялки', *чурчо* 'серп', *чор* 'куница'. В говорах удмуртского языка аффрикативная форма данных слов встречается часто, хотя и не последовательно. Нами выявлено, что чаще с ч- применяются словоформы *чумори* (Д, Вс, ВЯ, А, СМ, Ак), *чӧлтай* (ВБ, МО, Крш, ББ, Ак, СМ, Кч, Гж, СИ, К, Пир), *чиг* (АУ, Гш, МО, ББ, СМ, Кз, ВЯ, К, Пир).

Замещение *с'* > ч встречается в говорах бесермян как в начале слова [*ӵal̮ʲə̑nə̑, ӵalʲʲəпə* (БЮ) 'плюнуть', *ӵaltə̑m* 'обряд купания молодухи, когда моют моты', *ӵelə̑t* 'веревка для стреноживания пут, стренога', *ӵeltanə̑* 'стреножить (лошадь)'], так и в середине слова *jə̑rӵə̑* (БЮ) вм. *йырс'и* 'волосы', *кə̑rӵə̑* 'муж старшей сестры' (16, с. 114).

В среднечепецких и многих северноудмуртских говорах (Пс, Пд, Кж, Гыя, Ст, Ю, Ч, Зн, Бю, Боз), а также в говорах бесермян (Ш, БЮ) аффриката ч заменяет *т* в оформлении деепричастного суффикса *-тоз'* > *-(ч)чоз*, например, *мыны(ч)чоз* 'пока идешь', *пукы(ч)чоз* 'пока сидишь', *вуы(ч)чоз* 'до тех пор, пока не придет' и др.

Аффриката ӵ – глухая велярная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется во всех позициях слова.

Сравнительно с удмуртским литературным языком, где произошла деаффрикатизация ӵ середины и конца слова, во многих говорах удмуртского языка (чаще срединных) сохранилась прапермская аффриката **č*, например, *вычкы* 'кадка' > лит. *вышкы*; *нуӵы* 'толкушка' > лит. *нушы*; *пуӵ* 'внутренность' > лит. *пуш* и т.д.

В срединных говорах вторично она встречается в заимствованиях на месте русского *ш*: *акӵер* < рус. *акушер*, *соглаӵ-а*? < рус. *согласен ли*? (ср. рус. *соглаш-*: соглашаться, соглашение), *сӵкаас* < рус. *сушки* (баранки) и т.д.

В средневосточных и верхнеижских говорах *ч* вторично выступает в глаголах, где возвратный суффикс *–ис'к-* упрощен в *-к-*: *гоӵкыны* < лит. *гожтис'кыны* 'расписаться, подписаться', *воӵкыны* < лит. *вошшис'кыны* 'измениться, замениться', *куӵкыны* < лит. *кушшис'кыны* 'отказаться, уволиться' и т.д. (11, с. 210-211).

В верхнечепецких говорах *ӵ* заменяет согласный *т* в деепричастном суффиксе *–тоз'* (16, с. 93), где она принимает двойной характер и звучит как *-ӵӵож*: *мыныӵӵож* 'пока идешь', *пукыӵӵож* 'пока сидишь' и т.д. Появление *-ӵӵож* < *-тоз'* отмечено другими исследователями в тыловайском (17, с. 190) и в некоторых закамских говорах (9, с. 133).

В нижнечепецких говорах в заимствованиях вместо русского *ч* систематически употребляется твердый *ӵ*: *ӵас* < рус. *час*, *заӵот* < *зачет*, *ӵаша* < *чаша* и т.д. (17, с. 159-160). Подобное явление отмечено и в срединных говорах (Ж – 18).

В срединных говорах и говорах северного наречия долгая *ӵӵ* замещает русское *щ* в таких словах как: *гуӵӵа* (< рус. гуща) 'закваска, гуща', *ӵаӵӵа* (< рус. чаща) 'лес'; а слово *пыӵал* (< *пыӵӵал* < рус. пищаль) 'ружье' имеет общеудмуртский характер употребления.

Аффриката *ц* - глухая велярная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется в поздних заимствованиях из русского языка.

В народной речи аффриката *ц* употребляется чаще. И хотя *ц* в удмуртском языке не является исконной, она знакома многим говорам удмуртского языка. В результате определенных фонетических изменений вторично она встречается в глаголах в следующих случаях, когда:

а) сочетание *–тис'к-* перешло в *-тск-/-цк-*, например, *сутис'кыны* > *сутскыны* > *суцкыны* 'сгореть';

б) сочетание *–дис'к-* перешло в *-дск-/-цк-*, например, *вордис'кыны* > *вордскыны* > *ворцкыны* 'родиться';

в) после *т* и *д(дь) с* перешло в *ц* в глаголах, образованных от существительных: *кутсаны* (*кутэс*) > *кутцаны* или *куццаны* 'молотить', *пыдсаны* (*пыдэс*) > *пытцаны* или *пыццаны* (18, с. 177-192).

Подобное функционирование *ц* (или сочетания *тс*) широко распространено. По материалам программ оно отмечено в говорах северного наречия (Ув, З, С, УЛ, Кд, Т, Ю); а также в говорах ярских и юкаменских удмуртов (15,с . 79).

Но мы не можем рассматривать этот звук в исконно удмуртских словах как самостоятельную фонему, поскольку в данном случае сочетание *тс* возникает на стыке разных морфем (19, с. 37).

Вторично звук *ц* встречается и в местоименных наречиях типа *кыццы* 'куда', *оццы* 'туда', *таццы* 'сюда'. Происходит следующее замещение: *кытчы > кытсы > кытцы* или *кыццы*. Он встречается в северном диалекте (20, с. 232; 21, с. 223; 15, с. 79). Довольно часто он отмечен в говорах Малопургинского района (Ак, АУ, Б, ББ, Гж, Гш, Кап, Кч, ПМ).

В большинстве говоров северного наречия, в частности в юкаменском и ярском, нижнечепецких говорах встречается аффриката *дӟ(ʒ̈)* - звонкий вариант *ц*, который образуется в сочетании *-дӟ-* [*-ӟӟ-*] на месте *ӟ*, утратившей свою палатальность: *лыдздзыны* 'читать', *адздзыны* 'видеть', *кудздзыны* 'пьянеть'. По материалам Г.А. Архипова (22, с. 197), данная аффриката также встречается в говорах Малопургинского и некоторых среднезападных (по отношению к территории Удм. АССР) районов, что подтверждается и по материалам программ. Но *дз(ʒ)* присуще, по нашим сведениям, лишь для одного слова: лит. *баӟӟым - бадздзым* (~ *бадздзын*, *ба дзым* (~ *-н*)) (<) 'большой' (Ак, Б, ББ, Гж, Гш, Кап. Кч. ПМ).

Краткое рассмотрение случаев вторичного употребления аффрикат как в диалектах и говорах удмуртского языка относительно литературной формы, так и удмуртского языка в целом сравнительно с другими пермскими языками позволяет сделать следующий вывод, что в удмуртском литературном языке вторичный характер употребления чаще принимают палатальные аффрикаты *ӟ* и ч. При том, что данные аффрикаты имеют большую частотность употребления в языке в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Uotila T.E.* Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen. SUST 65. Helsinki, 1933.

2. *Кельмаков В.К.* Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // СФУ. 1987. № 1 (XXIII).

3. *Кельмаков В.К.* Университетысь филология факультетлы программаос: Удмурт диалектология: Методический юрттэт, 3-ти поттэмез. Удмурт кунлык университет. Ижевск, 1992.

4. *Ветрова Е.Б.* Аффрикатаосын кыштъёсыз эскеронъя ю. тъёс: Ужан программа. Удм. ун-т. Ижевск, 1993.

5. Материалы диалектологической экспедиции студентов факультета удмуртской филологии в с. Большая Юнда Балезинского района. Рукопись. Руководитель *И.И. Воронцов*. 1993.

6. *Бубрих Д.В.* Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком). НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1948.

7. *Бушмакин С.К.* Артикуляция и употребление некоторых согласных в средневосточных говорах удмуртского языка // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1977.

8. *Кельмаков В.К.* Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (=Удмурт вераськетъёс I). Удм. ун-т, Науч. ред. *С.В. Соколов*. Ижевск, 1992.

9. *Насибуллин Р.Ш.* Закамские говоры удмуртского языка: Дис. канд. филол. наук. М., 1973.

10. *Федотов М.И.* Ворцинский говор бесермянского наречия // Образцы речи удмуртского языка. НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982.

11. *Тепляшина Т.И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Вып. 2: Сб. статей и материалов. Ижевск, 1973.

12. *Загуляева Б.Ш.* Особенности употребления аффрикат в прикильмезских говорах удмуртского языка // Fenno-Ugristica. Труды по финно-угроведению. Вып. 4: Вопросы истории и строя уральских языков. Тарту, 1977.

13. *Кузнецова (Егорова) А.М.* Фонетические, морфологические и лексические особенности говора деревни Пирогово Алнашского района: Дипломная работа. Каф. удм. языка и лит. Науч. рук. доц. *Кельмаков В.К.* Ижевск, 1980.

14. *Тепляшина Т.И.* Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1970.

15. *Карпова Л.Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Dissertationes Philologiae uralicae universitatis tartuensis 2. Тарту, 1997.

16. *Алашеева А.А.* Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982.

17. *Тепляшина Т.И.* Тыловайский диалект удмуртского языка. Дис. канд. филол. наук. М., 1955.

17. *Тепляшина Т.И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки. Удм НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск. Вып. 21: Филология. 1970.

18. *Алатырев В.И.* Существует ли звук *ц* в удмуртском языке // Записки Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Вып. 17. Ижевск, 1955.

18. *Сергеева Н.А.* Говор удмуртов деревни Большой Жужгес: Дипломная работа. Каф. удм. и фин.-ут. языкозн. Науч. рук. доц. *Кельмаков В.К.* Устинов, 1986.

19. *Вахрушев В.М., Денисов В.Н.* Современный удмуртский язык. Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. Ижевск, 1992.

20. *Вахрушев В.М.* Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Вып. 19. Ижевск, 1959.

21. *Лыткин В.И., Тепляшина Т.И.* Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Вып. 19. Ижевск, 1959.

22. *Архипов Г.А.* Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка // Ученые записки Тартуского ун-та: Труды по филологии 1. . Вып. 117. Тарту, 1962.

Сокращения названий населенных пунктов

Алнашского района: **А** - с. Алнаши; **ВЯ** с. Варзи-Ятчи; **К** - д. Кузебаево; **Кз** д. Куло-мово; **Пир** - д. Пирогово; *Балезинского р-на*: **БЮ** – с. Большая Юнда: *Дебетского р-на:* **Ув** д. Уйвай: *Глазовского р-на*: **ВБ** д. Верхняя Богатырка; **Пд** - д. Пудвай; **Пс** - д. Пусошур; *Граховского р-на*: **НЮ** - д. Нижние Юраши: **СИ** - д. Старая Игра: *Завъяловского р-на*: **Я** - д. Якшур; *Игринского р-на*: **З** - с. Зура; **С** - д. Сеп; **УЛ** - д. Удмурт Лоза; *Кезского р-на*: **Гыя** - д. Гыя; **Ст** - д. Стеньгурт; **Т** - д. Тортым; **Ю** - с. Юски; *Кызнерского р-на*: **МО** - д. Муркозь-Омга; *Красногорского р-на*: **Д** - д. Дебы; *Малопургинского р-на*: **Ак** - д. Аксакшур; **АУ** – д. Абдэс-Урдэс; **Б** - с. Бураново; **ББ** - д. Баграш-Бигра; **Гж** - д. Гожня; **Гш** - д. Гужношур; **Кап** - д. Капустино; **Кч** - д. Кечево; **СМ** - д. Старая Монья; **ПМ** - д. Пуро-Можга; *Можгинского р-на*: **Крш** - д. Карашур; **П** - д. Пазял; *Селтинского р-на*: **Вс** - д. Выселок; **Г** - с. Гура; **НЖ** - д. Новая Жикья. *Увинского р-на*: **Ж** - д. Большой Жужгес; **У** - с. Удугучин; *Шарканского р-на*: **Кд** - д. Кельдыш; *Юкаменского р-на*: **Зн** - д. Зянкино; **Ш** - с. Шамардан; **Ч** - д. Чурашур; *Якшур-Бодьинского р-на*: **Зг** - д. Зеглуд; *Ярского р-на*: **Боз** -д. Бозино.

Условные сокращения

б-т. - буйско-таныпский говор удмуртского языка; **д.** - деревни; **др.** - другое; **к.** - коми язык; **канл.** - канлинский говор удмуртского языка; **лит.** - литературный язык: **напр.** - например: **р-на** - района; **рус.** - русский язык; **с.** - село; **см.** - смотри: **ср.** - сравни: **ср-вост.** - средневосточные говоры удмуртского языка; **ташк.** - ташкичинский говор удмуртского языка; **т.д.** - так далее; **т.п.** - тому подобное; **ттш.** - татышлинский говор удмуртского языка; **удм.** - удмуртский язык; **юж.** - южное наречие удмуртского языка.

Elena Belova

DOUBLED AFFRICATES IN THE UDMURT LANGUAGE

The works of Y. Wiechmann, Y. Toyvonen, T. Uotila, D. V. Bubrikh, V. K. Kelmakov are devoted to the study of the history of affricates. This problem was mentioned by many other scientists, who studied and described dialects of the Udmurt language, they are: T. I. Tepliashina, I. V. Tarakanov, G. A. Arkhipov, S. K. Bushmakin, R. S. Nasibullin, B. S. Zaguliaeva, A. A. Alasheeva, L. L. Karpova, etc.

The sound *з* in some dialects of the Besermians, particularly, in Vortsinsky replaces the anlaut ж in all the cases. Dissimilative palatalization of the affricate ж under the influence of the following ж and ш, or the doubling of the affricate з, is marked also in the Upper-Izh, the By-Kama, in the Tatyshlin and the Over-Kama dialects of the Udmurt language. In the dialect of Pirogovo village of Alnashsky region and in the Buysko-Tanypsky dialect of the Over-Kama Udmurts the transition of д into з is often observed in other positions of the word, for example, *teži* " white ", compare with literary *мӧдьы*; *äžämi* "man", literary *адями*; *bažar* "maple". literary *бадяр*,etc.

In some middle dialects ч is doubled in reflexive verbs. In the dialects of the Udmurt language the affricate form of the given words is often found, though not in consecutive order. In the Upper-Chepets dialects ч replaces the consonant *т* in the adverbial participle suffix *–тоз`*, where it is doubled and sounds as *-ччож*: *мыныччож* "while going", *тукыччож* "while sitting" etc. The *-ччож* < *-тоз`* transition is observed by the other researchers in the Tylovaysky (17, p. 190) and in some Over-Kama dialects.

According to G. A. Arkhipova`s materials, the given affricate is also found in the dialects of Malopurginsky and in some Middle-West ones in relation to the territory of Udmurtiya. The brief consideration of the cases of the double use of the affricates both in the dialects of the Udmurt language in relation to the literary form, and in the Udmurt language on the whole compared to the other Permic languages allows to come to the conclusion, that in the Udmurt literary language the palatal affricates *з* and ч are often doubled. It should be taken into account that the given affricates have a high frequency of occurrence in the language on the whole.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Галина Соколова
Йошкар-Ола

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВИДЫ СВЯЗИ СЛОВ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В марийском языкознании между членами определительных сочетаний разными авторами выделяются разные виды морфолого-синтаксической связи. И.С. Галкин в монографии "Историческая грамматика марийского языка" указывает на то, что определение связывается с определяемым путем примыкания, случаи согласования постпозитивного определения встречаются в горномарийском языке и восточном наречии марийского языка. Такое согласование, по мнению ученого, связано с влиянием русского языка и встречается чаще в языке поэзии (1, с. 108-109). Л.П. Васикова выделяет между частями подчинительных сочетаний именную несогласованную связь, притяжательную согласованную связь, примыкание и управление (2, с. 42). В.Т. Тимофеева считает, что определение связывается с определяемым путем примыкания и притяжения (3, с. 39).

На основе изученной литературы и анализа художественных произведений мы пришли к выводу о том, что части определительного словосочетания в марийском языке связываются при помощи следующих видов морфолого-синтаксической связи слов – это именная несогласованная связь, согласование и управление.

При именной несогласованной связи определение выражается именной частью речи в именительном падеже и не меняет своей формы, главное слово – изменяемым существительным или прилагательным, например: *А тый молан тиде шопкем руэнат*? 'А ты зачем срубил эту осину?' (4, с. 155); *Осал увер вашке шарла* Плохие новости распространяются быстро' (4, с. 165).

Согласование - это такой вид подчинительной связи слов, при котором зависимое слово уподобляется главному в общих для этих слов грамматических категориях. Согласование может быть полным (например, в числе и в лице) или неполным (в какой-либо одной категории).

Принято считать, что согласованными форме главного слова в марийском языке являются постпозитивные и обособленные определения, например, Л.П. Васикова приводит следующие примеры: *Шарнем ик кечым. пеш моторым Ок лий тудым савыраш* 'Помню один день очень красивый, Нельзя его вернуть' (2, с. 18); *Могай мурым колыштмыда шуэш? Иктаж-могай палыме марла мурым, кызытсым* 'Какую песню хотите послушать? Какую-нибудь известную марийскую песню современную?' (2, с. 18).

На наличие согласования между второстепенными членами предложения с подчинительной синтаксической связью, в частности между компонентами атрибутивных соединений в группе "определение + определяемое" указывал Ю.В. Андуганов в работе "К истории согласования на уровне формы слова в финно-угорских языках" (5). Вслед за А. Алхониеми, изучавшим марийские материалы, собранные Э. Беке, А. Регули, В. Поркка, Э. Леви, и пришедшего к выводу о том, что в собранных ими материалах наблюдается согласование в атрибутивных конструкциях, где определения-причастия уподобляются формам определяемых слов, Ю.В. Андуганов находит подобные примеры также в современном марийском литературном языке: *Просто мый ужнем эше сайракым илышнам* 'Просто я хочу видеть еще лучшую жизнь' (5, с. 266). Ученый считает, что согласование между частями атрибутивных словосочетаний существовало еще в прауральском языке и "уподобление определения форме определяемого как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к последнему, унаследовано от прауральского языка" (5, с. 267).

В марийском языке на основе неполного согласования связываются также компоненты атрибутивных словосочетаний с притяжательными отношениями. При этом между определением и определяемым существует коррелятивная связь, когда форма определяемого обуславливает форму определяющего, а форма определяющего зависит от формы определяемого. Притяжательные отношения выражаются при помощи генитива-определения и при помощи притяжательного суффикса в определяемом; определяемое, выраженное именем существительным, может и не иметь такого суффикса, например: *колхоз пасу* 'колхозное поле', *Йыван вате* 'жена Йывана', *юмын удыр* 'божья дочь', *куван кенеж* 'бабье лето', *мӧнгысӧ паша* 'домашняя работа', *сурт олмыжо* 'место с надворными постройками', *мыйын сурт* 'мой дом'.

При управлении лексико-грамматическое значение господствующего слова требует от своего зависимого соответствующего послеложного сочетания или формы косвенного падежа. При этом основное слово подчинительного словосочетания выражается неизменяемой частью речи. В марийском языке различают два вида субстантивного управления: непосредственное (падежное) и опосредованное (послеложное). К таким словосочетаниям относятся определительные именные словосочетания с отглагольными именами существительными в роли главного слова, например: *вӱдлан толмаш* 'приход за водой', *книгам лудмаш* 'чтение книги', *диктантым возымаш* 'написание диктанта', *рушла мурымаш* 'пение по-русски'.

Опосредованное управление характерно для атрибутивных субстантивных словосочетаний, где зависимая часть употребляется с послелогами (релятивными словами), например: *чодра воктене илымаш* 'проживание у леса', *умыр мучко шарнымаш* 'воспоминание в течение всей жизни', *кече ваштартеш ончымаш* 'взгляд навстречу солнцу', *шинча вошт ончымаш* 'взгляд сквозь человека'.

Таким образом, все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что между компонентами определительных конструкций в марийском языке бывают следующие виды морфолого-синтаксических связей: именная несогласованная связь, согласование и управление.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986.

2. *Васикова Л.П.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис. Туныктышылан полыш. Йошкар-Ола, 1987.

3. *Тимофеева В.Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис. Туныктышылан полыш. Йошкар-Ола, 1989.

4. *Чавайн С.Г.* Элнет. Возымжо кум том дене лукталтеш. Т. 3. Йошкар-Ола, 1980.

5. *Андуганов Ю.В.* К истории согласования на уровне формы слова в финно-угорских языках // Советское финно-угроведение. Таллин. 1986. № 4.

Galina Sokolova

MORPHOLOGICAL-SYNTACTICAL TYPES OF WORD AGREEMENT BETWEEN COMPONENTS OF ATTRIBUTIVE CONSTRUCTIONS IN MARI

I.S. Galkin in the monograph "The historical grammar of the Mari language" points out that the attribute is connected with the head-word by parataxis. The cases of agreement of the postpositional attribute are found in the Highland Mari language and the eastern variant of the Mari language. Such an agreement, according to the scientist, is connected with the influence of Russian and is more often found in the language of poetry. V. T. Timofeeva considers that the attribute is connected with the head-word by parataxis and possessive relation.

Agreement can be complete (for example, in number and person) or incomplete (in any one category).

Y. V. Anduganov in the work "To the history of agreement on the word level in the Finno-Ugric Languages" pointed out the presence of agreement between secondary members of a sentence with subordinate syntactical relation, particularly between the components of the attributive combination in the group "attribute + head-word".

The scientist thinks that agreement between members of the attributive combinations existed in the Proto-Uralic language and "assimilation of an attribute to the form of the head-word both in preposition and postposition in relation to the latter comes from the Proto-Uralic language ".

In the Mari language the components of the attributive combinations with possessive relation are combined on the basis of incomplete agreement.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Евдокия Ромбандеева
Ханты-Мансийск

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЙ ДЕРЕВЬЕВ, КУСТАРНИКОВ, ЯГОД И НЕКОТОРЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

На территории расселения манси (вогулов) разновидностей деревьев и кустарников мало. Однако их названия с точки зрения установления этимологии весьма занимательны. Манси исключительно точно и метко отмечают характерные особенности древесных объектов, их предназначение и пригодность в хозяйственной деятельности человека, что позволяет утверждать, как внимательны и наблюдательны были предки народа манси к своей окружающей природе и верно умели определить ценность предмета.

Итак, этимология названий деревьев:

ӯльпа 'кедр', от манс. *ӯнлуп* 'древний, вековой' или от *ӯнль* - 'прочный, устоявший', где *=па* - суф. причастия, букв. 'древнейший', 'устоявшийся', ср.: *ӯнлуп вӧр* 'могучий, древний лес';

нӓӈк 'лиственница', от манс. *нӓӈк-уӈкве* 'быть видным', 'виднеться'. В регионе расселения манси это дерево действительно видное, могучее, прочное, высокое;

хӧвт 'ель', от манс. *хӧ(в)т* > *хӯ(в)т* 'гибкий, легко поддающийся раскачке (дерево)' даже при легком ветре; *хӧвтс-уӈкве* 'изгибаться', 'быть гибким';

тарыг 'сосна', от манс. *тӑрыг* 'журавль'. Сосна – дерево светолюбивое, тянется вверх, её нижние ветки сохнут и ломаются, ствол голый, лишь на верхней части ствола ветки с зелеными иглами. На расстоянии она смотрится как журавль на длинных ногах. Отсюда название сосны;

нюлы 'пихта', от манс. *нюлт-уӈкве* 'клясться', 'давать клятву'. В прошлом серу пихты применяли при спорах по установлению чести и достоинства человека. Сера пихты липкая. Если участники спора грешны, то грех к

ним прилипнет вместе с серой пихты навсегда, не смыть греха, как и серу пихты;

хāпга 'осина', от манс. *хāп* 'лодка', где *=га* суф. превратительного падежа, 'на лодку превращаемое (дерево)'. Осиновая древесина мягкая – легко поддается обработке. В прошлом из её ствола выдалбливали лодки-калданки;

хāль 'берёза', от манс. *хӈли* 'колкое, трещину дающее (дерево, древесина';

тып 'ива', 'тальник', от манс. *тып-уӈкве* 'блуждать'. Название этого дерева и кустарника выведено из того, что оно способно расти и распространяться быстро, где угодно по берегам рек и иных водоемов, влажных местах на низинной стороне реки, везде оказывается, как блудный человек;

лāмйив 'черёмуха (куст)', от манс. *лāм* > *лём* 'хрум-хрум (хрустеть)' + *йīв* 'дерево', 'древесина'. Название куста черёмухи образовано по особенному хрустящему признаку его ягоды;

пащарйив 'рябина (куст)', от манс. *пащар* 'сочный' + *йīв* 'дерево', 'древесина'. Название куста рябины дано по особенностям его ягоды, которая легко мнётся и сочнится при сборе, при перевозке, переноске;

māсыс йīв 'можжевельник', от манс. *мā* 'земля', *сыс* 'спина', 'поверхность земли'; *йīв* 'дерево'. Этот куст низкорослый, прижимается как бы к земле («спине» земли), букв. 'земли спины дерево'.

Этимология названий ягод:

сӯйпил 'брусника', от манс. *сӯй* 'бор', *пил* 'ягода', букв. 'бора (боровая) ягода';

māхтпил 'голубика', от манс. *māхт* 'гагара', *пил* 'ягода', букв. 'гагары ягода', т.е. 'цвет (перьев) гагары - слегка дымчатого цвета ягода';

морах 'морошка', от манс. *морг-уӈкве* 'глуховато хрустеть'. У морошки внутри ягоды имеются зернышки, при раскусывании они хрустят. Отсюда название этой ягоды;

ӯйрись пил '(дикая) земляника', от манс. *ӯйрись* 'птичка' + *пил* 'ягода', букв. 'птички ягода'. Землянику любят всякие мелкие птички, отсюда ее название;

тēлптил 'красная смородина', от манс. *тēлп* 'ало-красный' (цвет крови), *пил* 'ягода', букв. 'алая ягода';

савни 'черника', от манс. *савн* > *совн* 'кожистый', 'мясистый'.

Таким образом, в фитонимах содержится всесторонняя характеристика отдельной части реалии: ствол, ветвь, качество древесины, ягоды и др. Наиболее многочисленны номены, характеризующие качество древесины, его содержимого: "дерево с длинным голым стволом и с ветвями лишь наверху", "дерево, обладающее липкой серой", "дерево, имеющее большие

размеры" и т.д. В характеристике кустарников названия определены по качеству и особенностям их ягод: "ягода с хрустящей косточкой", "ягода, которая легко мнется" или "ягода, обладающая каким-либо определенным цветом".

Во всем сказанном выше просматривается тесный мир человека с его окружающей средой.

На территории расселения северных манси все термины, обозначающие названия деревьев, кустарников и ягод, имеют прозрачную этимологию, объясняемую на материале самого мансийского языка.

Перейдем к этимологии некоторых мансийских народных географических терминов:

ӑри 'речка, наполняемая водой и рыбой во время половодья', от манс. *ӑрпин* 'заборная', т.е. 'перегороженная запором речка', при географическом номене согласные *н* и *п* утрачены;

ӣс 'русло', от манс. *ӣсым* 'прочерченный чем-л.';

ӣсмил 'русло', от манс. *ӣс* 'русло', *мил* 'глубокий', букв. 'глубокое русло';

тӑратэм 'прорва', манс. *тӑра* 'насквозь', *тэ̄м* 'проеденный (прорытый)', букв. 'насквозь проеденный (проход)';

хультгай 'трясина', от манс. *хульт-уӈкве* 'всплыть, держаться на плаву' (о мхе), букв. 'вплавь держащийся (слой)';

сагыт 'густой лесной массив на большой территории', от манс. *саг* 'сплетённая коса', где *-ыт* – суф. глаголообразующий, букв. 'густо сплетающийся (как коса) лес';

ӯнтмит 'капитальная дорога', от манс. *ӯнтм-уӈкве* 'осесть', 'быть углубленно стоптанным', букв. 'осевшая (дорога)';

сӧргӑхта 'сораха', от манс. *сӧрг* 'живот', *ӑхта* 'речка, вытекающая из водоёма', букв. 'живота речка', т.е. 'речка, где всегда можно прокормить живот';

посал 'протока', от манс. *пӧс* 'знак', 'пометина', *сал* 'трещина', букв. 'помеченная трещина', т.е. искусственная;

сӧс 'ручей', от манс. *сӧс* 'чага'; название связано с тем, что в болотных ручьях вода похожа на чаговый завар;

вӧль 'плес', от манс. *вӧли* 'кривой (изгиб)';

сӧюм 'ручей в крутых берегах', от манс. *сӧйм-уӈкве* 'исчезнуть'; при сухой погоде ручей исчезает, засыхает;

ялуп 'родник', от манс. *ялт-ункве* 'ожить', 'оживлять', т.е. 'живая вода';

путья 'река с наледями', от манс. *пут-ункве* 'всплыть', 'выйти из меры', *я* 'река';

тӗлыг 'болото с озером', от манс. *тӗл-уӈкве* 'отражаться' (название связано с тем, что на воде-озере отражается небо, берега водоёма, как в зеркале);

ӣӈкылма 'болото с клюквой', от манс. *ӣӈкыл* (*пӧлим*) *ма̄* 'льдом (покрытое) место', где *ӣӈк* 'лёд', *-ыл* - суф. творительного падежа, *ма̄* 'место', 'земля';

ӯюм 'узкая еловая грива вдоль водоёма', от манс. *ую-ӈкве* 'плыть', т.е. грива отражается на воде так, словно по воде плывущая лодка;

малыӈ 'яма в реке', от манс. *мал* > *мил* 'глубокий', *-ыӈ* суф. обладания, букв. 'глубину имеющее (место)';

сӯма 'крутизна', от манс. *сӯма* > *сӧма* 'отвесный обрыв';

хартум 'волок', от манс. *харт-уӈкве* 'тащить', *-ум* - суф. причастия прошедшего времени;

нёр 'гора', от манс. *нӓр* 'голый, не покрытый (лесом), т.е. ледяная или каменистая (гора)';

ӓхвтас 'камень', от манс. *ахвт-уӈкве* 'раздеть', т.е. 'голый, раздетый';

ӯра 'амбарчик на сваях', от манс. *ӯр-уӈкве* 'охранять', 'оберегать', т.е. 'постройка-хранилище';

ӧсь 'изгородь', от манс. *ӧньси-уӈкве* 'содержать, иметь'.

Объяснение происхождения географических терминов показывает, что в основе их называния лежит вещественное значение, отражающее сущность и внешний облик называемого объекта, его главное содержание.

Evdokia Rombandeeva

ETYMOLOGY OF NAMES OF TREES, BUSHES, BERRIES AND SOME GEOGRAPHICAL TERMS IN MANSI

Нюлы "fur tree", from Mansi *нюлт-ункве* "To swear". In the past they made bouts-"kaldankas" from its trunk.

Хāль "birch", from Mansi. *холи* "thorny tree, giving a crack"; *тып* "willow","purple willow", from Mansi *тып-ункве* "to wander".

Etymology of the names of berries:

суйпил "whortleberry", from Mansi *суй "coniferous forest"*, *пил* "berry", literally "berry of coniferous forest";

māхтпил "great bilberry", from Mansi *māхт "loon"*, *пил "berry"*, literally "loon's berry", "colour of loon's feather - light smoky berry";

морах "cloudberry", from Mansi *морг-ункве* "muffled crunch" It's the origin of the name of this berry.

Уйрись пил "(wild) strawberry", from Mansi *уйрись* "birdie" + *пил* "berry", literally "birdie's berry".

Сума "slope", from Mansi *сума* > *сōма* "sheer precipice";

хартум "portage", from Mansi *харт-ункве* "carry" - suffix *ум* is an index of the Past Participles;

нёр "mountain", from Mansi *няр* "bare, not covered with wood", i.e. "icy or stony mountain";

āхвтас "stone", from Mansi *ахвт-ункве* "undress", i.e. "naked, undressed";

ура "barn on piles", from Mansi *ур-ункве* "protect", "preserve", i.e. "construction – storehouse";

ōсь "fence", from Mansi *ōньси-ункве* "keep", "have".

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Аркадий Васинкин
Йошкар-Ола

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МАРИЙСКОЙ ПРОЗЫ

Современная марийская проза представлена многими именами. В небольшой публикации мы не имеем возможности рассмотреть творчество всех авторов, поэтому остановимся на тех произведениях, которые были опубликованы отдельными книгами или же изданы на страницах журнала "Ончыко" и в которых в наибольшей степени отразилось национальное своеобразие.

Радует то, что за последние годы прошел, и кажется не без пользы, настоящий бум автобиографических, хроникальных повествований. Это произведения "Кава ден мланде коклаште" ("Между небом и землей", 1995) И. Осмина, "Илыш толкын" ("Волны жизни", 1995) А. Волкова, "Илыш курым – кужу корно" ("Жизни век – длинная дорога", 1996) В. Любимова, "Корно вожынан, илыш йыжынан" ("Дорога развилиста, жизнь изменчива", 1995) П. Алмакаева. Сюда же можно добавить дневниковые записи Г. Пушкина, подготовленные к публикации Ю. Галютиным, повествование "Пӱрымаш" ("Судьба") М. Павлова.

Нам не совсем понятно, что любое объемное произведение авторы спешат окрестить романом. Из перечисленных выше повествований романом можно, наверное, назвать лишь произведение И. Осмина. Да и здесь отбор фактического материала практически не осуществлен. Произведение хроникальное, слишком много в нем изображено событий незначительных, второстепенных. Критики иногда излишне спешат растянутые, длинные повествования окрестить романами. Количество написанных страниц не дает еще права претендовать на этот большой и ответственный жанр. У романа, прежде всего, должно быть романное мышление, эпическое изображение жизни, со многими ее нюансами и особенностями времени. Например, в

1999 году в 4-х номерах журнала "Ончыко" (№ 2, 3, 4, 10) было опубликовано произведение. А. Мурзашева "Тюлди" ("Тӧлдӧ). Всего пока опубликовано 24 главы, повествование по объему занимает значительное место, а по времени - это события конца 1939 - начала 40 годов, т.е. чуть больше полгода. Главный герой, положительный персонаж – председатель колхоза Шумат Эрбылатов, бывший сельский учитель. Он настолько идеален, что во всем служит примером для колхозников. Он вежлив, умен, дальновиден, обходителен. Настолько хорош, что начинаешь сомневаться в реальности существования такого человека. Прозаик не всегда обоснованно останавливается на незначительных фактах и деталях. Им лучше изображены обрядовые сценки, бытовая сторона деревни Тюлди.

А в художественном отношении более привлекателен образ "отрицательного" персонажа Пекла, мастера на все руки. Он не хочет горбатиться в колхозе за трудодни. Много в нем отрицательных черт: его действия и поступки бывают грубыми и дерзкими, иногда даже наглыми. Пекл не ждет милости от вышестоящих. Он трудолюбив, в меру умен, хитер, практичен. Одним словом, сюжетная линия, связанная с ним, оригинальна, интересна, хотя и занимает в повествовании незначительное место. Он живет несколько иными принципами, более современными, в некоторой степени даже характерными для преступного мира: "не бойся, не верь, не проси".

Из современных критиков мало кто замечает творчество скромного, интересного автора Геннадия Алексеева. А за последнее время им опубликовано значительное количество повестей и рассказов, но в основном в газетах. Сначала Г. Алексеев был известен нам как поэт, автор небольших лирических стихов. Затем полностью перешел на прозу. Из произведений последних лет особо выделяется повесть "Отверженный" ("Йотышнышо"). Подобное название в марийской литературе уже существует. Это повесть "Отчужденный" ("Йотештше") Дим. Орая, опубликованная в 1930 году.

Если у Орая все решается предельно просто, то у современного автора совсем по-иному. У Орая деревня 30-х годов - это хранилище нравственных устоев, ценностей, а город влияет на человека тлетворно.

Современный прозаик считает, что процесс формирования личности не так прост, он происходит постепенно и постоянно. Автор подробно прослеживает историю формирования личности, его нравственное падение и взлет. В семье растут два сына: Алексей и Аркадий. В повествовании жизнь охватывается многогранно. Например, прозаик описывает нравы, обычаи, традиции марийской семьи. Даже простые семейные праздники марийцы проводят не только с родственниками, а совместно с соседями и знакомыми. Именно в такие моменты ярче проявляются индивидуальные черты персонажей.

Старик Павел, как глава семейства, является распорядителем во дворе, огороде и во всем домашнем хозяйстве. У марийцев издревле было строгое разграничение сферы деятельности мужчины и женщины. Это, видимо, связано с тем, что мужчины как охотники, прежде всего, были добытчиками, а хозяйкой дома оставалась женщина, она же занималась воспитанием детей. Эта традиция в марийской семье сохранилась и поныне. Поэтому неслучайно Г. Алексеев пишет: " В доме хозяйка стола – мать. Так было всегда. В этих случаях отец всегда исполнял ее волю" (1, с. 40).

Интересна сама архитектоника произведения. Хотя автор охватывает широкую географическую среду, но события главным образом развертываются в пределах одной деревни. О том, что Алексей работает в городе, у него там есть жена, прибыльное дело и т.д., мы узнаем лишь со слов повествователя. Подобная локализация действия способствует писателю глубже изображать духовный мир своих героев. Его персонажи индивидуализированы, резко отличаются друг от друга. Например. Тимош, завсегдатай всех деревенских застолий, бесцеремонный, вездесущий и всезнающий Крестный Алексея, Вачи - шутник и балагур. А отец, Павел, молчун. Из него без причины и слова не вытянешь.

В повествовании Г. Алексеева окружающая природа активно вторгается в жизнь персонажей, способствует раскрытию внутреннего переживания героев. В данной повести традиции Дим. Орая служили современному автору лишь опорной точкой, все художественные решения Г. Алексеева индивидуальны. Он ищет и уже нашел свое творческое лицо.

Писатели всегда испытывали, испытывают и сейчас зависимость от общества, от государства. Раньше наши мастера слова говорили примерно так: "Я хочу написать вот об этом, но не буду, все равно не пропустит цензура". Теперь ситуация другая. Пиши о чем хочешь, но издают то, что нужно издателям, что им выгодно, незамедлительно приносит ощутимый доход. В итоге получается то же самое: "Пишу что хочу, но деньги на издание находятся на то, что нужно, выгодно власть имущим, финансовым воротилам". Совершенно неверно мнение о том, что с устранением коммунистической идеологии наступила полная свобода творчества. А в национальных республиках ситуация осложняется и другим обстоятельством. Например, при оценке творчества местных писателей в большинстве случаев критика, особенно центральная, подходит предвзято, не учитывая национальные особенности, не стесняясь употребляет термины "националистический", "несоответствующий современности". С подобной оценкой пришлось столкнуться, например, во время фестиваля финно-угорских театров, состоявшегося в Йошкар-Оле в 1999 году. На обсуждении исторической трагедии "Не преклонюсь" московские критики открыто выразили свое недовольство

идеей произведения Г. Гордеева, где молодой автор изображает события национально-освободительного движения марийцев XVI века.

В последнее время в современной марийской прозе все чаще и чаще появляются произведения поискового характера. Ярким подтверждением этому является повесть Маргариты Ушаковой "Мыйын ешем але тошто пӧртын монологшо" ("Моя семья или монолог старого дома"), опубликованная в журнале "Ончыко" № 10 за 1999 год.

Повесть оригинальна в первую очередь в жанровом отношении. Интересна сама форма повествования. Монолог старого дома дает определенное представление о национальном самосознании марийцев. Наше языческое верование в корне отличается от христианства. Например, там дьявол – олицетворение абсолютного зла. Он разрушитель нравственности, соблазнитель и искуситель. Марийский же керемет воспринимается как составная часть добра. Он наказывает грешников, но сам никогда не соблазняет. Он как дьявол не провокатор, а, скорее всего, его профессия - начальник исправительного заведения. Вообще в язычестве понятия добра и зла, горя и радости ближе к буддийским представлениям.

В настоящее время в марийской литературе имеются произведения героические, исторические, но, на наш взгляд, мало обращается внимания на отображение национального своеобразия народа. Да, мы открыто не возмущаемся, все терпим и выдерживаем молча. 80 % марийцев трудится на полях и фермах не потому, что такие скромные, трудолюбивые, забитые и темные, а главным образом потому, что крепки наши корни. Наша сила – в нашей слабости. У нас имеются свои ценностные представления. Например, когда рождается в семье марийца мальчик, то ему с детства иносказательно внушают, что он должен вырастить детей, построить дом и посадить дерево. А где это лучше всего сделать? Конечно - в деревне!

Вспоминается в связи с этим, например, рассказ В. Абукаева-Эмгака "Сорта йымал арака" ("Поминальное вино"). Он возник во времена очередной антиалкогольной кампании, казалось бы, автор идёт против официальной, государственной установки. А что же делать, если в наше "демократическое" на словах время национальные идеи, традиции никогда и нигде не учитываются? Поэтому автору приходится придумывать острые сюжетные ходы, прикрывать национальные особенности язычества изображением духовной черствости начальников, бюрократизма чиновников и бесхозяйственности "хозяев". В этом плане показательна сатирическая сказка А. Юзыкайна "Владыка леса" ("Чодыра он"). Главный персонаж произведения – известная в марийском фольклоре проныра и плутовка лиса. Сюжет сказки как прост (умер хозяин леса – медведь, звери осиротели, остались без

владыки), так и актуален (необходимы внеочередные выборы другого благодетеля).

Все действия развертываются возле глухого лесного сказочно красивого озера. Герои – тоже сказочные звери и птицы, но они наделены обыкновенными человеческими достоинствами и пороками. Плутовка и мошенница лиса, глупый и жадный волк, сплетница сорока, трудолюбивые, но простодушные бобры и т.д. Каждый из персонажей, кроме бобров (они, как обычно, заняты хозяйственными заботами), ищет себе выгоду, ждет от предстоящих перемен только одного – улучшения собственного благополучия. Однако надежды не оправдываются. Потому что вместо мудрого и справедливого медведя по инициативе сороки и лисы выбрали владыкой леса крокодила, чужака, не признававшего ни порядка, ни законов леса.

Так и в повести Маргариты Ушаковой глубокую национальную идею автор выражает аллегорически. Вот поэтому и домовые у нее такие пассивные. После разрушения домашнего очага они тихо, мирно переселяются в баню. По представлению марийцев, баня – это не только место очищения тела и души, но и жизненный исток. В бане человек рождается, отсюда и начинается его последний путь в загробный мир.

В целом В. Егоров оценивает произведение М. Ушаковой верно, правильно замечает, что автор сама верит в волшебные силы. В этом нет ничего удивительного. Авторская позиция обычно всегда исходит из мировоззренческого опыта писателя. Иначе и быть не может. В повествовании Ушаковой получается так, что практически главным разрушителем семейного очага является сама Элчиви – женщина, мать, источник, хранительница семейного благополучия. Автор сумела найти правильное художественное решение. Хотя критик утверждает, что прозаик выразила все это только через действия и конкретные сюжеты. А разве этого недостаточно? Пожелание зла даже другому, чужому, а не только ближнему, всегда наказуемо. Автор исходит из национального представления о добре и зле. Неважно, крещеная или же язычница М. Ушакова, дело не в этом. Как женщина, как художник она права. Чрезвычайная, эгоистическая любовь матери, в данном случае Элчиви, постепенно превращается в зло, ненависть к родным. Ее беда в том, что она уже однажды продала часть души дьяволу. Неважно, сатане или же керемету. Это было в первый раз, когда разломила пополам свечу и пожелала зла ближнему. Даже, наверное, еще тогда, когда поверила в порчу соседки, расставившей рядами гусиные крылышки, отчего якобы в хозяйстве гуси вывелись. Одним словом, первый душевный разлад, еле заметная трещинка, незначительные сомнения, потеря душевного равновесия героини приводят к разрушению дома, семейного очага. Об этом М. Ушакова пишет правдиво и убедительно. "Прозаик не разъясняет, почему Элчи-

ви стала такой, мы это видим лишь через действия, сюжеты...", - упрекает критик прозаика.

Мы убеждены, что именно в этом и сила художественного слова, что автор дает читателю лишь пищу для размышлений. Многие наши прозаики пытаются "разжевать" действия и поступки своих персонажей, излишне увлекаются описательностью.

Отрадно то, что некоторые современные наши молодые авторы сегодня сознательно отходят от прежних традиций и находят в своих произведениях иное, новое правильное художественное решение.

В этом плане представляется интересным рассказ В. Бердинского "Колча" ("Кольцо"). Этот символ вечности, жизненного истока, женского начала в марийском языческом веровании, у талантливого прозаика становится стержнем, основой повествования. Духовный мир всех персонажей у него раскрывается именно через их отношение к данному символу – кольцу, неслучайно привинченному к матице, служившему когда-то для крепления жерди детской зыбки-качалки. Так и у Маргариты Ушаковой старый дом – символ национальных традиций, прежних крепких устоев, корней народа. Свеча, разломленная пополам, также имеет свое магическое значение. Свет, свеча - символ жизни, с помощью горящей свечи люди вступают в контакт с высшими божествами, с ее помощью изгоняют злых духов. Поэтому ритуальные действия, встречающиеся в повествовании М. Ушаковой, скорее всего, носят не мистический, а магический характер. И переломление свечи также связано с миропониманием Элчиви, подобное действие исходит из ее представления о жизни и смерти.

Каждый из марийских прозаиков интересен тем, что ищет и находит в своих произведениях новые грани изображения современности. Их герои имеют собственное национальное лицо, характер, миропонимание. Марийцы традиционно тесно связаны с природой. Об этом говорят не только татары, чуваши и мордва, но и представители зарубежья. "Мариец еще сильнее, чем финн, рвется на природу", - откровенно признается финский прозаик Леена Лаулаяйнен. Далее она отмечает, что "марийский характер очень открытый и непосредственный. Гостей ведут танцевать где угодно: на деревенской улице, в бревенчатой избе, в тесной городской квартире, даже автобусе, который бежит по ухабистым дорогам" (2).

О щедрости души марийца наши мастера художественного слова пишут давно. Изображение особенностей национального характера, быта, обычаев, праздничных обрядов давно стало традиционным.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что современная марийская проза богата и в жанровом отношении, и разнообразием художественно-стилевых поисков. Сегодня молодые писатели все пристальнее вглядыва-

ются во внутренний мир своих героев. При этом, постоянно обновляя и развивая традиции, опираются на особенности национального самосознания и языческой религии марийцев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Г.* Йотышнышо // Ончыко, 1998. № 9.
2. *Васинкин А.* Размышления по поводу // Kudo-kodu, 2000, № 4.

Arkadiy Vasinkin

NATIONAL PECULIARITIES OF THE MARI PROSE

In modern Mari literature many works of young writers appeared, which are characterized by intent look on reflection of national character and ethnic psychology. The author shows it on the example of Gennady Alakseev's novel "Outcast", Margarita Ushakova's "My family or monologue of the old house".

It became a tradition in Mari literature to depict peculiarities of the national character, way of life, customs and holiday rituals.

Developing these traditions young writers try to see the inner world of their heroes, basing on peculiarities of the national consciousness and pagan religion of their native people.

"Финно-угроведение". 2000. № 2.

Инна Ядарова
Йошкар-Ола

ЖАНР ОЧЕРКА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. ИГНАТЬЕВА

Никон Васильевич Игнатьев принадлежал к тому поколению марийской интеллигенции, которое за очень короткое время, "трудясь на пределе сил, штурмовым методом достигло немыслимых результатов, решило пусть даже не безукоризненно, многие задачи" (3, с. 139), в том числе и первоочередную - просвещение марийского народа. Он, несомненно, обладал большими организаторскими и творческими способностями, умел ориентироваться в текущих событиях. Возможно, это и стало одной из причин того, что в 1919 г. его отозвали с Царицынского фронта в распоряжение Наркомнаца для организации издательской работы. С этого времени жизнь Н. Игнатьева тесно переплелась с жизнью родного народа. Одновременно с редакторской работой Никон Васильевич пишет многочисленные передовые, критические статьи по вопросам политики, культурного строительства в крае, а также рассказы, очерки и публикует их в газетах "Незерӹн шамакшы" ("Голос бедняка"), "Кыралшы" ("Пахарь"), "Марийская деревня" и других периодических изданиях.

На творческие помыслы Н. Игнатьева немалое влияние оказал М. Горький, уделявший большое внимание становлению национальных литератур и широко пропагандировавший в свое время очерковый жанр, очерк, "насыщенный фактами, убедительными и легко понятными" (1, с. 59). Также, как М. Горький, Н. Игнатьев пишет статьи-обращения, одна из которых – "Литературы фронтышты" ("На литературном фронте"), стала своего рода программой для начинающих писателей и сельских корреспондентов. В ней он определил круг тем, которые необходимо освещать в печати: "Кӹзӹттшӹ литература пӓшӓштӹ сек кого керлвлӓжӹ мавла ылыт вара? Махань корны доно ти пӓшӓм видӹмӹлӓ? Ма гишӓн сирӹмӹлӓ?

Кӹзӹт гӹнь пиш шукы гишӓн сираш лиэш. Тевеш:

- Социализмым стройышы геройвлӓнӓ гишӓн сирен анжыкташ келеш.

- Граждан вырсы историм сирӹмӹлӓ: тидӹм сирӹмашты тӹ жеп годшы ӹлӹмӓшӹжӹмӓт, кредӓлмӓшӹжӹмӓт (Йамангаш бунт, Эмӓн сола донышы кулаквлӓ тӓрвӓнӹмӓш дӓ молы лин мимӓшвлӓмӓт) сираш лиэш.

- Кырык мары районышты Октябрь революци лимӓшӹм сирӹмӹлӓ.

- Тонышна колхоз пӓшӓ верц кредӓлмӓшвлӓм сирен анжыктымыла.

- У гӹщ ӹштӹмӹ завод, фабрикӹвлӓ гишӓн моло (Лопатин строй, МарГРЭС, Тумер, Йошкар-Ола — Тумер ло корны, Йӱрнӹ кавашты комбинат дӓ молат) историм сираш келеш" (8, с. 47-51). В переводе на русский язык приведённая цитата звучит следующим образом: "В настоящее время можно писать о многом:

- О героях строительства социализма.

- О гражданской войне.

- О победе Октябрьской революции в Горномарийском районе.

- О борьбе за создание у нас новых колхозов, о строительстве заводов, фабрик (о Лопатинском комбинате, МарГРЭСе, о станции Дубовая, о дороге Дубовая - Йошкар-Ола и т.д." (Здесь и далее подстрочный перевод наш - *И.Я.*).

Все вышеперечисленные темы нашли отражение в произведениях и самого Н. Игнатьева, главным образом в его очерках. Отметим, что при всей изученности творчества Н. Игнатьева в целом, его очерковое наследие остается малоисследованным и требует внимания литературоведов.

В монографиях и статьях, анализирующих пути развития марийской литературы, в изучении очерков преобладает историко-культурный аспект, жанровый подход к ним практически отсутствует. Такая методологическая установка, направленная на изучение исторического смысла и контекста произведения, ведёт к тому, что очерки становятся иллюстративным материалом для изучения истории марийского народа. При этом за пределами исследования остаются идейный пафос, эмоциональное содержание очерков, способы выражения авторской позиции, художественно-выразительные средства и т.д.

Нам представляется важным охарактеризовать жанровые признаки очерков 1920-30-х годов, которые зачастую не совпадают с современными представлениями об очерке. Это связано с тем, что в разные исторические моменты проявляются те или иные особенности очерка. Нельзя не согласиться с мнением писателя В. Канторовича, который считает, что "литературоведение нашего времени не только приучилось констатировать мобильность существующих жанровых форм, сформулировало особый взгляд на жанр, как на историческое явление, изменяющееся во времени, у разных, по крайней мере оригинальных, писателей, также в зависимости от того, ка-

кую сферу бытия произведение призвано отобразить" (5, с. 35). На наш взгляд, статья М. Горького "О том, как надобно писать для журнала "Наши достижения" дает представление об очерках именно в контексте литературного развития 20-30-х годов XX в. Он пишет: "Нам необходимо выработать свой тип статей, тип упрощённого очерка, сжатого, фактического, без лишних украшений от беллетристики, без крикливых газетных заголовков..... По мнению великого русского писателя, те, кому адресованы эти очерки, "вовсе не требуют, чтобы авторы щеголяли перед ними "красотой стиля", "богатством образов", лирикой, остроумием, философией. Этим людям необходимо знать, что сделано и делается в их стране такими же руками, как их руки" (1, с. 59-60).

Общеизвестно, что 30-е годы XX в. вошли в историю нашей страны как годы индустриализации, которая, наряду с кооперированием сельского хозяйства и культурной революцией, была одной из главных частей ленинского плана построения социализма в СССР. Суть её "состояла в обеспечении ускоренного развития крупного машинного производства на базе роста тяжёлой индустрии в целях социалистического переустройства всего народного хозяйства, достижения высокого уровня общественного строя" (7, с. 3).

Так, опубликованные на страницах журнала "У сем" в 30-е годы очерки Н. Игнатьева "Тумер" ("Дубовая", 1930), "Социализмым лӱлтем" ("Строительство социализма", 1930), "Шалвлӓ йогат" ("Плоты плывут", 1931), "Изи Йынгы" ("Малая Юнга", 1931), "Автозавод" (1932), "Кавашты мастарвлӓ" ("Кожевенные мастера", 1932), "Лӹмлӹ эдемвлӓнӓ" ("Наши знаменитые люди", 1936), "МарГРЭС" (1932), "Тумер – Йошкар-Ола" ("Дубовая – Йошкар-Ола", 1932) и другие посвящены теме индустриализации; в целом они воссоздают мир, где "развита концепция труда как органического слияния, как высокого напряжения всех производственных и человеческих возможностей; в труде пересекается всё самое важное, все главные точки жизни, им измеряется ценность человеческой личности вообще" (4, с. 25).

Вышеназванные произведения Н. Игнатьева не выходят за рамки характерного для большей части очерковой продукции 1930-х годов производственного очерка. Для наглядности обратимся к его очерку "Шалвлӓ йогат" ("Плоты плывут"). Основополагающей в нём является конкретно-историческая тема: заготовка бригадами рабочих из Горномарийского района леса на левом берегу реку Волги и перевозка его к пристани Дубовая. Автор показывает крестьянскую массу, которая, приобщившись к коллективному труду, постепенно перерождается в сознательную рабочую силу и с энтузиазмом трудится на благо молодой советской республики и марийского края. Н. Игнатьев изображает две бригады, которые устраивают сорев-

нование за досрочное выполнение пятилетнего плана по заготовке и погрузке леса для отправки на баржах. Бригадиры Иван и Йогор устанавливают срок – два с половиной дня. Описывая эту сцену, автор пишет, что это типичная для современной действительности ситуация: "Техень бригадывлӓ пиш шукы улы. Нӹнӹ кечӹнь кушкыт. Цилӓ Совет Ушемӹштӹ труйышы халык-халык хӓлӓ ик кого бригада гань социализм стройымаш пӓшӓжӹм мӱгӹрӹктӓ, у ӹлӹмӓшӹм ӹштӓ" ("Таких бригад по всей стране Советов очень много. Весь народ, как одна бригада, работает на строительстве социализма, на строительстве новой жизни").

Н. Игнатьев в этом очерке акцентирует свое внимание не только на героическом труде рабочих, но и на новых социальных отношениях, на идейно-нравственном развитии отсталых, в большинстве своем неграмотных крестьян. Рост их политической сознательности и духовное обогащение происходит в постоянном столкновении с действительностью. В очерке заметно движение автора от изображения конкретных сторон новой действительности к обобщению материала, к реализации некой важной идеи. Очерк "разбит" на три самодостаточные (в плане объекта отражения) составные части, каждая из которых завершается выводом, проясняющим идею очерка.

Текст представляется нам воплощением определенной программы действия. Если "отбросить" высокопарные фразы и панегирики в честь коммунистической партии, то перед нами предстаёт авторский идеал будущей счастливой жизни. В связи с этим, было бы уместно вспомнить высказывание Д. Молдавского, который, характеризуя 30-е годы нашего столетия, очень точно подметил суть времени. Он пишет, что в это время очень многие верили в то, что "тот порог, перейти через который в реальную утопию было мечтой человечества на протяжении всей его истории, - уже рядом. Утопия была за поворотом, в двух шагах!" (6, с. 13).

Композиция очерка простая. События в нем располагаются в прямой хронологической последовательности, разворачиваются они на лесозаготовках. Однако хронологический принцип не является сюжетообразующим фактором. В очерке изображено не разрешение конфликта в действии, а процесс ознакомления с событиями, которые прямо подчинены раскрытию идеи и соответствующим образом расположены. Композиционную связь обеспечивает "я" повествующего лица, которое оценивает события и факты, разъясняет их, мотивирует. Автор является не только повествователем, но и прямым очевидцем события. Н. Игнатьевым в очерке поставлена общественно значимая проблема, которая решается им в публицистической форме.

Дистанция между фактами и выводами предельно сокращена. Она на виду в рамках этого небольшого по объему произведения. Представляя

факты, автор подсказывает, наталкивает читателя на выводы: народ строит своими руками новое общество, счастливую жизнь.

Н. Игнатьев вводит в текст очерка цифровые данные, скорее всего, взятые из документов и отчётов. Но назвать их достоверными трудно, ибо цифры-показатели слишком высокие. Возможно, в некоторой степени это было данью времени "гигантомании", а, возможно, это был художественный приём, который позволял передать грандиозность происходящего, способствовал раскрытию идеи масштабности, всеобщей причастности людей труда к строительству социализма: "таманяр тыжем эдем ти пашам ыштат" ("несколько тысяч людей делают эту работу"), "цилажы выщ тыжем эдем келеш" ("всего для работы нужно собрать пять тысяч человек"), "шал йоктарымаш пашашкы 1500 комсомолецым колташ решымы" ("на лесозаготовительные работы решено отправить 1500 комсомольцев"). Показатели трудовых свершений рабочих сами по себе становятся доказательством преимущества новой жизни.

Составляющие хронотопа очерка – время и пространство – отличаются конкретностью. Они "привязаны" к топографическим реалиям: река Рутка, берег Волги, пристань Дубовая. Это обусловлено самой спецификой очерка как жанра, основанного на реальных фактах.

Внутренняя напряжённость создается за счет изображения борьбы нового со старым. В очерке зримо прослеживается идея поступательного движения социализма и необратимость старой жизни. Автор прибегает к принципу контрастного сопоставления прошлого и настоящего – к стилевому приёму, к которому обращались тогда многие писатели. Через изображение трудовых будней рабочих-лесозаготовителей Н. Игнатьев показал, что рождение нового общества ведёт к изменению их духовного облика, а новые экономические отношения, прежде всего, меняют психологию людей.

Пейзаж введён в экспозицию очерка для обозначения времени и места будущих событий. "Жеранок, шошым кечы лӱлташ тынгалмешкок эче, Йыл понгыжалтеш, паша мырыжым тарвата. Арваты гань нараялт шыцшы Йылет йолге веле каеш. Кужы шалвлажы лач шортньы цепошкавлала чучыт" ("На заре, пока еще не встало весеннее солнце, просыпается Волга и начинает свою трудовую песню. Она сияет как принарядившаяся невеста. Длинные плоты на её поверхности кажутся золотыми цепочками").

В очерке немало внимания уделено машинам, механизмам. Н. Игнатьев "одушевляет" буксиры, пароходы, одновременно "овеществляет" людей. Люди, по мнению автора, всего лишь "колесики" и "винтики" машины под названием "Социализм". "Паша ышты эдемвлажым анжал шаналтышаш гынь, Социализмышкы нангеш келесенат мышты дымы кого машинан - Пятилеткын – изи арававлажы, винтвлажы, ежынгвлажы нины ылыт, ма-

шаналтеш" ("Если задуматься, то люди, которые работают, кажутся колесами, винтиками большой машины – Пятилетки, которая ведёт людей к Социализму). "Йыл мыч косир, нäрäштä баржывлä лыжге валат, пристань гыщ пристаньыш, ышке темдымы "мышкырыштым" темен, пренявлäм постарат, "качкыт" ("По Волге плывут нарядные баржи, хотят "насытить" свои большие "животы". Они идут от пристани к пристани "поедают" лес). Можно сказать, что функция вещей в данном очерке весьма характерная для производственного очерка в целом: они передают характер времени и становятся вещами-символами новой индустриальной действительности.

В заключении отметим, что производственная тема в очерке решена Н. Игнатьевым в духе времени с акцентированием внимания на социально-политических вопросах. На эмоциональный строй, на манеру письма автора, несомненно, оказывали влияние и политическая власть с её "социальным заказом", и состояние культуры читателей и общественной мысли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Горький М.* Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 25. М., 1954.

2. *Добренко Е.* Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. (Серия "Современная западная русистика").

3. *Домокош П.* Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993.

4. *Золотарёва Н.А.* Проблемы советского очерка 30-х годов ("Человек на горе" Ивана Катаева). Иркутск, 1972.

5. *Канторович В.* Заметки писателя о современном очерке. Изд. 2-е, дополненное. М., 1973.

6. *Молдавский Д.* В начале 30-х. Л., 1984.

7. Рабочий класс и индустриальное развитие Марийской АССР. Кн. 1-я (1926-1945 гг.) /Сост. Шомина В.П., Лаптева Г.А. Йошкар-Ола, 1987.

8. У сем. Йошкар-Ола, 1931, № 10-11.

Inna Yadarova

ESSAY GENRE IN N. IGNATYEV'S CREATIVE WORK

Themes of N. Ignatyev's works: "About the heroes of socialism formation", "About the victory of October Revolution in Gorno – Mariysky region", are mainly reflected in his essays.

The ways of development of the Mari literature are analyzed in his monographs and articles, the historical-cultural aspect prevails in the study of essays, while the genre approach to them is practically absent.

The author shows peasants. who, having joined the collective work, gradually regenerated into conscious power and work with enthusiasm for the good of the young Soviet republic and the Mari Republic. All the people like one brigade work to build socialism, to build new life.

In one of his essays N. Ignatyev accentuates his attention not only on heroic work of the workers, but also on the new social relations, on ideological - moral development of the backward, illiterate in their majority peasants. He writes, that at that time very many people believed "that threshold to cross which into the real Utopia was the dream of mankind during all the history, was already close. Utopia was near, a stone's throw away!" The events in the essay are in direct chronological sequence. The author doesn't show in his work how to solve the conflict in its development, he considers the process of the acquaintance with the events, which are directly subordinated to the development of the idea and are placed in the appropriate way. N. Ignatyev raises the socially important problem in his essay, which is solved in the publicistic way by him. It is manifest in the frames of this small in volume work. In his essay N. Ignatyev cites figures, most likely taken from the documents and reports. In the essay the idea of forward motion of socialism and irreversibility of the old life is obvious. The landscape is introduced into the essay exposition to designate the time and the place of the future events.

In conclusion it should be stressed that political authority with its "social order" and cultural level of readers as well as of the public conception influenced the author's emotional mood and style of writing.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Галина Бояринова
Йошкар-Ола

ВНУТРЕННИЙ ДРАМАТИЗМ ХАРАКТЕРОВ В ДРАМЕ К. КОРШУНОВА "ГРОЗОВОЕ ЗАРЕВО"

Давно замечено, что тематика произведения во многих случаях определяющим образом влияет на весь его стилистический строй. Когда мы имеем дело с революционной тематикой, то такое влияние приобретает особенно отчетливо выраженную форму. Революционная тема по своей природе диктует писателю необходимость обращения к острым конфликтам, выбор жизненного материала, насыщенного героикой, событиями исключительными, героем революционной драмы также чаще всего становится незаурядная, исключительная. Исключительность героя и исключительность жизненных обстоятельств, в которых он действует, предопределяет многое и в области метода или художественного строя. Поэтика исключительного, как известно, является поэтикой по преимуществу романтической. Таким образом, некоторый романтический колорит в драме на историческую тему в известной мере предрешен и неизбежен.

В драмах К. Коршунова черты романтического стиля проявляются особенно заметно и в метафоричности, красочной афористичности языка, в эмоциональности, глубокой лиричности.

События драмы К. Коршунова "Кӱдырчан ӱжара" ("Грозовое зарево", 1968) развертываются в дни первой русской революции среди крестьян Уржумского уезда. Само название произведения подчеркивает основную мысль — народ начинает пробуждаться, зреют силы, предвестники бури своей идеей заряжают темные массы, страшная нищета, стремление к справедливости поднимают с колен забитых и угнетенных. В пробужденном народе зреет протест против несправедливости, и он вступает в социальное движение.

Драматургу удалось воссоздать довольно пеструю палитру действительности. Но не внешняя событийная сторона в центре внимания художника. Драматург ставит задачей показать, прежде всего, характеры героев, вовлеченных в сложные коллизии эпохи. Совершенно справедливо по этому поводу замечает литературовед М. Георгина: "Вся пьеса построена на социальных контрастах, на изломах жизни героев, на зарождении нового в сознании людей, их готовности на смертельную борьбу за свою свободу" (1, с. 112). Прав и исследователь А. Иванов, верно подметивший, что "ведущие герои "Грозового зарева" изображены на переломе своих судеб, они проходят действительно сложный, драматический путь" (2, с. 381).

Остановимся на этом внутреннем плане действия, внутренней, духовной жизни героев, полностью согласившись с мнением литературоведа А. Иванова: "История здесь раскрывается через судьбы, жизненные перипетии героев" (2, с. 381).

Интересна судьба управляющего имением Голованова Ямбатра, отданного еще Токтаром в руки молодого зятя с условием не обижать его, так как он был виновником его физического увечья. Ямбатр служит своему хозяину, как верная собака, материально живет лучше других крестьян. Осторожен в делах и в словах, наблюдателен и исполнителен. Драма его связана с сыном, которого пучина жизни начинает все больше затягивать. Ямбатр, плывший так долго по течению жизни-реки, став негодным хозяину, вскипает в гневе. Задетый за живое, он громко, уже не боясь, произносит: *"Если услышите набат, вспомните непутевого Ямбатра!.. Скоро я буду говорить о вашем счастье с Богом!"*. И он поднимает народ. Звон колокола – сигнал к восстанию — дело его рук.

Сын его, Элексан, меняется на глазах. Хозяин пророчит ему место управляющего: парень с умом, слушается старших, на него можно положиться, главное — из него можно вить веревки. Еще в начале действия герой на себе испытывает несправедливый кнут урядника, когда как он хотел лишь угодить, сказав правду, указав на беглого Лайдемыра. Жизненные уроки, преподнесенные Ориной, оставляют глубокий след в сердце влюбленного юноши, а мудрые слова Светлицкого сеют доброе зерно. Неслучайно русский офицер так говорит о нем: *"Ты обратил внимание на его глаза?.. Он смотрел на меня с ненавистью, как на своего врага... Нет, Федор Христофорович, не такие уж они смирные, как ты думаешь... Он довольно умно сказал: "От голодного зверя всего можно ожидать.." Эти голодные звери — не твои ли крестьяне?"*. Арест Орины, ее бесстрашие и подвиг, единение крестьян, двуличие Голованова стали причиной прихода Элексана в стан борцов, защитников народных интересов.

Рассмотренные линии — побочные в драме. Центральные связаны с ведущими героями. Одна из них — Орина — представлена революционеркой. Бывшая батрачка, сирота, одна из помощниц ссыльного революционера Светлицкого, она распространяет в марийских деревнях большевистские прокламации. Характер ее закаляется в борьбе. Орина — натура мужественная, стойкая, способная повести за собой других. В действие она вступает уже с "готовым" характером, как и Светлицкий. М.Георгина по этому поводу резюмирует: "Нет внутренней наполненности в образе Светлицкого. Он больше декларирует, чем действует. Хотелось бы узнать его ближе как человека, проследить, как зарождаются у него планы борьбы с Голованом, что он испытывает, преодолевая трудности, каким образом он находит путь к сердцам людей. В драме Светлицкий как человек раскрыт гораздо меньше, чем Голованов, Орина, Элексан и другие. Поэтому и пьеса Коршунова оставляет впечатление незавершенности, а иногда декларативности" (1, с. 114). По нашему убеждению, такой обязательной необходимости не было. Впечатления незавершенности тоже не ощущаем. "Готовый" характер Светлицкого выступает одним из зарядов социального конфликта, он создает одну из причин толчка изнутри, который приводит к дальнейшей безостановочной реакции.

Одна из удач драматурга — высветление характера Василисы, показ ее внутренней драмы. Причины взрыва зрели в ней очень долго, годами: двадцать лет назад она была выдана отцом замуж за обедневшего дворянина Голованова, который был должен приумножить его богатство. За эти годы она устала быть управляющей и экономкой в собственном доме, устала быть собственной тенью. Главное — *"женщине суждено господом воспитывать детей да мужа любить, а мужчине — править жизнь и быть в ответе за нее"* — эти слова, сказанные давно ее отцом, точат душу героини, как капля камень. Она лишена возможности воспитывать свою дочь, так как муж считает, что Кате не место среди "грязных, трахомных черемис", да и женой Василиса чувствует себя все меньше и меньше. Федор приезжает домой лишь осенью, чтобы скупить у крестьян весь хлеб, да весной, чтобы вывезти его для продажи. Умная, сильная по натуре Василиса приходит к отчаянию. Именно в такой момент мы и застаем героиню. Она в раздраженном состоянии: хочет прогнать гостей, просит, чтобы муж не злил ее, как в воду глядит, когда произносит реплику: *"...А у разозленного человека силы в три раза больше..."*, тоску-печаль свою утоляет в вине, задето и национальное ее самолюбие. Переполнившей чашу терпения каплей стала попытка мужа завладеть невинностью Орины. Внутренне она чувствовала, что муж на такое способен, но Василиса испытывает двойное унижение оттого, что делается это под ее носом, в ее доме. Орину обвиняет от

бессилия, оттого, что ниже ее достоинств разбирать инцидент на глазах у жертвы. Совершенно опустошенная, глубоко несчастная, она ищет утешение в молитве. И тут Голованов приказывает поехать по деревням искать подводы. А это ее в данный момент волнует меньше всего. Пружина напряжена до предела. Звон колокола для нее — призыв покончить с клубком собственных проблем. Яркий пример Орины, заслонившей своим телом любимого Элексана, принявшей на себя пулю, заставляет Василису пойти на отчаянный шаг. Со словами: *"Это мой зверь, я должна его прикончить!.. Ну что, господин Голованов?!"* — она стреляет в него.

Не лишен привлекательности как художественный характер и Голованов. Это довольно сложный представитель русской буржуазии.

Как видим, центральный конфликт драмы позволил ощутить много побочных, связанных со стержневой коллизией, показал глубинные пласты душевной жизни героев, посеял искры надежды, объяснил, в силу каких причин в данный момент герои пришли к такому выбору. Итак, сущность конфликта предопределилась не событийностью, а новыми человеческими характерами. У Коршунова конфликт выходит за рамки борьбы антагонистических классов, острие противоречия касается, прежде всего, глубин человеческой души. Основной конфликт рождает дополнительные — внутренние. Как раз они-то и драматизируют изображенные события, привносят в их развитие напряженность, эмоциональное своеобразие, раскрывают многогранность характеров и, наконец, придают им неповторимость. Собственно, во внутреннем конфликте наиболее полно и высвечивается сам характер. Внутренний конфликт в драме в значительной степени влияет на изображение народных масс. На примере «Грозового зарева» убеждаемся, что народные массы не показаны непосредственно в сценах боевых действий. Они эти действия как бы пропускают сквозь сердце, свою душу, свое сознание и понимание. Притом вовсе неодинаково. Каждая сцена насыщена психологически верными деталями внутреннего состояния и поведения действующих лиц, исходящими из логики их характеров. Драматургу удалось создать глубокие внутренние портреты героев, наделенных сильными страстями, романтизированных.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Георгина М.* Актер и драматург // Восхождение: Литературные портреты марийских писателей. Йошкар-Ола, 1984.

2. История марийской литературы. Йошкар-Ола, 1989.

Galina Boyarinova

INNER DRAMATIZM OF CHARACTERS IN THE DRAMA "STORM GLOW" BY K. KORSHUNOV

Features of romantic style in K. Korshunov's dramas are reviled especially obviously in metaphoric ways, colourful aphoristic character of the language, in emotional state, deep lyrics.

In this case M. Georgina, a specialist in the study of literature, is completely fair to observe: "the whole play is constructed on social contrasts, on breaks of the heroes' life, on the origin of the new conception in the people's consciousness, on their readiness to fatal struggle for freedom". The destiny of the manager of an estate Yambatr Golovanov is interesting. He was given by Toktar to his young son-in–law, making it a condition that Yambatr shouldn't be offended as he was responsible for his physical severe injury. Golovanov is not deprived of attraction as a character of the work of art.

The inner conflict of the drama greatly influences the image of the national masses. Though sometimes Korshunov's work has an impression of incompleteness or declarative tendency.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Людмила Шабдарова
Йошкар-Ола

СИМВОЛИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ОБРАЗА ЛИПЫ В ФОЛЬКЛОРЕ МАРИЙСКОГО НАРОДА

С древнейших времен человек с помощью символов пытался и пытается сделать видимыми и узнаваемыми свои идеи. Однако функции и значения символов часто разрастаются до чего-то большего и перестают быть только художественно выполненными указателями. В течение тысячелетий они позволяли людям передавать глубочайшие мысли о человеческой жизни и природе. Символы, как известно, могут нести огромное количество информации и при этом оставаться простыми и легко запоминающимися. Многие символы наделены не одним, а множеством значений, так как содержат идеи, несущие различную смысловую нагрузку. Одним из таких символических образов в традиционной марийской песенной лирике является образ липы.

Трудно даже перечислить все сферы быта, где используется древесина липы или другие ее части. Из коры делают туески, короба; плетут сумки, лапти из лыка; вьют веревки из мочала, используют его как набивку для мягкой мебели, как мочалку в бане. Лубом раньше крыли крыши, делали из него временные отводы от родников. Цветы липы используют в лечебных целях от простудных заболеваний.

Марийское название *писте* 'липа' представлено фитонимом финно-угорского происхождения (1, с. 44). Общее название липы в славянских и балтийских языках связывается со словом *lipti* 'липнуть', кроме того, предполагается, что более древнее название указанного растения - *lenta*, в наше время используется в значении 'доска' (2, с. 113). Липа – одно из любимых и почитаемых деревьев мари. В мифологическом представлении марийцев она является священной (3, с. 37; 4, с. 109). По мнению членов секты «Кугу сорта» ("Большая свеча"), только липа и береза способны во время моления

привлекать Божество, однако береза почитается выше липы, так как посвящена самому Великому Богу, а липа – его жене (5, с. 35).

Согласно мифологическим представлениям марийцев, липа - светлое дерево, обладающее доброй энергией. В сказках, песнях даются сведения о том, что липа обогащает своей энергией в основном женщин. Например, до сих пор пожилые женщины деревни Алмансола (Алманово) Горномарийского района повышенное кровяное давление снижают под липами (6, с. 15).

По религиозным представлениям народа мари, столетняя липа охраняет селения от несчастья. На Суре и Ветлуге, например, ее называют **йымын пушӓнгы** 'божье дерево' или **солан пушӓнгы** 'дерево селения'. Нижегородские марийцы почитают Апшатэнерскую липу как целительницу людей и скота. В случае болезни ей делается подношение в виде еды и корзинки с рогами. Это дерево хорошо известно всем марийцам Воскресенского района. «В этом же районе, - отмечает исследователь Морохин Н.В., - в деревне Большая Юронга росли на противоположных концах два охраняемых родительских дерева. Судя по описаниям, это 250-летние липа и дуб, которые упали во время бури в 1962 году. Им было принято дарить подарки в трудных случаях жизни, при отъезде из родных мест, при уходе на войну. Если на дуб подвязывался лубяной пояс, то на ветви липы - платок» (7, с. 219). Это, по убеждению местных жителей, оберегало их от несчастий. О липе из Большой Юронги местными жителями сложена песня, которая бытует и сегодня.

Образ липы встречается и в народных приметах. Следует отметить, что наши предки не знали главных законов органической природы, но эмпирические знания правильно подсказывали им многие ее закономерности. Эти знания и легли в основу народных примет. Например, наблюдая за липой, народ создал такую примету: *Писте тӹӈвӯдыжга - йӯр лийшаш* 'Комель липы отсыреет - быть дождю' и так далее (8, с. 109).

Мягкая древесина липы - один из лучших отделочных материалов. В крестьянском хозяйстве изделия из липы преобладают над всеми иными бытовыми деревянными или производными из дерева предметами обихода. Э. Меджитова в своей работе «Марийское народное искусство» отмечает, что еще в 1643 году немецкий путешественник Адам Олеарий отмечал красивую местность Марийского края. Он писал, что «растет очень много – даже целые леса – лип, с которых жители дерут лыко и развозят по стране, приготовляя из него сани, посуду или ящики. Дерево они режут на цилиндрические части, выдалбливают их и пользуются ими как ушатами, бочонками и тому подобное» (9, с. 21).

Образ липы часто встречается и в народных песнях, частушках. Исследование показало, что во многих песнях наблюдается правильное понимание народными исполнителями закономерности, заключающейся в том, что любое состояние человека (радость, горе, тоска, любовь, разочарование и так далее) является следствием не только социальных отношений, но и конкретного состояния природы. Иногда образ липы ассоциируется с образом матери:

...Лаштыра пистӹ гань ӓвӓм ыльы.
Паштекем анжен, мӓгӹрен
шалген коды

...Подобно развесистой липе была моя
матушка,
Смотря мне вслед, осталась стоять,
обливаясь слезами
(10, с. 412-413).

или

Салымсола покшалнет лаштыра
пистет шалга.
«Ӓви», - манын мишӹмӓт, «Эргем, толою»,
- ӹш ман.

Посреди села Салым липа развесистая
стоит.
Подошел я к ней и сказал: «Мама!»,
не ответила «Иди, сынок!»
(10, с. 364).

В связи с этим интересно отметить, что в чувашской мифологии липа (*çăка*) соотносится со старшими женщинами рода или семьи и конкретизируется в реальной матери *(анне)*. Например: *Пирĕн анне - ват çăка* 'Матушка наша - старая липа'; *Ӳй варринче лаштра çăка, пирĕн анне мар-ши çав*? 'Посреди поля развесистая липа, не матушка ли это наша?' (11, с. 137).

Помимо указанных сопоставлений в народной поэзии марийцев выявляется параллель образа липы и образа друга. Например:

Мӹндыр пистӹн укшыжы
Анжен шалгаш вел яра.
Ӹрвезӹ тангет мӹндыр гӹнь,
Йӓнг йылаташ вел яра.
Лишӹл пистӹн укшыжы
Веньӹк пидӓш вел яра.
Ӹрвезӹ тӓнгет лишӹл гӹнь,
Шамак лыкташ вел яра.

Если липа от тебя вдали,
Годится лишь смотреть и мечтать.
Если любимый живет вдали,
То сердцу пылать, о нем мечтать.
Если же липа вблизи растет,
Годится для веника всего.
Если любимый вблизи живет,
Для злых пересудов всего
(10, с. 329-330).

Такая внутренняя символическая ситуация, как правило, отчетливо передает внутренний мир лирического героя. В приведенном примере подобная ситуация раскрыта полностью. Здесь использование метафоры *йӓнг йылаташ* 'сердцу пылать' делает образ друга более выразительным.

В социально-бытовых песнях марийцев образ липы может символизировать также и девичий век:

Ни пистӹ, ни нимисты	Ни липа, ни лутошка -
Ни ӹдыр курым, ни вăтӹ курым...	Ни девичий век, ни бабий век ...
Ӹдыр курымжым мажы шоэш?	Ничто несравнимо с девичьим веком

(10, с. 117-118).

Для марийских народных песен свойственно изображение происходящих у липы действий или ситуаций. Например:

Шем кожла покшелне шем шикш калка,	Посреди темного леса темный дым поднимается,
Ялкынже-лай тӱжваке огеш лек.	Дуплистой липы нутро горит.
Кӧрган пистын кӧргыжӧ йӱлалеш,	У нас внутри также горит,
Менанат-лай кӧргына йӱлалеш.	Только пламени не видно

(12, с. 243-244).

В нашем примере народным исполнителем также используется метафора *кӧргыжӧ йӱлалеш* ‘душа пылает’. Такое символическое действие способствует раскрытию душевных переживаний лирического героя. Важно отметить, что народ - творец народных песен - испокон веку при помощи образа дуплистой липы раскрывал печальную долю сироты. Например, во многих песнях лирический герой рассказывал, что он родился и вырос внутри дуплистой липы:

Ачаемат уке мыйын, аваемат уке,	Нет у меня отца, нет и матери,
Кӧрган пистеш шочылден кушкынам.	В дуплистой липе я родился и вырос.
Кӧрган пистеш шочынам,	В дуплистой липе родился,
Эр лупсеш кушкынам.	На утренней росе рос.

(13, с. 27).

Исследование показало, что дерево, растущее у дороги (на краю поля, двора, за реками), в большей степени раскрывает социальное положение лирического героя, но в свадебных песнях восточных мари может выразить и родственные отношения:

Корно воктен ужар нымыште,	Около дороги молодая зеленая липа,
Корно ен̑же шинча азапшым.	Дорогой ходивший человек знает заботу.
Мемнан шочшо пешат мӱ̑ндыр.	Наша родня очень далеко,
Ош Юмыжо шинча эсенжым.	Пусть Бог даст здоровье.

(14, с. 8).

А. Аптриев в своем «Сборнике черемисских песен, записанных в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905-1907 годах» включил данный текст в раздел религиозных песен. По нашему мнению, приведенный пример можно отнести к другой категории, например, к песням-раздумьям или же к песням, исполняемым только для родственников. Учитывая тот факт, что данный текст был записан еще в начале XX века, сле-

дует признать, что подобная классификация вполне могла соответствовать духу того времени.

В заключении можем сказать, что образ липы является важным художественным компонентом во всех областях марийского устного народного творчества. В песенной лирике народа мари поэтическая интерпретация образа липы раскрывается в разных аспектах. Посредством образа липы определяются как природные изменения, так и дружественные или родственные отношения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремов А.С.* Структура модели марийских названий растений // Труды по финно-угроведению. Тарту, 1984.

2. *Стунджене Б.И.* Образ дерева в литовских народных песнях. Диссертация на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Вильнюс, 1990.

3. *Знаменский П.* Горные черемисы из Казанского края (Из наблюдений очевидца) // Вестник Европы. 1867. Т. IV.

4. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская языческая вера и этническое самосознание. Карельский институт Университета ИОЭНСУУ, 1997.

5. *Кузнецов С.К.* Черемисская секта «Кугу сорта». Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев. М.: Типография Императорского Московского ун-та, 1909.

6. *Акцорин В.А.* Фольклор как один из видов национального культурного комплекса марийского народа // Историко-культурный комплекс Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1996.

7. *Морохин Н.В.* Марийские священные рощи и деревья Нижегородской области // Нижегородские марийцы. Сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев. Йошкар-Ола, 1994.

8. *Китиков А.Е.* Марийские народные приметы. Йошкар-Ола, 1989.

9. *Меджитова Э.* Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985.

10. *Акцорин В.А.* Горномарийские народные песни // НРФ МарНИИ. Оп. 3, д. № 390.

11. Культура чувашского края. Часть I: Учебное пособие /В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др /Сост. *М.И. Скворцов*. Чебоксары, 1995.

12. Песни восточных мари: Свод марийского фольклора /Сост. *Г.Г. Гадиатов*. Йошкар-Ола, 1994.

13. *Иванов И.С.* Марий калык лирика. Марийская народная лирика. Йошкар-Ола, 1980.

14. *Аптриев А.* Сборник черемисских песен, записанных в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905-1907 гг. Перевод В.М. Васильева. Казань, 1908.

Ludmila Shabdarova

SYMBOLIC VARIETY OF LIME-TREE IN MARI FOLK-LORE

The general name of lime in the Slavic and Baltic languages is connected with the word lipti 'to stick', besides it is supposed, that more ancient name of the above mentioned plant - lenta, is at present used in the meaning of 'board'. Lime-tree is one of the favourite and worshiped trees of the Maris. In mythological views of the Maris it is sacred. In fairy tales, songs it is mentioned that lime-tree gives energy, especially to women.

In case of an illness it is presented with meal and basket with horns. The lime image can also be found in folk omens. This knowledge is in the basis of folk omens.

The lime image is often found in folk songs, chastooshkas.

In this connection it is interesting to note, that in the Chuvash mythology lime-tree *(Çăка)* corresponds to senior women of a kin or a family and is concretized in the real mother *(анне)*. Besides the above given comparisons in the Mari folk poetry the parallel of the lime image and image of a friend can be found. In Mari social songs lime-tree can symbolize the maiden century as well:

In song lyrics of the Mari people the poetic interpretation of the lime image is revealed in different aspects. The lime image can define both natural changes, and friendly or family relations.

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

ПЕРСОНАЛИИ

ПРОФЕССОРУ И.С. ГАЛКИНУ – 70 ЛЕТ

16 сентября 2000 г. отметил свой 70-летний юбилей один из ведущих финно-угроведов, крупнейший специалист по марийскому языку, Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Марий Эл, член Общества родного языка (Таллин, 1954), зарубежный член Финно-угорского общества (Хельсинки, 1973), Внереспубликанский академик Национальной академии наук и искусств Чувашской республики (Чебоксары, 1992), почетный профессор Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, 1996), заведующий отделом языка ордена "Знак Почета" Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, доктор филологических наук, профессор Иван Степанович Галкин.

Он родился в деревне Рошня Советского района Республики Марий Эл в семье крестьянина. В 1938-1948 гг. учился в Ронгинской средней школе. В 1948 г. поступил на финно-угорское отделение историко-филологического факультета Карело-Финского (ныне Петрозаводского) университета, который окончил в 1953 г. Еще в студенческие годы определились научные интересы юбиляра, он обратил внимание на сбор и систематизацию марийского языкового материала по истории языка. В 1953-1956 гг. И.С. Галкин – аспирант при кафедре финно-угорских языков Тартуского университета Эстонии. Здесь он под руководством известного эстонского академика Пауля Аристэ написал кандидатскую диссертацию на тему "Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке" и защитил ее в 1958 г. В этом исследовании он впервые подробно осветил историю марийских глагольных суффиксов.

Позже появился ряд работ, посвященных проблематике глагола: "К вопросу о возникновении двух типов спряжений в марийском языке" (1959), "К вопросу о происхождении суффикса *-ед* в марийском языке" (1960), "К истории форм 1-го и 2-го лица марийского глагола" (1961), "Развитие системы глагольных времен в современном марийском языке" (1979).

Все эти и другие труды внесли существенный вклад в разработку проблем грамматики марийского языка, их основные положения нашли отражение в научной и школьной грамматиках.

После окончания аспирантуры И.С. Галкин был направлен в Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Здесь работал сначала младшим научным сотрудником, затем - в качестве с.н.с. Одновременно читал лекции по исторической грамматике, истории марийского литературного языка и диалектологии в Марийском государственном педагогическом институте им. Н.К. Крупской.

В 1960 г. его как пытливого ученого и пропагандиста научных знаний Совет Министров и обком партии республики назначают директором МарНИИ, который он возглавлял до 1982 г.

В 60-е гг. плодотворно занимается исследованием исторической морфологии родного языка. Результаты многолетней работы опубликовал в двух томах фундаментального труда "Историческая грамматика марийского языка" (1964, 1966), который представляет собой крупнейшее исследование по истории марийского словоизменения и словообразования. На основе этой монографии в 1968 г. на ученом совете Общественных наук Эстонской ССР ее автор защитил докторскую диссертацию на тему " Историческая морфология марийского языка".

С основания Марийского госуниверситета (1972) И.С. Галкин принимал активное участие в его деятельности. Был первым заведующим кафедрой языка и литературы (1972-1975).

Научная и общественная деятельность юбиляра весьма многогранна. Его интересуют разнообразные проблемы финно-угорского и марийского языкознания. Основные труды И.С. Галкина посвящены разработке вопросов истории марийского и других финно-угорских языков. Под его руководством написана 4-хтомная научная грамматика марийского языка (1960, 1961, 1972), составлен большой "Русско-марийский словарь" (1966). По инициативе юбиляра и под его руководством сейчас идет работа над изданием многотомного "Толкового словаря марийского языка". На данный период издано 5 его томов (1990, 1992, 1994, 1998, 2000). Словарная картотека отдела языка НИИ насчитывает более 1,5 миллиона единиц. Под его руководством ведется составление "Топонимического словаря Республики Марий Эл". Часть материала опубликована в его монографиях "Тайны марийской топонимики" (1985), "Кто и почему так назвал.

Рассказы о географических названиях Марийского края" (1991). В них в популярной форме рассказывается о происхождении названий и на этой основе делается попытка определить примерную прародину мари и относительную хронологию заселения территории Марий Эл.

В студенческих научных кружках юбиляр сумел привить интерес и любовь к проблемам марийской топонимии. Окончив вузы, его ученики написали кандидатские и докторские диссертации. Например, В.В. Кузнецов кандидатскую диссертацию на тему "Ойконимы бассейна реки Илеть МАССР", А.Н. Куклин – докторскую диссертацию "Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)".

И.С. Галкин является составителем и редактором серии сборников "Вопросы марийской ономастики". Он имеет Международный индекс, за эти 9 лет издано 8 сборников. В этой серии ученые выступают с исследованиями о происхождении всевозможных личных имен. Сам составитель опубликовал статьи "Происхождение названий дней недели" (1985, 5 вып.), "Народные названия месяцев в марийском языке" (1993, 8 вып.). Недавно вышла его книга "Марийская ономастика. В помощь краеведам" (2000).

Круг научных интересов ученого довольно широк. Его труды выходили в свет в различных изданиях финно-угорского мира, в частности в Будапеште, Хельсинки, Турку, Таллинне, Петрозаводске, Сыктывкаре, Саранске, Чебоксарах и др.

В течение ряда лет И.С. Галкин плодотворно работал над созданием учебных пособий и программ для преподавания дисциплин по финно-угорской филологии в национальных отделениях вузов республики.

Он проводит большую работу по редактированию и рецензированию монографий, сборников, научных работ марийских и финно-угорских лингвистов. Он выступал в качестве оппонента при защите докторских и кандидатских диссертаций в Москве, Тарту, Турку, Таллинне, Ленинграде, Саранске, Йошкар-Оле и т.д.

Юбиляр является автором 8 монографий своих исследований и 7 монографий, выполненных в соавторстве с другими учеными.

В 1991 г. по инициативе И.С. Галкина при МарГУ был создан Диссертационный совет по защите докторских диссертаций по финно-угорским и самодийским языкам. За 9 лет на его заседаниях защитились 35 соискателей. Докторские диссертации защитили 17 ученых, кандидатские – 18.

За период директорства И.С. Галкина укрепился кадровый состав работников МарНИИ и его научно-техническая база. Количество сотрудников возросло от 12 до 46 человек. Через аспирантуры академических институтов были подготовлены этнографы, фольклористы, археологи, искусствоведы, экономисты, социологи. В институте открылись отделы социологии, искусства и архео-

логии. Расширилась тематика научных исследований. Изданы такие основательные труды: "Очерк истории Марийской АССР" в 2 томах, "Очерки истории марийской литературы" в 2 томах, "Происхождение марийского народа", "Современный марийский язык" в 4 томах, "Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья" в 2 томах, "Восточные марийцы" Г.А. Сепеева, "Марийская народная драма" В.А. Акцорина, "Марийские народные загадки" А.Е. Китикова, "История марийского литературного языка" И.Г. Иванова и многие другие.

В институте ежегодно стали проводиться комплексные экспедиции языковедов, фольклористов, этнографов.

Благодаря стараниям юбиляра, заметно пополнились фонды научной библиотеки института. Пополнился и научный рукописный фонд библиотеки фольклорными, этнографическими, лингвистическими материалами, создана богатая коллекция находок археологических экспедиций. В это время была традиция: каждый командированный в крупные города должен был скопировать материалы, касающиеся истории, этнографии или фольклора мари, и сдать вместе с отчетами о командировке.

Начали концентрировать фото, -киноматериалы, магнитофонные записи. Осенью 1974 года институт переехал из деревянного старого здания в новое современное, где научным сотрудникам созданы надлежащие условия для работы.

Велика заслуга юбиляра в подготовке научно-педагогических кадров для республики. И.Г. Иванов, Д.Б. Казанцев, Г.М. Тужаров, В.А. Акцорин, Д.М Кульшетов, А.М. Александров, А.С. Патрушев, В.П. Васильев, З.В. Учаев, Н.С. Попов, А.А. Васинкин и многие другие считают юбиляра своим наставником.

И.С. Галкин успешно сочетал свою научную деятельность с общественной работой. В течение 12 лет являлся Председателем республиканской организации общества "Знание". Неоднократно избирался депутатом Йошкар-Олинского горсовета, членом Марийского обкома КПСС.

За заслуги в научной и педагогической деятельности И.С. Галкин награжден орденом "Знак Почета", медалями "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина" (1970), "Ветеран труда" (1985), "50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." (1995), Почетными грамотами Президиума Верховного Совета МАССР (1960,1965,1972).

В 1975 г. ему присвоено почетное звание "Заслуженный деятель науки Марийской АССР", в 1981 г. - почетное звание "Заслуженный деятель науки РСФСР".

Александр Китиков
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

К 55-ЛЕТИЮ МАРГАРИТЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ИВАНОВОЙ

Отец Маргариты Григорьевны - Григорий Иванович был ростом невелик, не суетлив, обстоятелен во всем, что касалось его долга и предназначения. В 1940 г. он поступил в Можгинское педагогическое училище, но уже в первый день войны пришел в военкомат с заявлением. "На фронт успеешь, – сказал ему опытный военный комиссар, – годков и роста еще не набрал, а для военного училища – как раз".

Григорий Иванович учился военному делу в городе Кирове, куда было эвакуировано Львовское пехотное училище. И уже в декабре 1941 года в составе 46-й бригады, сформированной в Кезском районе Удмуртии, был направлен под Москву в качестве наводчика противотанкового оружия. Участвовал в знаменитом сражении, остановившем немецкое наступление и решившем судьбу столицы нашей Родины.

После ранения и лечения в Свердловском госпитале младший лейтенант Иванов был направлен через Ладожское озеро в осажденный Ленинград. Снова ранение, но он остался в строю на Ленинградском фронте. Всего за войну Иванов провел около трех беспрерывных лет в окопах на передовой, получил пять ранений. Пятое привело командира роты к инвалидности второй группы и демобилизации.

В 1944 году он вернулся на Родину с боевыми орденами, множеством медалей и, огорчив многих местных красавиц, женился на Агафье, которую ласково называл Оги.

Вскоре у них родилась дочь. Назвали ее Маргаритой. Отец не чаял в ней души, может быть потому, что она была первым ребенком и единственной дочерью. Как всякий родитель, он мечтал о ее славном будущем, но, как потом признавался, никак не мог предвидеть, что его дочь станет вы-

дающимся медиевистом, ученой, известной далеко за пределами Удмуртии и России.

За Ритой с перерывами в 2–3 года рождались мальчики: Семен, Михаил, Иван, Александр. Была еще девочка Зина, но ей не выпала судьба жить. Так Маргарита стала помощницей матери в воспитании своих четырех братьев. Материнское отношение к ним у нее останется на всю жизнь. Будет помогать им получать образование, обустраиваться в жизни, постоянно находиться в курсе их проблем, а когда не станет родителей, возьмет их роль на себя. Будет помогать им материально, одну из племянниц возьмет на воспитание и содержание с 14 лет. Племянница Лена окончит престижный лицей в Ижевске, поступит в университет, будет учиться одновременно на двух факультетах (историческом и юридическом), в совершенстве освоит английский язык и компьютерную технику, будет выступать на международных конференциях с докладами. Оправдает ли она в полной мере надежды своей тети, – покажет время, но Маргарита Григорьевна вложила в нее всю душу, все педагогическое умение и создала ей блестящую стартовую площадку для взлета к вершинам науки.

Отец был педагогом от Бога. Бывало, соберет всех детей, усадит их вокруг себя и начинает рассказывать сказку: "Жили-были муж с женой. Одна девочка и четыре мальчика". – "Не надо. Не надо!" – останавливали его дети, предвидя, что сейчас рассказ пойдет об их шалостях и проделках. – Мы больше не будем.

Рядом с деревней протекала говорливая речка, в прудах водилась рыба, плескались гуси и утки. На высоких холмах зимой катались на санках и лыжах, летом собирали грибы и ягоды. Устав, садились под липу и кушали сладкие "пирожки", заворачивая ягоды в молодой лист липы. Веками складывался набор ягод и плодов, листьев и кореньев, употребляемых удмуртами в пищу. Взрослые передавали свои знания природной кухни своим детям, были уверены в том, что это благотворно отражается на здоровье, формирует выносливость и сопротивляемость организма.

Маргариту на рассвете будили капельные звоны, с восторгом слушала она петуха, соревнующегося в вокальных способностях с соседским соперником. Любила наблюдать за распускающимся цветком, слушать грачей и галок над кронами вековых ив и тополей, растущих по берегам речки, протекающей за огородом. Все это незаметно пронизывало впечатлительную душу девочки, но осознала она этот дар не сразу, а после того, как вылетела из родного гнезда в самостоятельный полет, подобно оперившемуся птенцу.

Маргарита представляла свое будущее не иначе, как связанное с учительством. Несмотря на то, что самый близкий человек – отец – был педа-

гогом, в ее воображении учителя казались слепленными из особого благородного материала.

В школу она пошла в неполные семь лет, но уже умела читать и писать, освоила устный счет. На радость родителям училась на отлично, правда, подводило чистописание. И не было случая, чтобы кто-то из старших мог обидеть младших или не прийти к ним на помощь, когда это требовалось.

Отец вовлекал своих детей в художественную самодеятельность. Сам он играл на всех струнных и хроматических инструментах. Балалайки, домры, гитары, гармони то залихватски, то уныло напевно звучали в этом доме. А когда в дело шли гребни, заслонки, пилы, бутылки в разной степени наполненности, издающие удивительные звуки, дети приходили в восторг. Импровизированные концерты приносили не только радость удивления окружающим миром, но и чувство первооткрытия.

Непременным условием воспитания детей в удмуртской семье был и остается до сих пор труд. Маргарите больше нравилось работать в колхозе. По утрам старалась раньше всех прибежать на конюшню, чтобы успеть занять добрую лошадку и упряжь. Вывозить навоз на поля было намного интересней, чем выполнять работы по дому, участвовать в заготовке дров или сена. Лежа на теплой ржаной соломе, она вглядывалась в звездное небо, пытаясь разгадать хотя бы одну тайну Мироздания. Жуткое и сладостное ощущение испытывала Маргарита от бездны Неба. Ей казалось, что там живут ее давние-давние предки, и они видят все, что происходит на Земле.

Отец сохранил в себе спокойствие и нежность, обстоятельность и мудрость. Ненавязчиво воспитывал в детях чувство Родины. Он знал, что это чувство не возникает от риторики. Родина может быть душевно обретена только тогда, когда человек включается в процесс общего творчества, вносит пусть даже небольшой, но личный вклад в общее дело. И не надо ждать и надеяться на то, что Родина сама пропитает наши души этим великим сознанием, удержит нас в своем мудром лоне. Зов Родины должен вызревать в глубинных истоках сознания человека.

В 13 лет Маргарита поступила в Можгинское педучилище, созданное в 1918 году усилиями двух выдающихся удмуртских общественно-политических деятелей Трофима Кузьмича Борисова и Константина Сергеевича Яковлева. Это училище занимало особое место в истории удмуртского народа. Из робких, стеснительных деревенских мальчишек и девчонок оно воспитывало интеллектуальную элиту народа. Из его стен вышли государственные и общественно-политические деятели, ученые, писатели и поэты, и конечно, учителя.

В педучилище Маргарита особенно остро почувствовала разницу между деревенскими и городскими ребятами. Последние отличались и обликом, и знаниями, не страдали, подобно деревенским, комплексом неполноценности. Это открытие задело ее самолюбие, но не привело в уныние. Огромную помощь в этом ей оказали учителя. Они были именитыми, известными во всей республике и заслуженными в России.

В 1963 году Маргарита Григорьевна Иванова получила диплом учительницы начальных классов и пришла работать в свою деревню. Дали ей четвертый класс, в следующем году – первый. Выговорить ее имя и отчество с четырьмя трудными "*р*" малыши не могли и обращались к ней ласково "дышетись" (учительница). Непосредственность этих детей приводила молодую учительницу в умиление и восторг. Они притрагивались к ней, как к святыне. Смотрели на нее, как на богиню. Прижимались к ее плиссированной юбке. Какое сердце при этом не растает и не раскроется ответной любовью. При поступлении в институт была уверена, что обязательно вернется в младшие классы.

В 1965 году Маргарита Иванова, выдержав огромный конкурс, поступила на исторический факультет Удмуртского государственного педагогического института. Это учебное заведение было создано в марте 1931 года и также являлось кузницей кадров Удмуртии. В. Е. Майер буквально пестовал студентов, искал и находил в них творческую струнку. Именно он предложил Маргарите после окончания института поступить в аспирантуру. Хотя она не совсем представляла, что это такое, и пока вообще мало понимала суть научной работы, все же последовала совету авторитетного ученого. Она выдержала экзамены и была зачислена. Первая, наиболее значительная, экспедиция прошла под руководством известной в стране исследовательницы Светланы Викторовны Ошибкиной на реку Вятку. Но Маргарита еще не почувствовала трепета от найденных предметов древности. Они не возбуждали ее воображения, не вызывали восторга. Археология для нее была еще подобна челну, качающемуся без руля и ветрил на зыбких волнах жизненного пространства.

Научным руководителем аспирантки М.Г. Ивановой стал выдающийся исследователь средневекового Поволжья и Прикамья - Алексей Петрович Смирнов. Маргарита начала готовить к публикации материалы Кушманского городища, которое находилось в Ярском районе, и уже тогда рассматривалось Алексеем Петровичем как ремесленный центр и протогород северных удмуртов.

А.П. Смирнов в душе М.Г. Ивановой оставил неизгладимый след. Был он уже в пожилом возрасте, сильно болел. Бывало, с трудом поднимался по лестнице и с болью в голосе говорил своей ученице: "Очень нехорошее это

состояние – старость". Он не хотел уже ее брать в аспирантки, но, видно, через нее решил реализовать то, что не успел сделать, чем был всецело захвачен в своей молодости, но не смог раскрыть в полной мере. В те далекие 1920-е годы, стоя на горе Иднакар, он до щемоты в сердце ощутил, что под его ногами кроется великая история удмуртского народа, тайна, которую кому-то посчастливится раскрыть и подарить этому многострадальному народу. Когда надо было рецензировать ее работу, обращался к сотрудникам своего отдела с просьбой о снисходительности. На защиту Маргарита вышла в 1975 году. Обожаемого учителя уже не было в живых. Защита задержалась на полтора года, так как у диссертантки не было опубликованных трудов. В это время она уже работала научным сотрудником в Удмуртском научно-исследовательском институте при Совете Министров Удмуртской АССР. Самым удручающим обстоятельством ее жизни было то, что она не имела жилья. Жила у подруг, родственников, какое-то время обитала в рабочем кабинете в институте. Деятельное участие в ее судьбе принял директор института Василий Григорьевич Гусев. В то же время, когда нужно было опубликовать ее труд в виде монографии, этот администратор не нашел 200 рублей для оформительских работ. Потом диссертацию пришлось дробить на мелкие статьи и публиковать в различных изданиях.

Все же она учла желание своего учителя и решила изучать памятники чепецкой культуры, прежде всего, городище Иднакар, еще не представляя себе, что это городище, с одной стороны, станет камнем преткновения, с другой – делом всей жизни. И появится столько препятствий, на преодоление которых нужно было бы десяток опытных борцов. И, конечно, она не думала, что археология для нее станет самым острым инструментом в борьбе за судьбу своего народа.

Фактически на протяжении четверти века шла неустанная и непрерывная борьба за сохранение этого уникального памятника истории.

В этой неравной борьбе можно было прийти в отчаяние, но согревало ее душу сознание того, что она не одна, а с великим А.С. Пушкиным, который помогал ей из глубины полутора веков своими знаменитыми строками: "Два чувства дивно близки нам..." Ученые в своих непопулярных ныне чувствах и устремлениях могли бороться только своим словом и взывать к совести твердолобых чиновников, с маниакальной последовательностью продолжающих разрушать Иднакар и тем самым публично демонстрирующих пренебрежение к святыне удмуртского народа. В книге "Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX в." (Вятка, 1911, с. 80) П.Н. Луппов опубликовал Извлечение из рапорта Вятского епископа Нила от 14 апреля 1838 года об успехах действия на новокрещеных вотяков. В документе утверждалось, что глазовский миссионер Иосиф Стефанов в де-

ревне Паскотин истребил капище Идны-батыра, славного по преданию вотяков богатыря и волшебника. Тот же П.Н. Луппов в книге "Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в.", опубликованной в 1911 г. в "Трудах Вятской ученой архивной комиссии" писал о том, что "Священник села Полом Петр Мышкин отобрал у вотяков серебряного идола весом в 4 фунта". Эти исторические факты ошеломили молодую исследовательницу и еще больше возмутили ее существо. В противовес варварам прошлого М.Г. Иванова вернула нашему государству клад серебряных гривен весом около двух килограммов, найденный ею на городище Гурьякар. Ею были извлечены из культурного слоя более двадцати тысяч уникальных экспонатов, оцениваемых по зарубежным меркам в миллионы долларов, и переданных в фонды музея.

То, что творилось в условиях царизма, можно понять и простить. Но невозможно понять поведение современных чиновников, получивших высшее образование, имеющих высшие звания ученых, которые по своим служебным обязанностям и долгу служения Истине и научной добросовестности должны охранять культурное и историческое наследие каждого народа, бережно относиться ко всем явлениям межнациональных отношений, но действующих совершенно противоположно этим правовым и моральным нормативам. Но тщетно было взывать к совести и чувству долга отдельно взятого чиновника, когда он является плотью системы, установленной в нашей стране в последнее десятилетие. С сожалением отметим, – системы, традиционно поддерживаемой в России на протяжении многих веков.

Ведя борьбу за Иднакар, М.Г. Иванова старалась просвещать тех, от которых зависела судьба памятника, и обращалась за помощью к именитым ученым страны. В 1990 г. М. Г. Иванова выпустила брошюру под названием "Иднакар – гордость наша и боль" тиражом в 2000 экземпляров, с тем, чтобы ознакомить с проблемами памятника широкие слои населения, прежде всего интеллигенцию и государственных служащих.

Но, для того чтобы убедить чиновников в уникальности и высочайшей значимости Иднакара, необходимо было привлечь высокие и авторитетные силы ученых страны и мира. В 1989 г. в честь 90-летия А. П. Смирнова на городище был проведен I Всесоюзный полевой симпозиум, посвященный обсуждению проблем средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ведущие ученые страны доктора наук В.А. Оборин (Пермь), К.А. Смирнов (Москва), А.Г. Петренко, Е.П. Казаков (Казань) и другие, участвовавшие в его работе, признали, что Иднакар, несмотря на немалые разрушительные вмешательства, продолжает представлять собой эталон средневековой крепости лесной зоны. Городище имеет исключительное значе-

ние для историко-культурных реконструкций, и в специальной резолюции симпозиума выразили большую тревогу о его состоянии.

В 1991 г. был разработан проект охранных зон: площадь памятника определена в 13 га, охраняемой территории – 24 га, зоны регулируемой застройки – 41 га, охраняемого ландшафта – 360 га. Вся площадка и прилегающая территория выводились из хозяйственного оборота.

В 1993 г. Министерством культуры Удмуртской Республики было принято решение о создании музея под открытым небом "Городище Иднакар" в рамках филиала Глазовского краеведческого музея (приказ № 262 от 29 июля 1993 г.). Это решение не было в полной мере подкреплено достаточным финансированием. Но вскоре стали проводиться выставки материалов, городище было включено в маршруты экскурсионного обслуживания.

Подготовленный Министерством культуры проект постановления Правительства по созданию музея не был представлен для ознакомления непосредственным инициаторам этого дела. Попытка воздействовать на изменение сути его в период заседания Президиума Правительства со стороны УИИЯЛ УрО РАН была безуспешной. В результате принято постановление, которое не могло действовать. Музейное учреждение получило статус республиканского, финансирование определено только на год, притом долевое, – одним словом, все было направлено на то, чтобы в последующие годы учреждение повисло между учредителями или полностью легло на плечи г. Глазова. Что и случилось в 1999 г. И снова М.Г. Ивановой пришлось бороться за придание республиканского статуса своему детищу – Музею.

Несмотря на неоднократные письменные и устные просьбы, публикации в средствах массовой информации о необходимости выделения средств на проведение экспедиций, реставрацию и консервацию коллекций, создание экспозиций удмуртское республиканское Правительство не выделяло ни одного рубля. Реставрация и консервация коллекций проводились за счет скудных средств УИИЯЛ УрО РАН. Фактически два бедных учреждения взяли на себя задачу огромной государственной важности и осуществляют ее на основе энтузиазма и свойственного им чувства долга и патриотизма, а республиканские государственные учреждения со спокойным цинизмом посторонних наблюдателей следят за этими потугами доведенных до агонии коллективов. И все же 16 июня 1999 г. в присутствии ведущих ученых страны и зарубежных специалистов – участников Международного полевого симпозиума на Иднакаре, посвященного 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова, – была открыта новая экспозиция музея. Коллеги поздравляли М.Г. Иванову с огромным жизненным успехом и по-хорошему завидовали ей.

Так проходят дни, недели, месяцы и годы. М.Г. Иванова за 30 лет научной и научно-педагогической деятельности получила широкую известность не только в Удмуртии и России, но и за рубежом как видный специалист в области средневековой финно-угорской истории. Одним из наиболее значительных достижений ее деятельности, как было уже сказано выше, является создание в г. Глазове историко-культурного музея-заповедника "Иднакар", фонды которого сформированы исключительно в результате ее систематических и планомерных исследований крупнейшего городища Иднакар и окружающих его памятников. Благодаря ее настойчивой и неутомимой борьбе за сохранность памятника, он полностью был освобожден от разрушительных воздействий и стал самостоятельным памятником российского значения.

Четверть века она изучает городище Иднакар и окружающие памятники древней истории удмуртов. Каждое лето ей приходится располагаться на длительный срок в палаточном городке на берегу стремительной реки Пызеп. Издан ряд книг, в том числе с участием ведущих ученых страны подготовлена коллективная монография "Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века" (1999 г.). Книга в две тысячи экземпляров разошлась за считанные дни.

Заметным явлением в культурной и научной жизни Удмуртии стал выпуск ее книг "Погребальные памятники северных удмуртов IX–XIII вв." (1992 г.), "Истоки удмуртского народа" (1994 г.). Четвертьвековой труд был обобщен и изложен в фундаментальной монографии "Иднакар" (1998 г.). С упоением она работала над книгой-альбомом "Древнее искусство Удмуртии" (2000 г.). К тому же необходимо учесть, что все эти годы М.Г. Иванова выступала организатором научных исследований в качестве заведующего отделом археологии (с 1981 г.) и одновременно ученым секретарем института (с 1996 г.)

Ныне с уверенностью можно сказать, что М.Г. Иванова сыграла значительную роль в истории удмуртской науки и культуры, обогатив ее важнейшими открытиями. Исследуя Иднакар по новой методике, она ярко и доказательно продемонстрировала, что в период средневековья удмурты находились на стадии формирования феодальных отношений, имели развитую культуру и экономику, широкие торговые и культурные связи, военно-политическую организацию, зачатки государственности и мало отличались от соседних народов лесной полосы Восточной Европы. Иднакар являлся крупным центром стабильной этносоциальной общности, и его значение для удмуртов такое же, какое имеют Новгород и Киев для славянских народов.

Необходимо было неустанное самопожертвование ученого, так как изучение Иднакара не входило ни в одну государственную программу и проводилось на инициативных началах на скудные средства Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, ранее УдНИИ при СМ УАССР.

В 1991 г. она обратилась к ученым Физико-технического института УрО РАН с идеей создания специального прибора для электрометрических исследований культурного слоя памятника и предложением о совместной разработке таких приборов и компьютерных программ. Началось сотрудничество двух коллективов в области применения неразрушающих методов археологических исследований, и городище Иднакар стало экспериментальной базой для совместных работ археологов и физиков. Со стороны УИИЯЛ УрО РАН руководителем проекта была М.Г. Иванова, а от Физико-технического института – доктор физико-технических наук В.А. Алексеев. Группой молодых ученых-энтузиастов во главе с выпускником Ижевского технического университета И.В. Журбиным был создан автоматизированный электроразведочный комплекс, названный в честь городища "Иднакар", который позволяет не только изучать неразрушающими методами археологические памятники, но и определять расположение в культурном слое археологических объектов из различных материалов.

В настоящее время с использованием прибора без проведения трудоемких раскопок решается задача выявления планировки памятника и определение расположения наиболее интересных объектов. Воспитанник М.Г. Ивановой и В.А. Алексеева Игорь Витальевич Журбин защитил диссертацию, имея на руках уже патент на открытие. Прибор "Иднакар" на Брюссельской выставке новых разработок получил высшую оценку и "Гран-при". Результаты его работы были продемонстрированы М.Г. Ивановой при защите ее докторской диссертации в Институте археологии РАН 1 марта 1996 г. Именитые ученые были приятно поражены тем, что в периферийном институте при помощи нового прибора, включенного в компьютерную систему, могут получить цветные распечатки культурного слоя археологического памятника в полевых условиях. Группа сотрудников Физико-технического института УрО РАН с 1992 г. успешно работала в нескольких археологических экспедициях. Особенно интересные результаты совместных исследований достигнуты в экспедициях Института археологии РАН под руководством доктора исторических наук, профессора, заведующего лабораторией естественнонаучных методов в археологии Е. Н. Черных (г. Москва), Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и Удмуртского госуниверситета. Комплекс электрометрических исследований "Иднакар" имеет большое будущее в археологии не только потому, что экономит время

и средства, но, самое главное, – открывает новые возможности эффективного поиска памятников, определяет точные границы культурного слоя и позволяет изучать этот слой, сохраняя его для потомков. Кроме того, создается возможность проводить реконструкцию и консервацию археологических памятников и создавать банки данных для гуманитарных наук. Разработка прибора в целях улучшения его технических качеств и возможностей продолжается. Вышли уже на обсуждение своих диссертационных работ новые ученые – историки и физики.

В последние годы в качестве одного из важнейших направлений деятельности института выдвигается использование компьютерных технологий в гуманитарных науках. Теперь при подготовке отчетов по итогам полевых исследований вся графическая и картографическая информация обрабатывается средствами компьютерной графики.

М.Г. Иванова, как и многие ученые России, следует традиционному принципу, – учитель воспитай ученика. Ее аспиранты разрабатывают отдельные аспекты общих проблем средневековой истории и культуры удмуртов, под ее руководством ведут раскопки на Иднакаре. Много внимания уделяет она подготовке музейных работников, непосредственно обучая их методике научной обработки полученных коллекций и материалов на основе разработанной ею научной концепции создания музея.

Распространение идеи Иднакара открыло новую страницу и в изобразительном искусстве Удмуртии. В станковых полотнах и графических работах художников стали отражаться темы эпоса и богатырского периода удмуртского народа, фольклорные и мифологические жанры.

1990-е гг. в Удмуртии отмечены тем, что люди снова обратились к истокам своей древней культуры, начали возрождать народные промыслы и ремесла. Был создан Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел. Дома ремесел открыты во всех районных центрах и крупных поселках, даже в некоторых колхозах. Древняя материальная и духовная культура удмуртского народа сразу же стала востребованной. Народные умельцы обращались и обращаются с просьбой ознакомить их прежде всего с древней историей народа, его мифологией, фольклором, декоративной и орнаментальной символикой, верованиями и представлениями, космогонической философией. И вновь здесь ведущими стали уникальные коллекции Иднакара. По просьбе мастеров народных промыслов М.Г. Ивановой подготовлено и издано методическое пособие "Вдохновение в древних истоках" (Ижевск, 1999).

Началась работа по изучению семантики богатейшей коллекции Иднакара и окружающих его памятников, читались лекции с демонстрацией коллекций и слайдов, написаны и опубликованы многочисленные статьи в

отечественных и зарубежных изданиях. На ежемесячно меняющихся выставках в Национальном центре декоративно-прикладного искусства и народных промыслов мы уже можем наблюдать многочисленные образцы изделий народных мастеров по древним мотивам, в которых органически сочетается и древнее, и современное состояние культуры.

Вершиной творческого применения древних символов можно считать создание флага и герба Удмуртской Республики художником Ю.Н. Лобановым (идеологи – доктора исторических наук В.Е. Владыкин, М.Г. Иванова и К.И. Куликов). Трехцветный флаг включает в себя основные наиболее распространенные в удмуртском орнаменте цвета: красный, белый и черный, олицетворяющие неразрывное единство трех миров, а именно: космоса, земного и потустороннего мира – и место в них естества и духа человека. В гербе Удмуртской Республики также нашли свое отражение изображения древних символов одухотворенности, полета, стремления к свободе, счастью и совершенству и прообразом центральной фигуры стали экспонаты – мифологические символы средневековья удмуртов.

На основе изучения древних истоков орнаментальной символики в настоящее время в Удмуртии началась и успешно развивается творческая работа по реконструкции и восстановлению древних костюмных комплексов с VIII–III вв. до н. эры по XVII в. н. эры и разработка на их основе современных костюмных комплексов.

Работа по возрождению костюма в современных условиях заслуживает всяческой поддержки. Общий кризис культуры, агрессивная экспансия в нее западных образцов торжествующей безнравственности ведут к утрате этничности в материальной и духовной сферах, пагубно отражаются на национальной культуре. Развитие и утверждение особого вкуса, эстетических норм в одном из важнейших признаков этнической принадлежности – костюме – является ныне ответственнейшей задачей не только в сфере культуры, но и в патриотическом воспитании общества.

Но в период выполнения "социального заказа" М.Г. Иванова фактически освоила еще одну методику в расшифровке археологического материала. Чтобы проникнуть в тайны умолкнувших веков, оказалось необходимым обратиться к другим наукам, прежде всего, мифологии, фольклору и этнографии. Только таким путем можно проникнуть в суть мифопоэтического и космогонического мышления древних. Так были раскрыты семантические корни ряда археологических предметов, олицетворяющих Шунды Мумы (Мать Солнца), трехглавого Коня-Солнца, бронзовой фигуры величественной птицы, несущей на груди человека и многих других изделий, которые до этого были вещью в себе. Углубление в другие науки позволило раскрыть глубинные корни мифологической философии, взращенной в течение

многих веков на евразийской полиэтничной культурной основе. От этого открытия М.Г. Иванова прониклась еще большей ответственностью за свою работу. Теперь она пристально всматривалась в оформление фасадов домов, наличников, внутреннего убранства и, к изумлению своему, нашла немало аналогов своим археологическим предметам. Можно было задохнуться от восторга: сознательно или нет, но современные ее сородичи окружают себя коньковыми, солярными и другими древними символами. Сквозь тьму веков они дошли до нас и живут не только в нашем сознании, но и являются непременным атрибутом нашего быта. Как наказ себе пришла сокровенная мысль: если ее предки на протяжении многих веков сохранили эту культуру, она должна всеми силами постараться не только сберечь ее, вернуть своему народу, но и умножить. То же можно сказать и о народе.

Иднакар, став субъектом истории и культуры удмуртского народа и своеобразным центром притяжения для него, приобрел ныне особый политический статус. Он как бы обречен вступать в современные этнополитические и идеологические процессы в нашем обществе, особенно усложнившиеся в 1980–1990-е гг. В этих процессах отражались бурные преобразования в жизни Советского Союза и России, стремление к суверенизации регионов, обострение межнациональных отношений, то есть все те явления, которыми живет сегодняшний российский мир. При этом отношение к Иднакару выступало своеобразной призмой преломления различных идеологических воззрений, интересов и невольно отражалось на межэтнических взаимоотношениях.

К сожалению, сегодня приходится констатировать, что в Удмуртии, где всегда была благоприятная этнополитическая ситуация, появилось немало острых проблем и противоречий. История вновь, как и в 1920-е гг., становится ареной борьбы и особого интереса в межнациональной сфере Удмуртии. Но даже в таких трагических условиях осознание того, что сделано за эти четверть века Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН и одним из его ведущих ученых доктором исторических наук, профессором М.Г. Ивановой по изучению средневековой истории удмуртов, дает право быть гордым и удовлетворенным своей судьбой.

Не каждому ученому удается создать целые направления в областях науки и культуры, разработать новую методику исследований и внести столь значительный вклад в науку и культуру своей родины, как это удалось М.Г. Ивановой. И не каждому научному учреждению дано иметь столь плодотворного сотрудника. Здесь не должно быть скоропалительных решений и выводов, недоговоренностей, подтасовок, извращений в угоду власть имущим. Жизнь и творчество М.Г. Ивановой – это еще один урок истории. В ней признак преемственности лучших традиций отечественных интелли-

гентов в новом качестве, процесса формирования современной культуры и истинно демократического мировоззрения.

Четвертьвековая борьба за Иднакар – это беспрецедентное явление в нашей жизни. М. Г. Иванова никогда не искала легкого успеха, даже в минуты душевного высочайшего напряжения шла навстречу своей судьбе без ропота, со светлым спокойствием в душе, неудачи переживала внутри себя и вновь уходила в работу, хотя не раз к ней приходили желания уйти от суеты и рутинной жизни в идеальный мир. Она понимала, что не может быть счастья без боли, без усилий и жертв, без борьбы. Ее жизненная философия и общественная позиция, стержень натуры, камертон поведения – в неустанной целеустремленной научной работе и постоянном общении. Людей разных поколений, национальностей, социального положения притягивают к ней ее приветливость, откровенность, доверительность, дружеский тон, открытость души и живой неподдельный интерес к их проблемам, готовность прийти на помощь. Без чуткого и внимательного отношения к нему, без опоры на историческое и нравственное самосознание народа невозможно преобразование человека и общественно-политической жизни. Но действенный гуманизм всегда в конечном итоге побеждает. Он отвергает все то, что задерживает нравственный рост общества и отдельной личности в борьбе за социальную справедливость и Правду. Подтверждение тому – жизненный опыт М.Г. Ивановой.

Пусть этот опыт служит светлым и путеводным примером для будущих поколений ученых и истинных интеллигентов.

Не высокопарными словами и риторикой – она их вообще не приемлет, – а внутренним голосом, жизненными поступками М.Г. Иванова служит своей Родине. И каждый раз, поднимаясь по круче Иднакарского плато, она как бы обновляет и подкрепляет свою духовную присягу на верность ей. И что бы ни случилось, какие бы еще испытания не ожидали, – ничто впереди уже не сможет свернуть ее с избранного пути. Ее труды и помыслы будут принадлежать истории своего народа. Удмуртскому народу, его грядущему в рассветный час или в час жесточайших испытаний она будет служить покорно и свято.

Кузьма Куликов
Ижевск

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: СТАВИЦКИЙ В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза. 1999. 196 с.

В монографии кандидата исторических наук Владимира Вячеславовича Ставицкого подводятся итоги многолетних работ целого ряда исследователей, в том числе и В.В. Ставицкого. Хронологическая протяженность эпохи, сложная этнокультурная ситуация каменного периода Сурско-Мокшанского междуречья, многоплановость фактического материала обусловили структуру книги.

Она состоит из введения, шести глав и заключения. Во введении дается история изучения эпохи камня с конца XIX века. Читатель знакомится с первыми исследователями древностей Пензенского края (А.А. Спицин, Б.С. Жуков, Н.И. Спрыгина). В 30-е годы XX века продолжается археологическое изучение региона П.С. Рыковым, С.П. Вернером. В 50-е и последующие годы начинаются более планомерные работы по систематизации материалов каменного века (М.Р. Полесских, М.Ф. Жиганов, В.Н. Шитов) в дальнейшем эти материалы были обобщены А.Х Халиковым и Г.М. Буровым в их монографиях.

С конца 70-х годов начинается новый этап в археологическом исследовании каменного периода Пензенского края. Работами В.П. Третьякова и А.А. Выборнова изучаются стоянки и поселения на Суре, Мокше и Ваде. Начинает планомерные работы созданная при Мордовском университете археологическая экспедиция (В.И. Вихляев). По результатам работ выходит ряд обобщающих статей (В.Н. Шитов, В.П. Третьяков), монография А.А. Выборнова и В.П. Третьякова "Неолит Сурско-Мокшанского междуречья" и ряд публикаций археологов Пензы, Самары, Ульяновска, Саранска (А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий, А.А. Королев, Ю.А. Зеленеев, В.В. Гришаков, В.Н. Шитов, Ю.А. Зеленеев, А.В. Вискалин).

К концу XX века по исследуемому региону был накоплен значительный фактический материал, требующий детального анализа и обобщения. Выполнить эту задачу взялся В.В. Ставицкий.

Первая глава вводит в круг дискуссионных проблем в изучении неолитических древностей, в частности касающихся этнического содержания неолитических культур, принципов выделения раннего периода неолита, критериев определения сходства памятников. Здесь же коротко уточняется позиция автора относительно отдельных терминов (балахнинская, льяловская, средневолжская культуры).

В главе 2 рассматриваются материалы мезолитического поселения Зарека I и на фоне его коллекции дается характеристика типологически выделенных кремневых комплексов на различных памятниках со смешанными археологическими слоями.

Представленные материалы кремневого инвентаря носят архаичные черты в технике обработки и наборе орудий и согласуются с формальными признаками мезолитических кремневых изделий. Недостаточность фактического материала затрудняет полную характеристику эпохи мезолита, что отмечает и сам автор монографии.

Анализу материалов с накольчатой и накольчато-гребенчатой посудой посвящена глава 3. Ранненеолитические памятники рассматриваются по отдельным микрорайонам. Статистические наблюдения автора по анализу данной группы посуды указывают на существование прямого родства на некоторых локальных территориях, а с другой стороны – непосредственных миграций с последующим вливанием в среду культурных соседних групп. Сложность этнокультурной ситуации в неолите Сурско-Мокшанского междуречья обусловлена существованием на его территории крупных неолитических образований (верхневолжская, средневолжская, льяловская, среднедонская культуры), которые не могли не оказывать воздействие на культуру местного населения.

Выявлению и определению таких инокультурных элементов, их роли в сложении местных неолитических культур автор уделяет достаточно внимания. В итоге выделена группа памятников раннего неолита с точечно-накольчатым орнаментом (и без орнамента) с острым дном, ближайшие аналогии которой автор усматривает в посуде елшанского типа, хотя и оговаривает некоторые отличия в керамических комплексах, что несколько смазывает четкость в определении культурного статуса посуды с точетно-накольчатым рисунком. Подтверждается наблюдение В.П. Третьякова и А.А. Выборнова о том, что накольчатая посуда Потодеевской стоянки предшествует гребенчато-накольчатой керамике Примокшанья. Эти наблюдения вполне согласуются с ранненеолитическими материалами сопредельных территорий, где накольчатая традиция в украшении посуды является древнейшей.

В отличие от Примокшанья в Верхнем Посурье чистых накольчатых комплексов не известно. На всех исследованных памятниках в разной степени присутствует керамика, украшенная гребенкой, в том числе и гибридная с зубчато-накольчатым орнаментом. Анализ посуды приводит автора к выводу о том, что данная группа посуды носит отдельные черты сходства с керамикой верхневолжской культуры (материалы типа Грабово 4) или среднедонской (памятники типа Подлесное 7). И в то же время специфические элементы верхнесурской посуды не дают оснований отождествлять ее с верхневолжской или со среднедонской. Ряд параллелей сближает верхневолжскую накольчато-гребенчатую посуду со средневолжской посудой типа Виловатовской и Ивановской стоянок. Высокие процентные показатели пластинчатого кремня в гребенчато-накольчатых комплексах Верхней Суры сближают их с прикамскими ранненеолитическими коллекциями.

Более развитый облик имеет другая группа памятников с накольчатой посудой (типа Подлесное 5, Екатериновка, Пензенские стоянки) с незначительно прикрытым устьем, округлым днищем и усложненными орнаментальными композициями. В кремневых коллекциях таких памятников отсутствуют архаичные типы кремневых орудий.

Определяя хронологическую нишу данной группы памятников В.В. Ставицкий уточняет позицию И.Б. Васильева и А.А. Выборнова, считающих что гребенчатая традиция украшения посуды появляется позже накольчатой, из чего следует вывод о синхронном существовании присурских и средневолжских (на втором этапе развития) материалов.

Однако, целый ряд отличительных признаков заставляет искать более убедительные аргументы относительно возраста верхнесурских комплексов. Для этого автор обращается к материалам среднедонских памятников, где находит общие признаки в кремневом инвентаре и керамических комплексах, подтверждая этим контакты верхнесурского населения с носителями керамики средневолжского и среднедонского облика.

Памятники с гребенчато-накольчатой керамикой анализируются в главе 4. К данной группе относятся стоянки и поселения с преобладанием гребенчатых штампов над наколами в орнаментации сосуда. Стационарными раскопками изучено 12 памятников, материалы которых легли в основу получаемых характеристик. Выделено три группы памятников: Имерская, Примокшанская и Верхнесурская. Анализ керамических комплексов, статистические подсчеты и выкладки подводят автора к выводу о влиянии накольчато-гребенчатой посуды Посурья на формирование накольчатой группы с гребечато-накольчвтым орнаментом, т.е. подтверждается ранее высказанное мнение А.А. Выборнова о сильном воздействии на население юга

лесной зоны со стороны лесостепного и слабое влияние в обратном направлении.

Обоснованно выделяется из этой группы поселение Подлесное 4 поскольку посуда его ближе всего напоминает верхневолжскую или же камскую.

Разрабатывая периодизацию и хронологию неолитических памятников Примокшанья с гребенчато-накольчатой посудой автор исследования рассматривает ее в фокусе синхронизации с верхневолжской культурой, определяя время существования данной группы памятников рубежом раннего и развитого этапа верхневолжской культуры. В то же время примокшанская гребенчатая керамика достаточно близка по своим типологическим показателям развитой (хуторской) посуде камской культуры.

Сложнее обстоит решение вопроса хронологического соотношения гребенчато-накольчатых комплексов Примокшанья с накольчатой посудой Верхнего Посурья. При наличии отдельных фрагментов архаичных сосудов, связанных с накольчатой группой, на Верхней Суре специфических признаков, характерных для поздних комплексов в примокшанской керамике, не наблюдается. Видимо, прав автор, предполагая прекращение существования присурских поселений с ранненеолитической накольчатой посудой еще до появления здесь примокшанской гребенчато-накольчатой традиции.

В главе 5 рассматриваются поселения с ямочно-гребенчатой посудой Примокшанья и Посурья. Для анализа выделены материалы 10 поселений с представительными коллекциями. Привлеченные материалы, графы и таблицы указывают на культурное единство Примокшанских памятников, чего пока нельзя сказать о памятниках Посурья ввиду слабой источниковой базы.

Определяя культурную принадлежность памятников с ямочно-гребенчатой керамикой автор, на мой взгляд, верно ищет аналогии в среде балахнинского и льяловского населения сопредельных территорий. Проведенные статистические подсчеты достаточно убедительно свидетельствуют о близости ряда памятников льяловскому или же балахнинскому культурному образованию. Культурно-хронологическая позиция их не вызывает возражений, но трудность определения их как льяловских или балахнинских, заключающаяся в известной близости этих материалов, предполагает более детальную и вескую аргументацию.

Не имея серии абсолютных дат, полученных естественнонаучными методами, автор применяет традиционный метод аналогий с подобными образованиями с выработанной хронологической шкалой. Вполне вероятно появление ямочно-гребенчатой керамики в Примокшанье уже на раннем этапе развития, что подтверждается полученной для поселения Имерка 3

датой - 5660±100 лет тому назад и бытование ее здесь до конца IV тыс. до нашей эры.

В главе 6 ставятся и, в какой-то мере, решаются проблемы происхождения и дальнейших судеб неолитических культур Сурско-Мокшанского междуречья. Как справедливо замечает автор, малочисленность источников по мезолиту региона не позволяет в полной мере рассмотреть вопрос преемственности кремневой индустрии мезолитической и неолитической эпох.

По мнению В.В. Ставицкого, носители слабоорнаментированной точечно-накольчатой керамики пришли в незаселенные или слабозаселенные районы с территории распространения накольчатой посуды среднедонского типа. В дальнейшем такая посуда получает развитие в Примокшанье (Потодеевская стоянка), а затем традиция накола угасает и появляется только в позднем периоде на Верхней Суре. Указанные в работе причины этого прерывистого развития (климатические) могли оказать существенное влияние на процессы миграции, но вряд ли они были основными. Видимо, следует искать какие-то переходные звенья между ранней и поздней фазой развития керамических комплексов, а исходя из той этнокультурной ситуации, которая сложилась в исследуемом регионе в неолите, гребенчато-ямочно-накольчатые образования. Выявление их привело бы в соответствие хронологические позиции ямочно-гребенчатых и гребенчато-накольчатых комплексов в силу их сосуществования на определенном этапе на одной территории.

Использование полевых материалов, хорошая проработка музейных коллекций и публикаций делают данное исследование обстоятельным. Основные положения – обоснованные и убедительные, не вызывают принципиальных возражений.

Несмотря на гипотетичность и дискуссионность некоторых затронутых автором проблем, рецензируемая работа является весомым вкладом в изучение культурогенетических процессов в неолите Восточной Европы, на границе леса и лесостепи. Автора следует поздравить и поблагодарить за добротно систематизированный материал.

К сожалению, вопросы дальнейших судеб неолитических культур Сурско-Мокшанского междуречья остались не решенными, отмечается лишь общая схема смены их энеолитическими культурами. Будем надеяться на будущие разработки В.В. Ставицкого и пожелаем ему успехов в решении и этой проблемы.

Валерий Никитин
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Рец.: Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века /Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск, 1999. 388 с.

Книга посвящена анализу материалов из средневековых памятников финно-угорского населения Поволжья и Приуралья. Без изучения этих древностей невозможно понять процесс сложения современных финно-угорских народов и населения Восточной Европы в целом. Подобная работа, сопоставимая по широте постановки проблемы и по полноте охвата материала, была выполнена около 50 лет назад А.П. Смирновым (1). Книга сыграла большую роль в процессе изучения истории народов Восточной Европы и считается классической. Однако, в настоящее время она устарела, так как после ее выхода были получены новые материалы, превосходящие имевшиеся в то время в несколько раз. Это позволило подробно изучить некоторые исторические явления, которых А.П. Смирнов даже не касался. Поэтому появилась необходимость изучить те же проблемы, но на уровне сегодняшнего дня с полным охватом имеющихся материалов. Именно этому посвящена рецензируемая книга. Она написана коллективом авторов, в числе которых есть ученики и последователи А.П. Смирнова. Этот обобщающий труд был подготовлен к столетию со дня рождения ученого. В работе подробно рассмотрены материалы, добытые при исследовании некрополей и поселений, позволяющие представить богатейшую культуру средневековых финно-угров. Книга включает 9 глав и предисловие. К ней прилагается библиография, включающая архивные материалы и опубликованные работы по проблеме, занимающая 35 страниц .

В предисловии, написанном ответственным редактором книги М.Г. Ивановой, излагается история создания работы и перечислены ее разделы.

Глава "Слово об учителе" подготовлена М.Г. Ивановой, Т.Б. Никитиной, Э.А. Савельевой. Они кратко рассмотрели вклад А.П. Смирнова в изучение археологии и истории финно-угорских народов Поволжья и Приуралья и, в частности, отметили, что многие его положения, построенные на основании небольших материалов, не устарели. Они звучат актуально на современном этапе развития археологии и получили дальнейшее развитие в

работах его учеников и последователей (стр. 9). Интересно, что в то время, когда изучение многих проблем только начиналось, ученый всегда рассматривал явления на широком историческом фоне. С этим было связано то, что в своих исследованиях он всегда уделял большое внимание различного рода связям между народами в древности и взаимным влияниям. Основные научные идеи А.П. Смирнова выдержали проверку временем и получили углубленное развитие в работах его учеников.

Глава "Меря" написана А.Е. Леонтьевым (стр. 18). Автор подробно проанализировал все материалы, позволяющие судить об этом упомянутом летописью народе, который был ассимилирован славянами вместе с племенами веси и муромы в эпоху сложения древнерусской народности. Письменные источники о мере скудны и судить о ней можно главным образом по археологическим материалам. Среди поселений автор большое внимание уделяет Сарскому городищу, которое по целому ряду показателей отличалось от других поселений и не входило ни в одну из территориальных групп. Все это позволило А.Е. Леонтьеву высказать предположение, что оно было общим племенным центром (стр. 32). Сарскому городищу, судя по археологическому материалу, были свойственны две функции: военная и торговая. Большое внимание автор уделил взаимоотношениям мери и славян (стр. 55). Как происходило заселение мерянских земель славянами, видно на примере Ростова, который возник на месте мерянского поселения на берегу озера поблизости от Сарского городища.

Глава "Мещера" написана Е.А. Рябининым (стр. 67). Автор рассмотрел историю изучения летописной мещеры - наиболее загадочного племенного объединения в Волго-Окском междуречье. Древности, связываемые с этим племенем, представлены в основном могильниками. Как на особенность погребального обряда мещеры автор указывает на отсутствие в погребениях орудий труда и приходит к заключению, что летописная мещера - это особая группа волжских финнов, имеющая ряд общих элементов с соседними муромой и мордвой, но вместе с тем отличающаяся от них (стр. 85).

Культуру муромы проанализировали В.В. Гришаков и Ю.А. Зеленеев (стр. 89). Авторы отмечают, что мурома, которая заселяла часть бассейна нижней Оки, как самостоятельное объединение исчезла с исторической арены к XII веку, частично ассимилированная славянами, частично переселившись в булгарские, мордовские и марийские земли. Но вместе с тем она оказала большое влияние на этногенез и культуру всех этих народов.

Древности муромы представлены как поселениями, так и могильниками, в которых преобладают трупоположения, но встречаются и кремации - 16-18 % (стр. 97). Огромный интерес представляют захоронения животных - коней и коров (стр. 99). В развитии материальной культуры муромы, главным образом украшений, авторы выделили четыре этапа (стр. 100).

Особый раздел посвящен описанию оружия, в развитии которого авторы так же выделяют четыре этапа (стр. 113).

Главу, посвященную описанию древностей мордвы, написали В.И. Вихляев и И.М. Петербургский (стр. 119). О культуре мордвы можно судить по материалам поселений и могильников. По мнению авторов, формирование мордовской материальной культуры в основных элементах завершилось к VII веку, и она была достаточно стабильной на протяжении ряда столетий (стр. 120). Интересно отметить, что во всех мордовских могильниках много погребений с оружием (стр. 124). Погребальный обряд мордвы-мокши и мордвы-эрзи имеет отличия. Характеризуя хозяйство и производство, авторы отмечают высокий уровень развития металлургии, в частности добычи и обработки железа. Характеризуя общественные отношения, авторы пишут: "Говоря о социальной структуре общества, следует обратить внимание на воинственный облик населения. Почти в каждом мужском захоронении было оружие. Оно встречалось и в отдельных женских погребениях" (стр. 156).

Главу, посвященную мари, написала Т.Б. Никитина (стр. 161). Автор подробно проанализировала материальную культуру средневековых марийцев, представленную как поселениями, так и некрополями. Большое внимание в разделе уделено рассмотрению истории изучения этих древностей. Характеризуя экономику, автор отмечает, что она включала земледелие, скотоводство, рыболовство, охоту и ремесленное производство. Интересно отметить, что охота, главным образом на пушных животных, играла большую роль. На ветлужских городищах I тысячелетия н.э. кости диких животных составляют 46 % всего количества костей (стр. 195). Касаясь обработки металла, автор высказывает интересную мысль. В связи с тем, что железистые руды из-за условий залегания чрезвычайно трудны для разработки, железо привозилось в этот край в виде полуфабрикатов (стр. 195). Это касается и цветного металла. В заключительной части раздела автор попытался наметить несколько этапов в истории средневековых мари (стр. 202).

Главу, посвященную древностям удмуртов, написала М.Г. Иванова (стр. 207). Автор подробно рассмотрела историю изучения памятников, главным образом в бассейне реки Чепцы, и их расположение. Многолетние работы, проводимые рядом исследователей, привели к накоплению материала, позволяющего изучить историю удмуртского народа. Среди материалов поселений, несомненно, центральное место занимают находки с городища Иднакар, на котором автор раздела проводила раскопки около 20 сезонов. Эти исследования позволяют изучить жизнь и культуру крупного, интенсивно живущего поселения. Судя по материалу, основой экономики было комплексное хозяйство, в котором ведущую роль играли земледелие и скотоводство. О развитом земледелии свидетельствуют находки зерен, а также большое количество железных деталей сельскохозяйственных орудий

(стр. 233). О скотоводстве позволяет судить большая коллекция костей, найденных при раскопках (стр. 234). Интересно, что более половины костей принадлежит диким животным, что, наряду с большим количеством наконечников стрел, свидетельствует о хорошо развитой охоте. Судя по костям, она имела пушную направленность. Автор справедливо отмечает, что с развитием пашенного земледелия резко возрастает значение металлургии и кузнечного ремесла (стр. 236). По ее мнению, городище Иднакар являлось крупнейшим центром кузнечного производства, которое работало на местном сырье. Цветной металл на чепецкие поселения привозили, по-видимому, в виде заготовок. Судя по находкам, обитатели чепецких городищ имели обширные торговые связи (стр. 240). На стр. 250 автор пишет: "Городище могло выступать и в качестве культового центра. Специальные сооружения пока не выделены, но многочисленные находки именно здесь предметов антропо- и зооморфной резной кости, которые отражали мировоззренческие и мифологические представления населения и несомненно использовались в культовых ритуалах". По моему мнению, предметы, связанные с культом, были в каждом жилище и не дают оснований рассматривать городище как культовый центр. Данные этнографии позволяют предположить, что такие центры находились вне поселений, в священных рощах. Более обоснованным представляется вывод автора, что Иднакар имел значение военно-оборонительного, ремесленного и торгового центра (стр. 252).

Глава, посвященная древностям коми-пермяков, написана В.А. Обориным (стр. 255). Автор отмечает, что интерес к памятникам верхнего Прикамья возник в русской науке в XVIII веке в связи с находками драгоценной восточной посуды и монет. В XIX веке любителями были собраны коллекции великолепных вещей и было определено местонахождение ряда памятников. Средневековые древности в этом регионе, относящиеся к Родановской культуре IX-XV вв., представлены городищами, селищами и могильниками. Комплексное хозяйство включало земледелие, скотоводство, охоту и рыбную ловлю. Закономерно, что охота имела пушную направленность. Хорошо развитое ремесло покрывало потребности в орудиях труда. Металлургическое производство базировалось на местном сырье. По мнению автора, на позднем этапе цветной металл стал предметом обмена (стр. 284). Интересно отметить, что именно в эту эпоху зарождается солеварение, ставшее впоследствии одной из важнейших отраслей экономики верхнего Прикамья (стр. 286). Большое внимание В.А. Оборин уделил религиозным представлениям обитателей бассейна верхней Камы в средневековье (стр. 295). В этом районе были найдены замечательные металлические изображения животных и фантастических существ. Кроме того, в процессе раскопок были исследованы сложные жертвенники.

Глава "Пермь вычегодская" написана Э.А. Савельевой, Т.В. Истоминой, К.С. Королевым (стр. 299). В начале раздела авторы рассматривают

письменные источники и историю изучения региона и приходят к закономерному выводу, что он всегда привлекал внимание исследователей. Рассматриваемые памятники относятся к Вымской культуре XI-XIV вв. Культура представлена грунтовыми могильниками и селищами. Интересно отметить, что на основной территории обитания перми вычегодской городища пока неизвестны (стр. 313). Характеризуя находки, авторы убедительно подразделяют оружие на промысловое и боевое (стр. 323), а, описывая орудия труда, выделяют деревообрабатывающие и железообрабатывающие. Хотя природные условия рассматриваемого региона мало благоприятствовали развитию производящего хозяйства, население успешно занималось земледелием и скотоводством. Большую роль играла охота, в значительной мере - пушная. Авторы отмечают большие успехи в развитии кузнечного производства (стр. 342).

Книга завершается библиографией по проблеме на 35 страницах.

Как было отмечено выше, авторы подробно проанализировали богатейшие материалы, добытые при исследовании некрополей и поселений, и рассмотрели сложные процессы, протекавшие у населения Среднего Поволжья и Приуралья в конце I – начале II тысячелетия, когда происходило разложение общинно-родовых отношений и становление раннеклассовых. В работе изучен сложный процесс формирования этносоциальных объединений в условиях воздействия тюркских и славянских влияний накануне присоединения к Руси.

Рецензируемый труд должен быть отнесен к числу фундаментальных. Он подводит итог полувековым исследованиям, произведенным после выхода книги "Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья" и, несомненно, вызовет большой интерес специалистов. Работа нужна археологам, историкам, этнологам, преподавателям высших и средних учебных заведений и всем людям, интересующимся историей своего народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М., 1952. № 28.

Кирилл Смирнов
Ижевск

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Рец.: ВИХЛЯЕВ В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. 132 с.

В настоящее время большинство исследователей считает, что мордовский этнос и его культура начинают складываться с начала нашей эры. Не отброшено мнение о том, что он сложился на базе населения, оставившего выделяемую археологически городецкую культуру. Рассмотрению этих процессов, охвативших полтора тысячелетия (VIII в. до н.э. - VII в. н.э.), и посвящена рецензируемая книга.

В.И. Вихляев совершенно справедливо отмечает, что территория расселения мордвы до начала нашей эры была занята населением, которое соотносится с археологической городецкой культурой. Он выделяет несколько районов концентрации городецких памятников к рубежу нашей эры (с. 17). Из них вызывает сомнение только один - в верхнем течении Тёши у города Арзамаса, где какого-то скопления памятников этого времени по сравнению с соседними территориями не наблюдается. Не зря он никак не соотнесён с локальными вариантами городецкой культуры, выделенными В.Г. Мироновым, которые автор приводит на этой же странице.

Заслуживает внимания предположение В.И. Вихляева о заселении части территории Нижнего Поочья населением ананьинской археологической культуры. Справедливо его мнение об активных культурных контактах в этом регионе городецкого и ананьинского населения уже в первом тысячелетии до нашей эры и в последующие периоды, что закономерно для контактных зон.

Несомненным достоинством книги В.И. Вихляева является реальная оценка состояния хозяйства у населения, оставившего городецкую археологическую культуру. В работах его предшественников иногда отстаивался завышенный уровень хозяйства этого населения. В.И. Вихляев, основываясь на археологических материалах, показывает, что "роль земледелия в хозяйстве городецких племён становится заметной лишь в конце периода их существования (рубеж нашей эры)" (с. 31). По его мнению, и животно-

водство не могло обеспечить полностью все потребности общностей, оставивших городецкую культуру, в продуктах питания. Эти выводы подтверждаются проведёнными ранее исследованиями Ю.А. Краснова. Вслед за ним В.И. Вихляев определяет хозяйственно-культурный тип населения городецкой культуры, как общества охотников и рыболовов лесной зоны умеренного пояса, знакомых с начатками производящего хозяйства (с. 35), что видимо, соответствовало исторической действительности.

Не таким высоким, как представлялось ранее, был и уровень развития ремесла у населения, оставившего городецкую культуру. В.И. Вихляев пишет об очень незначительных находках изделий из металла при его раскопках на городищах данного типа, отмечая при этом, что большая часть металлических изделий относится к позднему этапу существования городищ.

Для следующего этапа истории изучаемого региона очень большое значение имеет уточнение хронологии археологических памятников. В.И. Вихляев датирует грунтовые погребения Андреевского кургана первой половиной I века нашей эры, Климкинские курганы - второй половиной I - началом II века нашей эры, Писеральские курганы - от середины I до середины II века нашей эры, впускные погребения Андреевского кургана - концом I - II веком нашей эры. Его наблюдения о том, что римский импорт не поступал на северо-восток после II века нашей эры, имеет и другие подтверждения. Так, М.Ю. Брайчевский писал, что серебряные римские монеты поступали в Поднепровье, главным образом, на протяжении II века нашей эры, во время господства римлян в Дакии. После правления императора Септимия Севера (193-211 гг.) экономические отношения прерываются почти полностью в связи с системным кризисом, охватившим империю (1, с. 60). Данная хронология на сегодняшний день, видимо, наиболее аргументированная. По крайней мере, она выглядит более убедительно, чем хронологические построения исследователей, опубликовавших материалы Андреевского, Климкинских и Писеральских курганов. Но, тем не менее, проблема датировки этих памятников работой В.И. Вихляева далеко не закрыта.

Предложенная датировка создаёт хорошую основу для реконструкции истории населения данного региона в этот период. Как отмечает В.И. Вихляев, до начала нашей эры правобережье Оки и Волги занимало население городецкой культуры, которая, несмотря на наличие локальных вариантов, представляется единой общностью. Во многом априори считается, что это население относится к волжским финнам. Соглашаясь с автором в целом, хотелось бы возвратиться к обсуждению воззрений на роль балтов в происхождении городецкой и особенно считающейся родственной ей дьяковской культур. Тем более что часть керамики городецкой культуры связана своим

происхождением с населением Верхнего Поочья и более западных районов эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Для вещей андреевской культуры также имеются некоторые аналогии из памятников, лежащих к западу от её территории. Так, пряжка, изображённая на рисунке 6, *9*, и железный черешковый наконечник стрелы с "жальцами" (рис. 8, *10*) аналогичны находкам из Почепского поселения I-II вв. н.э. в бассейне реки Десны, которое исследователь памятника Ф.М. Заверняев относил к зарубинецкой культуре (2, с. 181-183, рис. 2, *4-6*). Здесь же найден небольшой керамический сосуд, украшенный рядом ямочных вдавлений и таких же треугольников под венчиком со сложными геометрическими знаками на тулове (2, рис. 3, *1*). Похожие сосуды имеются в Кошибеевском и других рязанско-окских могильниках (см. рис. 10, *12,14* в книге В.И. Вихляева).

В среду городецкого населения в I веке нашей эры переселяется население из Заволжья. Невозможно сейчас определить этнос этого населения (сарматы, угры и т. д.). Скорее всего, оно было смешанным, что очень характерно для кочевников, которые вплоть до позднего средневековья объединялись в общности не по этническому признаку, а по способу хозяйствования и образу жизни. В.И. Вихляев лишь упоминает Кипчаковский могильник, который изучается С.Э. Зубовым. Но этот могильник, скорее всего, имеет ключевое значение в понимании процесса сложения Андреевской археологической культуры. Именно там был найден воинский трофей в виде отрубленной человеческой челюсти. Если правильна датировка Кипчаковских курганов, предложенная С.Э. Зубовым, которую приводит в своей книге В.И. Вихляев, - II-I вв. до нашей эры, то именно потомки населения, оставившего Кипчаковские курганы, хоронили своих покойников в Андреевском кургане. Конечно, в правобережье Волги могла переселиться несколько большая общность из Заволжья, но, исходя из изученных на настоящий период памятников, речь может идти о единице сопоставимой с племенем.

В.И. Вихляев логично объясняет систему взаимодействия между пришлым и местным населением. Он считает, что возникло этносоциальное объединение, при котором пришлое население оформилось в слой господ, а местное население превратилось в зависимых людей. Такая структура вполне возможна и, как показывает автор, имела место и в других регионах (с. 57). Приход нового населения, занявшего привилегированное положение, дал толчок к изменению культурного комплекса в Волжском правобережье. Изменения в материальной культуре и погребальном обряде фиксируются уже в Писеральских курганах, а впускные погребения Андреевского

кургана являют результат этнокультурного взаимодействия и по существу относятся к совершенно иному культурному комплексу.

По мысли В.И. Вихляева, культура впускных погребений Андреевского кургана складывается на основе симбиозной культуры пришлого населения и местного городецкого населения. Местные керамические традиции андреевского населения им прослежены, но остальной культурный комплекс во многом инновационный и его возникновение в начале нашей эры объяснить довольно сложно.

На мой взгляд, переход от андреевской к древнемордовской культуре нуждается в дополнительной детализации. Наблюдается пусть небольшой, но всё-таки имеющийся хронологический разрыв. Исходя из высказываний автора, наиболее ранние мордовские могильники датируются с середины III века нашей эры. К более раннему времени он относит только несколько погребений Ражкинского могильника (конец II - середина III века нашей эры). Данная дата, на мой взгляд, нуждается в дополнительном обосновании. Отсутствие хорошо изученных памятников II-III веков нашей эры и приводит к спорности некоторых этнокультурных выводов и В. И. Вихляева, и других авторов.

В.И. Вихляев выделяет цнинско-мокшанскую группу могильников, стараясь не определять её этнокультурной сущности (цнинско-мокшанские племена, могильники кошибеевского типа) (с. 62). При этом он включает в эту группу разнокультурные памятники: мордовский Ражкинский могильник, рязанско-окские Польно-Ялтуновский и Кошибеевский могильники. В.И. Вихляев относит ранние погребения Ражкинского могильника к цнинско-мокшанским (рязанско-окским - *Ю.З.*). Но в относимом им к цнинско-мокшанским захоронениям погребении № 5 Ражкинского могильника имеется мордовская височная привеска с грузиком (с. 93). В Андреевском кургане уже появляется прототип мордовской височной привески, правда В.И. Вихляев считает, что это бракованное изделие и к височной привеске отношения не имеет (с. 86). В Кошибеевском могильнике этого этномаркирующего элемента материальной культуры нет. Вопрос о цнинско-мокшанской группе могильников, где Кошибеевский тип памятников, скорее всего, просто хронологический этап развития рязанско-окской культуры - наиболее противоречивый момент в рецензируемой работе.

Сложение культуры рязанско-окских могильников, несомненно, испытало на себе воздействие андреевской культуры. В том плане весьма плодотворной является мысль автора о воздействии андреевской культуры на культуру населения, оставившего Сергачский могильник "Кожина слобода" (конец II - середина III века нашей эры), и о его близости рязанско-окскому кругу памятников.

Скорее всего, формирование различных этнокультурных групп связано с тем, что они складывались на базе локальных различных вариантов городецкой культуры и с участием различных инокультурных включений. Наиболее мощным культурным очагом для первой половины I тысячелетия н.э. был рязанско-окский очаг культуры волжских финнов, который, как отмечает В.И. Вихляев в своей книге, на протяжении нескольких столетий воздействовал на складывание древнемордовской культуры. Можно только добавить, что влияние рязанско-окской культуры прослеживается и при сложении культур других волжско-финских народов: муромы, мари и мери.

В.И. Вихляев чётко определяет факторы, которые привели к изменению этнокультурной ситуации в регионе. В первую очередь он отмечает произошедшую в первом тысячелетии нашей эры смену хозяйственно-культурного типа у местного населения, что оказало главное воздействие на все остальные процессы. Переход в первой половине первого тысячелетия нашей эры к производящему хозяйству означал начало складывания мордовского крестьянского этноса со своеобразной этнической культурой и идеологией. С 3 века идёт его эволюционное развитие. Период I-III веков вслед за В.И. Вихляевым можно назвать периодом складывания данного этноса или начальным периодом этногенеза.

Несмотря на то, что книга В.И. Вихляева по ряду проблем даёт повод к дискуссии, что, наверное, характерно для неординарных работ, нужно признать, что на сегодняшний день это наиболее удачная книга по ранней истории мордвы. Автору удалось создать логичную и в целом подтвержденную археологическими материалами схему развития мордовской культуры и этноса. На мой взгляд, данная книга будет полезна не только для исследователей, но и при преподавании вузовского курса истории мордовского народа, настолько убедительно и в то же время просто построено в ней изложение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Брайчевский М.Ю.* К вопросу о происхождении Оболонского клада // КСИИМК. Вып. 66, 1956.

2. *Заверняев Ф.М.* Почепское селище первых веков нашей эры // СА. 1960, № 4.

Юрий Зеленеев
г. Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 2000, № 2.

Рец.: КАЗАНЦЕВ Д.Е. Республика Марий Эл. Сернурский район. Прошлое и настоящее. Историко-лингвистический очерк. Йошкар-Ола, 1999. 190 с.

Рецензируемая книга посвящена 250-летию поселка Сернур. В ней рассматривается нынешний Сернурский район с точки зрения его истории с начала освоения этой территории марийским и русским населением, иногда даже автор забегает в более глубокую историю, основываясь на археологических, антропологических и особенно топонимических данных. Книга состоит из введения, заключения и 34-х разделов, которые можно сгруппировать в 6 тематических групп: 1) домарийский период истории района; 2) история заселения территории марийцами и марийская топонимика; 3)сернурский говор в системе моркинско-сернурского говора, его фонетические, грамматические и лексические особенности; 4) история освоения территории русскими, особенности русского говора на рассматриваемой территории и местная топонимия русского происхождения; 5) межэтнические и межъязыковые контакты на территории района, т.е. контактирование между русским и марийским населением и их языками; здесь он устанавливает даже хронологию некоторых заимствований, их фонетическое и семантическое освоение; 6) последний раздел посвящен динамике народонаселения района в XX в. Книга, как пишет автор, рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой Марийского края.

В целом книга оставляет весьма приятное впечатление: вводит в научный оборот новые мысли и факты, что очень важно для исследователей. Но, как нам кажется, стиль изложения несколько сложный для простого читателя, хотя, правда, автор лингвистические термины старается везде переводить с латинского на русский, например: эпентеза 'вставка' (с. 28) и т.д. При перечислении населенных пунктов, очевидно, было бы лучше приводить наряду с официальными названиями и их местные, особенно, марийские варианты. Я не могу согласиться с автором в том, что в ойкониме **Торъял** содержится угорский элемент *тор* 'озеро, заливной луг' (*тор* – это

на марийском языке 'лес, перелесок') (с. 221). Очень большое сомнение вызывает этимология антропонима **Чумбылат** из удмурткого *чум* 'амбар для одежды, клеть, шалаш, лесная избушка'. Скорее всего, здесь конечный элемент *блат* и *булат* 'сталь'. Суффикс *–ла* с собирательным значением, на наш взгляд, нельзя возводить к одному источнику с финским словом *laatu* 'род, сорт, качество', которое само проникло в финский язык из русского 'лад' (с. 268). Вряд ли оправдано сравнение названия реки *шуля*, мар. *шӱльӧ вӱд* с удм. *шило* 'низкий лес, мелколесье, мелкий лес'.

Почему-то автор при характеристике фонетических особенностей сернурского подговора обходит молчанием процесс редукции конечных безударных гласных.

Не вызывает сомнений мнение автора о том, что русские глаголы сначала проникли через форму повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, к которому присоединился суффикс инфинитива *–аш*. Лишь позже глаголы стали оформляться при помощи словообразующего суффикса *–л: гуляяш – гулятлаш*, что создало грамматические синонимы.

Рецензируемая книга, несомненно, послужит большим подспорьем не только ученым, но и местным краеведам, преподавателям школ и вузов.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

Финно-угорский календарь культурной и научной жизни 2000 года

1000-летие государственности Венгерской Республики

Январь
Москва

В Музее кино прошла панорама "Новое кино Финляндии". Демонстрировались фильмы, популярные в 1999 году.

7 января
Будапешт

В Университете им. Лоранда Этвеша состоялась презентация Института Эстонии. Организован семинар, где подведены итоги работы финно-угорских кафедр и исследовательских групп по уралистике, действующих в венгерских вузах и научных центрах.

10 января
Саранск

Торжественные мероприятия в связи с 70-летием государственности мордовского народа.

22 января
Хельсинки

Торжественное собрание, посвященное 10-летию Общества М.А. Кастрена. В период с 1995-2000 гг. стипендиатами Общества М.А. Кастрена были 106 финно-утров России: 26 удмуртов, 24 марийца, 18 эрзя, 12 коми, 10 мокша, 6 карел, 3 коми-пермяка,3 манси, 2 ханта, 1 ингерманландец, 1 вепс.

28-30 января
Тверь

Заседание Совета МАФУН (Молодежной Ассоциации финно-угорских народов).

2-5 февраля
Саранск

II Всероссийская научная конференция финно-угроведов "Финно-угры России на пороге нового тысячелетия". Участники конференции работали в 15 секциях, в которых о результатах своих исследований в области языкознания, литературоведения, фольклора, истории, педагогики, экономики изложили 300 исследователей из Марий Эл, Коми, Удмур-

тии, Ханты-Мансийского автономного округа, Венгрии, Эстонии, Финляндии. Принято Обращение ко всем правительствам финно-угорских республик России о поддержке развития финно-угорских языков, являющихся государственными.

3 февраля
Тарту

Исполнилось 95 лет со дня рождения академика Эстонской Академии наук Пауля Аристэ (1905-1990), выдающегося финно-угроведа, инициатора и организатора подготовки специалистов по уральским языкам в Университете Тарту, основоположника тартуской школы финно-угроведения. При Университете создан центр родственных финно-угорских народов имени академика Пауля Аристе в целях адаптации финно-угорских студентов к условиям в Эстонии, укреплению связей с этнической родиной, обязательному изучению родных языков для всех студентов, прибывающих из финно-угорских регионов России, налаживанию контактов между студентами.

22 февраля
Таллинн

Открыт Институт Венгрии.

4 марта
Эстония

День родного языка.

Март
Сыктывкар, Йошкар-Ола

Официальные визиты Чрезвычайного и Полномочного Посла Венгерской Республики в Москве Эрне Кешкеня.

10-12 марта
Ижевск

Соревнования спортсменов финно-угорских регионов по лыжным гонкам на приз Галины Кулаковой, чемпионки мира и Олимпийских игр.

21-22 марта
Йошкар-Ола

Заседание Консультативного Комитета финно-угорских народов по вопросу проведения III Всемирного финно-угорского конгресса.

23-24 марта
Йошкар-Ола

Международный семинар "Финно-угорский фактор в современном мире".

25-26 апреля *Тарту*	Конференция финно-угорских фольклористов.
17-19 мая *Сыктывкар*	Научно-практическая конференция "Коренные народы Европейского севера России на пороге нового тысячелетия: история, современность и тенденции развития".
6 мая *Хиюо* *(Финляндия)*	Открытие выставки современного искусства финно-угорских художников "Ugriculture 2000", которая является составной частью программы "Уральская культура". Выставка продолжится до 1 января 2001 года. Представлено около 100 произведений искусства, живопись, графика, скульптура, книжное искусство, ручная работа и видеоискусство. Произведения художников отображают мифологию своего народа, личное отношение художника к родной визуальной и культурной традиции.
24 мая *Йошкар-Ола*	Презентация книги "Дети другого бога" по марийской религии финского журналиста и писателя Рейно Риннекангаса. При содействии Общества финской литературы на марийском языке издана книга "Тылзе куржеш" Р. Риннекангаса .
24-27 мая	Этнофутуристическая выставка "Мутому".
25 мая-20 августа *Лохая* *(Финляндия)*	Выставка марийской национальной одежды из частной коллекции М. Шиляева.
1-4 июня *Таллинн*	Круглый стол представителей средств массовой информации коренных народов Северной Евразии. Участвовали представители финно-угорских народов из России, Финляндии, Эстонии. Участники подписали протокол о намерениях по обмену информацией между финно-угорскими средствами массовой информации, утвердили "Концепцию стратегии в сфере СМИ и информатики на 2000-2005 гг." приняли обращение к Консультативному Комитету финно-угорских народов о финансовой поддержке деятельности SURI.
5-12 июня *Коми*	Дни Финляндии в Республике Коми.

6-9 июня *Карелия*	Торжественные мероприятия, посвященные 80-летию государственности карельского народа.
9-12 июня *Йошкар-Ола*	Заседание Совета Молодежной Ассоциации финно-угорских народов, посвященное 10-летию Ассоциации. Представители из Башкортостана, Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Коми-Пермяцкого, Ханты-Мансийского автономных округов, Венгрии, Эстонии, Финляндии рассматривали вопрос о подготовке к Всемирной конференции Ассоциации и поддержке газеты "Kudo-Kodu".
4-7 июня *Йошкар-Ола*	Посещение МарГУ 35 финно-угроведами из Эстонии, Финляндии и Швеции, их знакомство с научной и культурной жизнью РМЭ.
17-18 июня *Таллинн, Хельсинки*	Первый в истории Эстонии и Финляндии совместный праздник песни и танца. Всего от Эстонии участвовало 6500 певцов и 3500 танцоров, от Финляндии 3800 певцов и 3500 танцоров, музыкантов.
20-26 июня *Секешфехервар (Венгрия)*	VIII Международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов. Участвовали 13 коллективов из Венгрии, Финляндии, Эстонии, Мордовии, Удмуртии, Татарстана, Коми, Марий Эл, Коми-Пермяцкого, Ханты-Мансийского автономных округов. Организатор: национальный отдел Всемирного конгресса финно-угорских народов.
30 июня-4 июля *Йоэнсуу-Туповара (Финляндия)*	Концертные выступления группы "Мари" С. Шакирова. Участие на фестивале "Белые ночи".
3-29 июля *Сыктывкар*	Первый финно-угорский фестиваль детских и молодежных театров "ЕН ДЗИРД".
8-31 июля *Ханты-Мансийск*	Международная смена детей финно-угорских народов.

4-10 июля *Ханты-Мансийск*	Международный фестиваль финно-угорских народов "Югра-2000".
9-10 июля *Йошкар-Ола*	V Всемарийский съезд. Участвовали 320 делегатов, 250 гостей из 11 регионов России. Утвержден Устав движения "Марийский национальный конгресс", избраны делегаты на III Всемирный конгресс финно-угорских народов.
22-25 июля *Нефтекамск (Башкортостан)*	Финно-угорский фестиваль фольклора "Самоцветы Прикамья".
28-30 июля *Козьмодемьянск (Марий Эл)*	Литературный семинар "Постмодернизм и этнофутуризм в литературе народов Поволжья". Участниками были молодые литераторы из Марий Эл, Чувашии, Эстонии, Финляндии.
25 июля-7 августа *Йошкар-Ола*	Международный финно-угорский летний лагерь детей.
3-7 августа *Таллинн*	17 Международная студенческая конференция FUSCO. Направления работы: языковедение, литература и фольклор, история, археология, этнография. Региональные вопросы, их этнический аспект, связи между финно-угорскими студентами и академическими организациями. Участники: молодые ученые и студенты из Финляндии, Венгрии, Германии, Чехии, Карелии, Удмуртии, Мордовии, Башкортостана, Коми-Пермяцкого автономного округа, Марий Эл.
21 июня-23 июля *Йошкар-Ола*	Курсы повышения квалификации по финскому языку для научных сотрудников НИИ обско-угорских народов при Марийском государственном университете.
3-10 августа *Ижевск*	VI Международный слет финно-угорских старшеклассников. В его работе приняли участие из Марий Эл, Мордовии, Коми, Татарстана, Коми-Пермяцкого автономного округа.
7-13 августа *Тарту*	IX Международный конгресс финно-угроведов "Финно-угристика рубежа нового тысячелетия". Работа по секциям: языкознание, фольклористика, этнология, литерату-

	роведение, археология, антропология, генетика.
7-10 августа *Ижевск*	Заседание Совета Молодежной Ассоциации финно-угорских народов.
12-13 августа *Йошкар-Ола*	V финно-угорские конные спортивные соревнования. Участвовали спортсмены из Удмуртии, Коми, Чувашии, Кировской области, Марий Эл.
14-25 августа *Сомбатхей (Венгрия)*	Курсы летнего университета "Хунгарология".
23-26 августа *Саранск*	VI Международный конгресс финно-угорских писателей "Финно-угорская детская литература". Участники приняли Резолюцию и Обращение к руководителям финно-угорских республик и регионов, где выразили озабоченность в связи с сокращением книгоиздания на финно-угорских языках, предложили разработать научную концепцию литературного образования в национальной школе. Председателем Ассоциации вновь избран Арво Валтон.
7-8 сентября *Будапешт*	Заседание консультативного Комитета финно-угорских народов.
6 октября *Хельсинки*	Общество М.А. Кастрена и Министерство просвещения Финляндии провели семинар "Северные народы России", посвященный Дню родственных финно-угорских народов.
8-10 октября *Тампере (Финляндия)*	Неделя Эстонии.
Октябрь *Уфа*	Конференция Ассоциации финно-угорских народов Республики Башкортостан.
11-12 октября *Хельсинки*	Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов.
4 ноября *Йошкар-Ола*	Празднование 80-летия государственности марийского народа.

4 ноября *Ижевск*	Празднование 80-летия государственности удмуртского народа.
5-9 ноября *Йошкар-Ола*	Финно-угорский фестиваль детских и молодежных театров.
6-11 ноября *Хельсинки*	Семинар по работе над новостями и актуальными программами на родных финно-угорских языках на телевидении.
16-20 ноября *Йошкар-Ола*	Международная научная конференция "Актуальные проблемы финно-угорской филологии", посвященная 225-летию марийской письменности, 80-летию марийской автономии, 70-летию профессора Ивана Галкина.
6-10 декабря *Хельсинки*	Финно-угорский театральный фестиваль "Karhunkato". Свои спектакли показали: Эстонский драмтеатр, Венгерская театральная группа, фольклорный театр Коми, Петрозаводский Финский театр, Удмуртский, Ханты-Мансийский, Коми-Пермяцкий драмтеатры.
9-11 декабря *Сегед* *(Венгрия)*	Международная конференция "Мир финно-угорских народов и Европейский Союз" обсудила вопросы взаимоотношений финно-угорских народов с индустриально развитыми странами Европы, проблемы вхождения в Европейский Союз. В международной встрече приняли участие представители Венгрии, Марий Эл, Мордовии, Коми, Финляндии, Эстонии, Ямало-Ненецкого автономного округа.
Ноябрь 2000-март 2001 гг. *Хельсинки*	Еженедельная радиопередача "Узы дружбы" из Финляндии на удмуртском и марийском языках. Программа готовится Юлейсрадио, Университетом г. Турку, Обществом М.А. Кастрена. В радиопередачах рассказывается о культурных и общественных событиях в финно-угорских странах и регионах.
10-13 декабря *Хельсинки*	Конгресс Молодежной Ассоциации финно-угорских народов.
11-13 декабря *Хельсинки*	III Всемирный конгресс финно-угорских народов "Финно-угорский мир в III тысячелетии - перспективы развития". Приняли участие 500 делегатов, наблюдателей, гостей и

журналистов. Председателем избран В.П. Марков (Эстония). Работа велась по следующим секциям: политика – "Права человека и права коренных народов", культура и образование – "Язык как одна из главных основ существования народа", экономика и здравоохранение – "Развитие регионов и здоровье сред обитания и народов", медиа и информационные системы – "Стратегия пропаганды языков и культур финно-угорских народов в будущем столетии", молодежная.

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета.

Иванов Иван Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой марийского языка Марийского государственного университета.

Плосков Иван Александрович – научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Соловар Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Ханты-Мансийского филиала Нижневартовского пединститута.

Спирякова Людмила Тихоновна – корреспондент окружной газеты "Ханты ясăн".

Васинкин Аркадий Афанасьевич – кандидат филологических наук, учёный секретарь Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева.

Бояринова Галина Никитьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры марийской литературы Марийского государственного университета.

Шабдарова Людмила Евгеньевна - старший лаборант кафедры марийской литературы Марийского государственного университета.

Китиков Александр Ефимович - доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник МарНИИ.

Куликов Кузьма Иванович – доктор исторических наук, директор Удмуртского НИИ языка, литературы, истории УрО РАН.

Никитин Валерий Валентинович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии МарНИИ.

Смирнов Кирилл Алексеевич – доктор исторических наук, учёный секретарь Института археологии РАН.

Зеленеев Юрий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Галкин Иван Степанович – доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Марийского государственного университета.

CONTENTS

ARTICLES

Sanukov X.. State system of the Finno-Ugric peoples in Russia..... 3
Ivanov I. Literary language as a form of language functioning..... 17
Ploskov I. Images of Komi tales and legends (to the problem of interrelation of tale and non-tale prose)..... 35
Grigoryeva L. Stages in studying the eastern dialect of the Mari language..... 48

REPORTS

*Aksenov V.*Ethnic processes in the basin of the Moksha and the Vada in 8-11 centuries..... 59
Solovar V., Spiryakova L. The numeral in the Khanty language..... 66
Belova E. Doubled affricates in the Udmurt language..... 73
Sokolova G. Morphological-syntactical types of word agreement between components of attributive constructions in Mari..... 82
Rombandeeva E. Etymology of names of trees, bushes, berries and some geographical terms in Mansi..... 86
Vasinkin A. National peculiarities of the Mari prose..... 91
Yadarova I. Essay genre in N. Ignatyev's creative work..... 98
Boyarinova G. Inner dramatizm of characters in the drama "Storm Glow" by K. Korshunov..... 105
Shabdarova L. Symbolic variety of lime-tree in Mari folk-lore..... 110

PERSONS

Kitikov A Professor Galkin I. S. is 70..... 116
Kulikov K. To the 55th anniversary of Margarita Grigorievna Ivanova..... 120

SURVEYS AND REVIEWS

Nikitin V. Rew.: Stavitsky V. V. The Stone Age on the territory along the Moksha and the Upper Sura. Penza, 1999. 196 p..... 133
Smirnov K. Rew.: Finno-Ugrics of the Volga and the Urals in the Middle Ages. Izhevsk. Editor in chief M. G. Ivanova. 1999. 388 p..... 138
Zeleneev Y. Rew.: Vikhliaev V. I. Origin of the Old Mordvinian culture. Saransk. 2000. 132 p..... 143
Galkin I. Rew.: Kazantsev D. E. The Republic of Mari El. Semursky Region. Past and present. Historic-linguistic essay. Yoshkar-Ola. 1999. 190 p..... 148

CHRONICLE

Sadovin I. Finno-Ugric calendar of cultural and scientific life in 2000..... 150
Invormation about authors..... 159

«Финно-угроведение», 2000, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5360 от 11.09.2000 г.

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 64-19-28

Редактор *Т. А. Товашова*
Технический редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*

Английский текст *Ж. М. Сабанцевой*
Компьютерный набор и верстка *Х. Н. Полушиной*

Сдано в набор 15.09.2000. Подписано в печать 07.02.2001.
Формат 60x84/16. Объем 10 п. л. Бумага офсетная.
Заказ № 680. Тираж 500

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Марийском полиграфическо-издательском комбинате
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112